"Племянник чародея" with W_cat

English with W_cat - 1

Клайв Стейплз Льюис

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей предлагается книга Клайва Льюиса «Племянник чародея».

Каждый абзац текста, на английском языке, снабжен ссылкой на литературный перевод.

Книга предназначена для учащихся старший классов школ, лицеев и гимназий, а также для широкого круга лиц, интересующихся английской литературой и совершенствующих свою языковую подготовку.

- Clive Staples Lewis
  - Предуведомление.
  - [1] CHAPTER ONE.
  - [93] CHAPTER TWO.
  - [166] CHAPTER THREE.
  - [229] CHAPTER FOUR.
  - [281] CHAPTER FIVE.
  - [347] CHAPTER SIX.
  - [406] CHAPTER SEVEN.
  - [458] CHAPTER EIGHT.
  - [511] CHAPTER NINE.
  - [547] CHAPTER TEN.
  - [606] CHAPTER ELEVEN.
  - [685] CHAPTER TWELVE.
  - [755] CHAPTER THIRTEEN.
  - [801] CHAPTER FOURTEEN.
  - [843] CHAPTER FIFTEEN.
  - English source.
  - Русский источник.
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144

- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188

- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232

- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276

- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320

- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364

- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408

- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452

- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496

- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540

- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584

- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628

- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672

- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716

- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760

- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804

- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848

- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874

Clive Staples Lewis
THE MAGICIAN'S NEPHEW

Предуведомление.

Данная книга из серии «Хроник Нарнии», сделана из двух: «The Magician's Nephew» и «Племянник чародея», автор Клайв Стейплз Льюис.

Я старался соотнести по смыслу английский текст с его переводом, ведь переводчик никогда не следует точно разбивке исходного текста. Но отсутствие «разжеванных» ответов, как мне кажется, будет лучше стимулировать мысль учащегося.

Полноценно работать с данным пособием можно на устройстве, поддерживающем гиперссылки: компьютер или различные «читалки» с сенсорным экраном, желательно со словарем.

Причем тут W_cat? Дело в том, что я собираюсь сделать несколько книг в данном стиле, и хотелось бы, чтобы книга сразу заявляла о своем оформлении и назначении, свою фамилию использовать я посчитал нескромным, ограничусь «ником».

Успехов!

Ю. Карпов.

[1] CHAPTER ONE. THE WRONG DOOR

[2] This is a story about something that happened long ago when your grandfather was a child. It is a very important story because it shows how all the comings and goings between our own world and the land of Narnia first began.

[3] In those days Mr Sherlock Holmes was still living in Baker Street and the Bastables were looking for treasure in the Lewisham Road. In those days, if you were a boy you had to wear a stiff Eton collar every day, and schools were usually nastier than now. But meals were nicer; and as for sweets, I won't tell you how cheap and good they were, because it would only make your mouth water in vain. And in those days there lived in London a girl called Polly Plummer.

[4] She lived in one of a long row of houses which were all joined together. One morning she was out in the back garden when a boy scrambled up from the garden next door and put his face over the wall. Polly was very surprised because up till now there had never been any children in that house, but only Mr Ketterley and Miss Ketterley, a brother and sister, old bachelor and old maid, living together. So she looked up, full of curiosity. The face of the strange boy was very grubby. It could hardly have been grubbier if he had first rubbed his hands in the earth, and then had a good cry, and then dried his face with his hands. As a matter of fact, this was very nearly what he had been doing.

[5] "Hullo," said Polly.

[6] "Hullo," said the boy. "What's your name?"

[7] "Polly," said Polly. "What's yours?"

[8] "Digory," said the boy.

[9] "I say, what a funny name!" said Polly.

[10] "It isn't half so funny as Polly," said Digory.

[11] "Yes it is," said Polly.

[12] "No, it isn't," said Digory.

[13] "At any rate I do wash my face," said Polly, "Which is what you need to do; especially after—" and then she stopped. She had been going to say "After you've been blubbing," but she thought that wouldn't be polite.

[14] "Alright, I have then," said Digory in a much louder voice, like a boy who was so miserable that he didn't care who knew he had been crying. "And so would you," he went on, "if you'd lived all your life in the country and had a pony, and a river at the bottom of the garden, and then been brought to live in a beastly Hole like this."

[15] “London isn’t a Hole,” said Polly indignantly. But the boy was too wound up to take any notice of her, and he went on “And if your father was away in India—and you had to come and live with an Aunt and an Uncle who’s mad (who would like that?)—and if the reason was that they were looking after your Mother—and if your Mother was ill and was going to—going to—die.” Then his face went the wrong sort of shape as it does if you’re trying to keep back your tears.

[16] “I didn’t know. I’m sorry,” said Polly humbly. And then, because she hardly knew what to say, and also to turn Digory’s mind to cheerful subjects, she asked:

[17] “Is Mr Ketterley really mad?”

[18] “Well either he’s mad,” said Digory, “or there’s some other mystery. He has a study on the top floor and Aunt Letty says I must never go up there. Well, that looks fishy to begin with. And then there’s another thing. Whenever he tries to say anything to me at meal times—he never even tries to talk to her—she always shuts him up. She says, “Don’t worry the boy, Andrew” or “I’m sure Digory doesn’t want to hear about that” or else “Now, Digory, wouldn’t you like to go out and play in the garden?”

[19] “What sort of things does he try to say?”

[20] “I don’t know. He never gets far enough. But there’s more than that. One night—it was last night in fact—as I was going past the foot of the attic-stairs on my way to bed (and I don’t much care for going past them either) I’m sure I heard a yell.”

[21] “Perhaps he keeps a mad wife shut up there.”

[22] “Yes, I’ve thought of that.”

[23] “Or perhaps he’s a coiner.”

[24] “Or he might have been a pirate, like the man at the beginning of Treasure Island, and be always hiding from his old shipmates.”

[25] “How exciting!” said Polly, “I never knew your house was so interesting.”

[26] “You may think it interesting,” said Digory. “But you wouldn’t like it if you had to sleep there. How would you like to lie awake listening for Uncle Andrew’s step to come creeping along the passage to your room? And he has such awful eyes.”

[27] That was how Polly and Digory got to know one another: and as it was just the beginning of the summer holidays and neither of them was going to the sea that year, they met nearly every day.

[28] Their adventures began chiefly because it was one of the wettest and coldest summers there had been for years. That drove them to do indoor things: you might say, indoor exploration. It is wonderful how much exploring you can do with a stump of candle in

a big house, or in a row of houses.

[29] Polly had discovered long ago that if you opened a certain little door in the box-room attic of her house you would find the cistern and a dark place behind it which you could get into by a little careful climbing. The dark place was like a long tunnel with brick wall on one side and sloping roof on the other. In the roof there were little chunks of light between the slates.

[30] There was no floor in this tunnel: you had to step from rafter to rafter, and between them there was only plaster. If you stepped on this you would find yourself falling through the ceiling of the room below.

[31] Polly had used the bit of the tunnel just beside the cistern as a smugglers' cave. She had brought up bits of old packing cases and the seats of broken kitchen chairs, and things of that sort, and spread them across from rafter to rafter so as to make a bit of floor. Here she kept a cash-box containing various treasures, and a story she was writing and usually a few apples. She had often drunk a quiet bottle of ginger-beer in there: the old bottles made it look more like a smugglers' cave.

[32] Digory quite liked the cave (she wouldn't let him see the story) but he was more interested in exploring.

[33] "Look here," he said. "How long does this tunnel go on for? I mean, does it stop where your house ends?"

[34] "No," said Polly. "The walls don't go out to the roof. It goes on. I don't know how far."

[35] "Then we could get the length of the whole row of houses."

[36] "So we could," said Polly, "And oh, I say!"

[37] "What?"

[38] "We could get into the other houses."

[39] "Yes, and get taken up for burglars! No thanks."

[40] "Don't be so jolly clever. I was thinking of the house beyond yours." ,

[41] "What about it?"

[42] "Why, it's the empty one. Daddy says it's always been empty since we came here."

[43] "I suppose we ought to have a look at it then," said Digory. He was a good deal more excited than you'd have thought from the way he spoke. For of course he was thinking, just as you would have been, of all the reasons why the house might have been empty so long. So was Polly. Neither of them said the word "haunted". And both felt that once the thing had been suggested, it would be feeble not to do it.

[44] "Shall we go and try it now?" said Digory.

[45] "Alright," said Polly.

[46] "Don't if you'd rather not," said Digory.

[47] “I’m game if you are,” said she.

[48] “How are we to know we’re in the next house but one?”

[49] They decided they would have to go out into the boxroom and walk across it taking steps as long as the steps from one rafter to the next. That would give them an idea of how many rafters went to a room.

[50] Then they would allow about four more for the passage between the two attics in Polly’s house, and then the same number for the maid’s bedroom as for the box-room. That would give them the length of the house.

[51] When they had done that distance twice they would be at the end of Digory’s house; any door they came to after that would let them into an attic of the empty house.

[52] “But I don’t expect it’s really empty at all,” said Digory.

[53] “What do you expect?”

[54] “I expect someone lives there in secret, only coming in and out at night, with a dark lantern. We shall probably discover a gang of desperate criminals and get a reward. It’s all rot to say a house would be empty all those years unless there was some mystery.”

[55] “Daddy thought it must be the drains,” said Polly.

[56] “Pooh! Grown-ups are always thinking of uninteresting explanations,” said Digory. Now that they were talking by daylight in the attic instead of by candlelight in the Smugglers’ Cave it seemed much less likely that the empty house would be haunted.

[57] When they had measured the attic they had to get a pencil and do a sum. They both got different answers to it at first, and even when they agreed I am not sure they got it right. They were in a hurry to start on the exploration.

[58] “We mustn’t make a sound,” said Polly as they climbed in again behind the cistern. Because it was such an important occasion they took a candle each (Polly had a good store of them in her cave).

[59] It was very dark and dusty and draughty and they stepped from rafter to rafter without a word except when they whispered to one another, “We’re opposite your attic now” or “this must be halfway through our house”.

[60] And neither of them stumbled and the candles didn’t go out, and at last they came where they could see a little door in the brick wall on their right. There was no bolt or handle on this side of it, of course, for the door had been made for getting in, not for getting out; but there was a catch (as there often is on the inside of a cupboard door) which they felt sure they would be able to turn.

[61] “Shall I?” said Digory.

[62] “I’m game if you are,” said Polly, just as she had said before.

[63] Both felt that it was becoming very serious, but neither

would draw back. Digory pushed round the catch with some difficultly. The door swung open and the sudden daylight made them blink. Then, with a great shock, they saw that they were looking, not into a deserted attic, but into a furnished room. But it seemed empty enough. It was dead silent. Polly's curiosity got the better of her. She blew out her candle and stepped out into the strange room, making no more noise than a mouse.

[64] It was shaped, of course, like an attic, but furnished as a sitting-room. Every bit of the walls was lined with shelves and every bit of the shelves was full of books. A fire was burning in the grate (you remember that it was a very cold wet summer that year) and in front of the fire-place with its back towards them was a high-backed armchair. Between the chair and Polly, and filling most of the middle of the room, was a big table piled with all sorts of things printed books, and books of the sort you write in, and ink bottles and pens and sealing-wax and a microscope. But what she noticed first was a bright red wooden tray with a number of rings on it. They were in pairs—a yellow one and a green one together, then a little space, and then another yellow one and another green one. They were no bigger than ordinary rings, and no one could help noticing them because they were so bright. They were the most beautiful shiny little things you can imagine. If Polly had been a very little younger she would have wanted to put one in her mouth.

[65] The room was so quiet that you noticed the ticking of the clock at once. And yet, as she now found, it was not absolutely quiet either. There was a faint—a very, very faint—humming sound. If Hoovers had been invented in those days Polly would have thought it was the sound of a Hoover being worked a long way off—several rooms away and several floors below. But it was a nicer sound than that, a more musical tone: only so faint that you could hardly hear it.

[66] "It's alright; there's no one here," said Polly over her shoulder to Digory. She was speaking above a whisper now. And Digory came out, blinking and looking extremely dirty—as indeed Polly was too.

[67] "This is no good," he said. "It's not an empty house at all. We'd better bunk before anyone comes."

[68] "What do you think those are?" said Polly, pointing at the coloured rings.'

[69] "Oh come on," said Digory. "The sooner-"

[70] He never finished what he was going to say for at that moment something happened. The high-backed chair in front of the fire moved suddenly and there rose up out of it—like a pantomime demon coming up out of a trapdoor the alarming form of Uncle Andrew. They were not in the empty house at all; they were in

Digory's house and in the forbidden study! Both children said "O-o-oh" and realized their terrible mistake. They felt they ought to have known all along that they hadn't gone nearly far enough.

[71] Uncle Andrew was tall and very thin. He had a long clean-shaven face with a sharply-pointed nose and extremely bright eyes and a great tousled mop of grey hair.

Digory was quite speechless, for Uncle Andrew looked a thousand times more alarming than he had ever looked before.

[72] Polly was not so frightened yet; but she soon was. For the very first thing Uncle Andrew did was to walk across to the door of the room, shut it, and turn the key in the lock. Then he turned round, fixed the children with his bright eyes, and smiled, showing all his teeth.

[73] "There!" he said. "Now my fool of a sister can't get at you!"

[74] It was dreadfully unlike anything a grown-up would be expected to do. Polly's heart came into her mouth, and she and Digory started backing towards the little door they had come in by. Uncle Andrew was too quick for them. He got behind them and shut that door too and stood in front of it. Then he rubbed his hands and made his knuckles crack. He had very long, beautifully white, fingers.

[75] "I am delighted to see you," he said. "Two children are just what I wanted."

[76] "Please, Mr Ketterley," said Polly. "It's nearly my dinner time and I've got to go home. Will you let us out, please?"

[77] "Not just yet," said Uncle Andrew. "This is too good an opportunity to miss. I wanted two children. You see, I'm in the middle of a great experiment. I've tried it on a guinea-pig and it seemed to work. But then a guinea-pig can't tell you anything. And you can't explain to it how to come back."

[78] "Look here, Uncle Andrew," said Digory, "it really is dinner time and they'll be looking for us in a moment. You must let us out."

[79] "Must?" said Uncle Andrew.

[80] Digory and Polly glanced at one another. They dared not say anything, but the glances meant "Isn't this dreadful?" and "We must humour him."

[81] "If you let us go for our dinner now," said Polly, "we could come back after dinner."

[82] "Ah, but how do I know that you would?" said Uncle Andrew with a cunning smile. Then he seemed to change his mind.

[83] "Well, well," he said, "if you really must go, I suppose you must. I can't expect two youngsters like you to find it much fun talking to an old buffer like me." He sighed and went on. "You've no idea how lonely I sometimes am. But no matter. Go to your dinner. But I must give you a present before you go. It's not every day that I

see a little girl in my dingy old study; especially, if I may say so, such a very attractive young lady as yourself."

[84] Polly began to think he might not really be mad after all.

[85] "Wouldn't you like a ring, my dear?" said Uncle Andrew to Polly.

[86] "Do you mean one of those yellow or green ones?" said Polly. "How lovely!"

[87] "Not a green one," said Uncle Andrew. "I'm afraid I can't give the green ones away. But I'd be delighted to give you any of the yellow ones: with my love. Come and try one on."

[88] Polly had now quite got over her fright and felt sure that the old gentleman was not mad; and there was certainly something strangely attractive about those bright rings. She moved over to the tray.

[89] "Why! I declare," she said. "That humming noise gets louder here. It's almost as if the rings were making it."

[90] "What a funny fancy, my dear," said Uncle Andrew with a laugh. It sounded a very natural laugh, but Digory had seen an eager, almost a greedy, look on his face.

[91] "Polly! Don't be a fool!" he shouted. "Don't touch them."

[92] It was too late. Exactly as he spoke, Polly's hand went out to touch one of the rings. And immediately, without a flash or a noise or a warning of any sort, there was no Polly. Digory and his Uncle were alone in the room.

[93] CHAPTER TWO. DIGORY AND HIS UNCLE

[94] IT was so sudden, and so horribly unlike anything that had ever happened to Digory even in a nightmare, that he let out a scream. Instantly Uncle Andrew's hand was over his mouth. "None of that!" he hissed in Digory's ear. "If you start making a noise your Mother'll hear it. And you know what a fright might do to her."

[95] As Digory said afterwards, the horrible meanness of getting at a chap in that way, almost made him sick. But of course he didn't scream again.

[96] "That's better," said Uncle Andrew. "Perhaps you couldn't help it. It is a shock when you first see someone vanish. Why, it gave even me a turn when the guinea-pig did it the other night."

[97] "Was that when you yelled?" asked Digory.

[98] "Oh, you heard that, did you? I hope you haven't been spying on me?"

[99] "No, I haven't," said Digory indignantly. "But what's happened to Polly?"

[100] "Congratulate me, my dear boy," said Uncle Andrew, rubbing his hands. "My experiment has succeeded. The little girl's gone—vanished—right out of the world."

[101] "What have you done to her?"

[102] "Sent her to—well—to another place."

[103] "What do you mean?" asked Digory.

[104] Uncle Andrew sat down and said, "Well, I'll tell you all about it. Have you ever heard of old Mrs Lefay?"

[105] "Wasn't she a great-aunt or something?" said Digory.

[106] "Not exactly," said Uncle Andrew. "She was my godmother. That's her, there, on the wall."

[107] Digory looked and saw a faded photograph: it showed the face of an old woman in a bonnet. And he could now remember that he had once seen a photo of the same face in an old drawer, at home, in the country. He had asked his Mother who it was and Mother had not seemed to want to talk about the subject much. It was not at all a nice face, Digory thought, though of course with those early photographs one could never really tell.

[108] "Was there—wasn't there—something wrong about her, Uncle Andrew?" he asked.

[109] "Well," said Uncle Andrew with a chuckle, "it depends what you call wrong. People are so narrow-minded. She certainly got very queer in later life. Did very unwise things. That was why they shut her

up."

[110] "In an asylum, do you mean?"

[111] "Oh no, no, no," said Uncle Andrew in a shocked voice. "Nothing of that sort. Only in prison."

[112] "I say!" said Digory. "What had she done?"

[113] "Ah, poor woman," said Uncle Andrew. "She had been very unwise. There were a good many different things. We needn't go into all that. She was always very kind to me."

[114] "But look here, what has all this got to do with Polly? I do wish you'd—"

[115] "All in good time, my boy," said Uncle Andrew. "They let old Mrs Lefay out before she died and I was one of the very few people whom she would allow to see her in her last illness. She had got to dislike ordinary, ignorant people, you understand. I do myself. But she and I were interested in the same sort of things.

[116] It was only a few days before her death that she told me to go to an old bureau in her house and open a secret drawer and bring her a little box that I would find there. The moment I picked up that box I could tell by the pricking in my fingers that I held some great secret in my hands. She gave it me and made me promise that as soon as she was dead I would burn it, unopened, with certain ceremonies. That promise I did not keep."

[117] "Well, then, it was jolly rotten of you," said Digory.

[118] "Rotten?" said Uncle Andrew with a puzzled look.

[119] "Oh, I see. You mean that little boys ought to keep their promises. Very true: most right and proper, I'm sure, and I'm very glad you have been taught to do it. But of course you must understand that rules of that sort, however excellent they may be for little boys—and servants—and women—and even people in general, can't possibly be expected to apply to profound students and great thinkers and sages. No, Digory. Men like me, who possess hidden wisdom, are freed from common rules just as we are cut off from common pleasures. Ours, my boy, is a high and lonely destiny."

[120] As he said this he sighed and looked so grave and noble and mysterious that for a second Digory really thought he was saying something rather fine. But then he remembered the ugly look he had seen on his Uncle's face the moment before Polly had vanished: and all at once he saw through Uncle Andrew's grand words. "All it means," he said to himself, "Is that he thinks he can do anything he likes to get anything he wants."

[121] "Of course," said Uncle Andrew, "I didn't dare to open the box for a long time, for I knew it might contain something highly dangerous. For my godmother was a very remarkable woman. The truth is, she was one of the last mortals in this country who had fairy

blood in her. (She said there had been two others in her time. One was a duchess and the other was a charwoman.) In fact, Digory, you are now talking to the last man (possibly) who really had a fairy godmother. There! That'll be something for you to remember when you are an old man yourself."

[122] "I bet she was a bad fairy," thought Digory; and added out loud.

[123] "But what about Polly?"

[124] "How you do harp on that!" said Uncle Andrew. "As if that was what mattered! My first task was of course to study the box itself. It was very ancient. And I knew enough even then to know that it wasn't Greek, or Old Egyptian, or Babylonian, or Hittite, or Chinese. It was older than any of those nations. Ah—that was a great day when I at last found out the truth. The box was Atlantean; it came from the lost island of Atlantis. That meant it was centuries older than any of the stone-age things they dig up in Europe. And it wasn't a rough, crude thing like them either. For in the very dawn of time Atlantis was already a great city with palaces and temples and learned men."

[125] He paused for a moment as if he expected Digory to say something. But Digory was disliking his Uncle more every minute, so he said nothing.

[126] "Meanwhile," continued Uncle Andrew, "I was learning a good deal in other ways (it wouldn't be proper to explain them to a child) about Magic in general. That meant that I came to have a fair idea what sort of things might be in the box. By various tests I narrowed down the possibilities. I had to get to know some—well, some devilish queer people, and go through some very disagreeable experiences. That was what turned my head grey. One doesn't become a magician for nothing. My health broke down in the end. But I got better. And at last I actually knew."

[127] Although there was not really the least chance of anyone overhearing them, he leaned forward and almost whispered as he said:

[128] "The Atlantean box contained something that had been brought from another world when our world was only just beginning."

[129] "What?" asked Digory, who was now interested in spite of himself.

[130] "Only dust," said Uncle Andrew. "Fine, dry dust. Nothing much to look at. Not much to show for a lifetime of toil, you might say. Ah, but when I looked at that dust (I took jolly good care not to touch it) and thought that every grain had once been in another world —I don't mean another planet, you know; they're part of our world and you could get to them if you went far enough—but a really Other World—another Nature another universe—somewhere you would never reach even if you travelled through the space of this universe

for ever and ever—a world that could be reached only by Magic—well!" Here Uncle Andrew rubbed his hands till his knuckles cracked like fireworks.

[131] "I knew," he went on, "that if only you could get it into the right form, that dust would draw you back to the place it had come from. But the difficulty was to get it into the right form. My earlier experiments were all failures. I tried them on guinea-pigs. Some of them only died. Some exploded like little bombs—"

[132] "It was a jolly cruel thing to do," said Digory who had once had a guinea-pig of his own.

[133] "How you do keep getting off the point!" said Uncle Andrew. "That's what the creatures were for. I'd bought them myself. Let me see—where was I? Ah yes. At last I succeeded in making the rings: the yellow rings. But now a new difficulty arose. I was pretty sure, now, that a yellow ring would send any creature that touched it into the Other Place. But what would be the good of that if I couldn't get them back to tell me what they had found there?"

[134] "And what about them?" said Digory. "A nice mess they'd be in if they couldn't get back!"

[135] "You will keep on looking at everything from the wrong point of view," said Uncle Andrew with a look of impatience. "Can't you understand that the thing is a great experiment? The whole point of sending anyone into the Other Place is that I want to find out what it's like."

[136] "Well why didn't you go yourself then?"

[137] Digory had hardly ever seen anyone so surprised and offended as his Uncle did at this simple question.

[138] "Me? Me?" he exclaimed. "The boy must be mad! A man at my time of life, and in my state of health, to risk the shock and the dangers of being flung suddenly into a different universe? I never heard anything so preposterous in my life! Do you realize what you're saying? Think what Another World means—you might meet anything anything."

[139] "And I suppose you've sent Polly into it then," said Digory. His cheeks were flaming with anger now. "And all I can say," he added, "even if you are my Uncle—is that you've behaved like a coward, sending a girl to a place you're afraid to go to yourself."

[140] "Silence, sir!" said Uncle Andrew, bringing his hand down on the table. "I will not be talked to like that by a little, dirty, schoolboy. You don't understand. I am the great scholar, the magician, the adept, who is doing the experiment. Of course I need subjects to do it on. Bless my soul, you'll be telling me next that I ought to have asked the guinea-pigs' permission before I used them! No great wisdom can be reached without sacrifice. But the idea of my going

myself is ridiculous. It's like asking a general to fight as a common soldier. Supposing I got killed, what would become of my life's work?"

[141] "Oh, do stop jawing," said Digory. "Are you going to bring Polly back?"

[142] "I was going to tell you, when you so rudely interrupted me," said Uncle Andrew, "that I did at last find out a way of doing the return journey. The green rings draw you back."

[143] "But Polly hasn't got a green ring."

[144] "No" said Uncle Andrew with a cruel smile.

[145] "Then she can't get back," shouted Digory. "And it's exactly the same as if you'd murdered her.

[146] "She can get back," said Uncle Andrew, "if someone else will go after her, wearing a yellow ring himself and taking two green rings, one to bring himself back and one to bring her back."

[147] And now of course Digory saw the trap in which he was caught: and he stared at Uncle Andrew, saying nothing, with his mouth wide open. His cheeks had gone very pale.

[148] "I hope," said Uncle Andrew presently in a very high and mighty voice, just as if he were a perfect Uncle who had given one a handsome tip and some good advice, "I hope, Digory, you are not given to showing the white feather. I should be very sorry to think that anyone of our family had not enough honour and chivalry to go to the aid of—er—a lady in distress."

[149] "Oh shut up!" said Digory. "If you had any honour and all that, you'd be going yourself. But I know you won't. Alright. I see I've got to go. But you are a beast. I suppose you planned the whole thing, so that she'd go without knowing it and then I'd have to go after her."

[150] "Of course," said Uncle Andrew with his hateful smile.

[151] "Very well. I'll go. But there's one thing I jolly well mean to say first. I didn't believe in Magic till today. I see now it's real. Well if it is, I suppose all the old fairy tales are more or less true. And you're simply a wicked, cruel magician like the ones in the stories. Well, I've never read a story in which people of that sort weren't paid out in the end, and I bet you will be. And serve you right."

[152] Of all the things Digory had said this was the first that really went home. Uncle Andrew started and there came over his face a look of such horror that, beast though he was, you could almost feel sorry for him. But a second later he smoothed it all away and said with a rather forced laugh.

[153] "Well, well, I suppose that is a natural thing for a child to think—brought up among women, as you have been. Old wives' tales, eh? I don't think you need worry about my danger, Digory. Wouldn't it be better to worry about the danger of your little friend? She's been gone some time. If there are any dangers Over There—well, it would

be a pity to arrive a moment too late."

[154] "A lot you care," said Digory fiercely. "But I'm sick of this jaw. What have I got to do?"

[155] "You really must learn to control that temper of yours, my boy," said Uncle Andrew coolly. "Otherwise you'll grow up like your Aunt Letty. Now. Attend to me."

[156] He got up, put on a pair of gloves, and walked over to the tray that contained the rings.

[157] "They only work," he said, "if they're actually touching your skin. Wearing gloves, I can pick them up—like this—and nothing happens. If you carried one in your pocket nothing would happen: but of course you'd have to be careful not to put your hand in your pocket and touch it by accident. The moment you touch a yellow ring, you vanish out of this world. When you are in the Other Place I expect—of course this hasn't been tested yet, but I expect—that the moment you touch a green ring you vanish out of that world and—I expect—reappear in this. Now. I take these two greens and drop them into your right-hand pocket. Remember very carefully which pocket the greens are in. G for green and R for right. G.R. you see: which are the first two letters of green. One for you and one for the little girl. And now you pick up a yellow one for yourself. I should put it on on your finger—if I were you. There'll be less chance of dropping it."

[158] Digory had almost picked up the yellow ring when he suddenly checked himself.

[159] "Look here," he said. "What about Mother? Supposing she asks where I am?"

[160] "The sooner you go, the sooner you'll be back," said Uncle Andrew cheerfully.

[161] "But you don't really know whether I can get back."

[162] Uncle Andrew shrugged his shoulders, walked across to the door, unlocked it, threw it open, and said:

[163] "Oh very' well then. Just as you please. Go down and have your dinner. Leave the little girl to be eaten by wild animals or drowned or starved in Otherworld or lost there for good, if that's what you prefer. It's all one to me. Perhaps before tea time you'd better drop in on Mrs Plummer and explain that she'll never see her daughter again; because you were afraid to put on a ring."

[164] "By gum," said Digory, "don't I just wish I was big enough to punch your head!"

[165] Then he buttoned up his coat, took a deep breath, and picked up the ring. And he thought then, as he always thought afterwards too, that he could not decently have done anything else.

[166] CHAPTER THREE.
THE WOOD BETWEEN THE WORLDS

[167] UNCLE ANDREW and his study vanished instantly. Then, for a moment, everything became muddled. The next thing Digory knew was that there was a soft green light coming down on him from above, and darkness below. He didn't seem to be standing on anything, or sitting, or lying. Nothing appeared to be touching him. "I believe I'm in water," said Digory. "Or under water." This frightened him for a second, but almost at once he could feel that he was rushing upwards. Then his head suddenly came out into the air and, he found himself scrambling ashore, out on to smooth grassy ground at the edge of a pool.

[168] As he rose to his feet he noticed that he was neither dripping nor panting for breath as anyone would expect after being under water. His clothes were perfectly dry. He was standing by the edge of a small pool—not more than ten feet from side to side in a wood. The trees grew close together and were so leafy that he could get no glimpse of the sky. All the light was green light that came through the leaves: but there must have been a very strong sun overhead, for this green daylight was bright and warm.

[169] It was the quietest wood you could possibly imagine. There were no birds, no insects, no animals, and no wind. You could almost feel the trees growing. The pool he had just got out of was not the only pool. There were dozens of others—a pool every few yards as far as his eyes could reach. You could almost feel the trees drinking the water up with their roots. This wood was very much alive. When he tried to describe it afterwards Digory always said, "It was a rich place: as rich as plumcake."

[170] The strangest thing was that, almost before he had looked about him, Digory had half forgotten how he had come there. At any rate, he was certainly not thinking about Polly, or Uncle Andrew, or even his Mother. He was not in the least frightened, or excited, or curious. If anyone had asked him "Where did you come from?" he would probably have said, "I've always been here." That was what it felt like—as if one had always been in that place and never been bored although nothing had ever happened. As he said long afterwards, "It's not the sort of place where things happen. The trees go on growing, that's all."

[171] After Digory had looked at the wood for a long time he noticed that there was a girl lying on her back at the foot of a tree a few yards away. Her eyes were nearly shut but not quite, as if she

were just between sleeping and waking. So he looked at her for a long time and said nothing. And at last she opened her eyes and looked at him for a long time and she also said nothing. Then she spoke, in a dreamy, contented sort of voice.

[172] “I think I’ve seen you before,” she said.

[173] “I rather think so too,” said Digory. “Have you been here long?”

[174] “Oh, always,” said the girl. “At least—I don’t know a very long time.”

[175] “So have I,” said Digory.

[176] “No you haven’t, said she. “I’ve just seen you come up out of that pool.”

[177] “Yes, I suppose I did,” said Digory with a puzzled air, “I’d forgotten.”

[178] Then for quite a long time neither said any more.

[179] “Look here,” said the girl presently, “I wonder did we ever really meet before? I had a sort of idea—a sort of picture in my head —of a boy and a girl, like us—living somewhere quite different—and doing all sorts of things. Perhaps it was only a dream.”

[180] “I’ve had that same dream, I think,” said Digory. “About a boy and a girl, living next door—and something about crawling among rafters. I remember the girl had a dirty face.”

[181] “Aren’t you getting it mixed? In my dream it was the boy who had the dirty face.”

[182] “I can’t remember the boy’s face,” said Digory: and then added, “Hullo! What’s that?”

[183] “Why! it’s a guinea-pig,” said the girl. And it was—a fat guinea-pig, nosing about in the grass. But round the middle of the guinea-pig there ran a tape, and, tied on to it by the tape, was a bright yellow ring.

[184] “Look! look,” cried Digory, “The ring! And look! You’ve got one on your finger. And so have I.”

[185] The girl now sat up, really interested at last. They stared very hard at one another, trying to remember. And then, at exactly the same moment, she shouted out “Mr Ketterley” and he shouted out “Uncle Andrew”, and they knew who they were and began to remember the whole story. After a few minutes hard talking they had got it straight. Digory explained how beastly Uncle Andrew had been.

[186] “What do we do now?” said Polly. “Take the guineapig and go home?”

[187] “There’s no hurry,” said Digory with a huge yawn.

[188] “I think there is,” said Polly. “This place is too quiet. It’s so —so dreamy. You’re almost asleep. If we once give in to it we shall just lie down and drowse for ever and ever.”

[189] “It’s very nice here,” said Digory.

“Yes, it is,” said Polly.

“But we’ve got to get back.” She stood up and began to go cautiously towards the guinea-pig. But then she changed her mind.

[190] “We might as well leave the guinea-pig,” she said. “It’s perfectly happy here, and your uncle will only do something horrid to it if we take it home.”

[191] “I bet he would,” answered Digory. “Look at the way he’s treated us. By the way, how do we get home?”

[192] “Go back into the pool, I expect.”

[193] They came and stood together at the edge looking down into the smooth water. It was full of the reflection of the green, leafy branches; they made it look very deep.

[194] “We haven’t any bathing things,” said Polly.

“We shan’t need them, silly,” said Digory. “We’re going in with our clothes on. Don’t you remember it didn’t wet us on the way up?”

“Can you swim?”

“A bit. Can you?”

“Well—not much.”

“I don’t think we shall need to swim,” said Digory “We want to go down, don’t we?”

[195] Neither of them much liked the idea of jumping into that pool, but neither said so to the other. They took hands and said “One—Two—Three—Go” and jumped. There was a great splash and of course they closed their eyes. But when they opened them again they found they were still standing, hand in hand, in the green wood, and hardly up to their ankles in water. The pool was apparently only a couple of inches deep. They splashed back on to the dry ground.

[196] “What on earth’s gone wrong?” said Polly in a frightened voice; but not quite so frightened as you might expect, because it is hard to feel really frightened in that wood. The place is too peaceful.

[197] “Oh! I know,” said Digory, “Of course it won’t work. We’re still wearing our yellow rings. They’re for the outward journey, you know. The green ones take you home. We must change rings. Have you got pockets? Good. Put your yellow ring in your left. I’ve got two greens. Here’s one for you.”

[198] They put on their green rings and came back to the pool. But before they tried another jump Digory gave a long “O-ooh!”

[199] “What’s the matter?” said Polly.

[200] “I’ve just had a really wonderful idea,” said Digory. “What are all the other pools?”

[201] “How do you mean?”

[202] “Why, if awe can get back to our own world by jumping into this pool, mightn’t we get somewhere else by jumping into one of the

others? Supposing there was a world at the bottom of every pool."

[203] "But I thought we were already in your Uncle Andrew's Other World or Other Place or whatever he called it. Didn't you say —"

[204] "Oh bother Uncle Andrew," interrupted Digory. "I don't believe he knows anything about it. He never had the pluck to come here himself. He only talked of one Other World. But suppose there were dozens?"

[205] "You mean, this wood might be only one of them?"

[206] "No, I don't believe this wood is a world at all. I think it's just a sort of in-between place."

[207] Polly looked puzzled. "Don't you see?" said Digory. "No, do listen. Think of our tunnel under the slates at home. It isn't a room in any of the houses. In a way, it isn't really part of any of the houses. But once you're in the tunnel you can go along it and come into any of the houses in the row. Mightn't this wood be the same?—a place that isn't in any of the worlds, but once you've found that place you can get into them all."

[208] "Well, even if you can—" began Polly, but Digory went on as if he hadn't heard her.

[209] "And of course that explains everything," he said. "That's why it is so quiet and sleepy here. Nothing ever happens here. Like at home. It's in the houses that people talk, and do things, and have meals. Nothing goes on in the inbetween places, behind the walls and above the ceilings and under the floor, or in our own tunnel. But when you come out of our tunnel you may find yourself in any house. I think we can get out of this place into jolly well Anywhere! We don't need to jump back into the same pool we came up by. Or not just yet."

[210] "The Wood between the Worlds," said Polly dreamily. "It sounds rather nice."

[211] "Come on," said Digory. "Which pool shall we try?"

[212] "Look here," said Polly, "I'm not going to try any new pool till we've made sure that we can get back by the old one. We're not even sure if it'll work yet."

[213] "Yes," said Digory. "And get caught by Uncle Andrew and have our rings taken away before we've had any fun. No thanks."

[214] "Couldn't we just go part of the way down into our own pool," said Polly. "Just to see if it works. Then if it does, we'll change rings and come up again before we're really back in Mr Ketterley's study."

[215] "Can we go part of the way down?"

[216] "Well, it took time coming up. I suppose it'll take a little time going back."

[217] Digory made rather a fuss about agreeing to this, but he had

to in the end because Polly absolutely refused to do any exploring in new worlds until she had made sure about getting back to the old one. She was quite as brave as he about some dangers (wasps, for instance) but she was not so interested in finding out things nobody had ever heard of before; for Digory was the sort of person who wants to know everything, and when he grew up he became the famous Professor Kirke who comes into other books.

[218] After a good deal of arguing they agreed to put on their green rings ("Green for safety," said Digory, "so you can't help remembering which is which") and hold hands and jump. But as soon as they seemed to be getting back to Uncle Andrew's study, or even to their own world, Polly was to shout "Change" and they would slip off their greens and put on their yellows. Digory wanted to be the one who shouted "Change" but Polly wouldn't agree.

[219] They put on the green rings, took hands, and once more shouted "One—Two—Three—Go". This time it worked. It is very hard to tell you what it felt like, for everything happened so quickly. At first there were bright lights moving about in a black sky; Digory always thinks these were stars and even swears that he saw Jupiter quite close—close enough to see its moon. But almost at once there were rows and rows of roofs and chimney pots about them, and they could see St Paul's and knew they were looking at London. But you could see through the walls of all the houses. Then they could see Uncle Andrew, very vague and shadowy, but getting clearer and more solid-looking all the time, just as if he were coming into focus. But before he became quite real Polly shouted "Change", and they did change, and our world faded away like a dream, and the green light above grew stronger and stronger, till their heads came out of the pool and they scrambled ashore. And there was the wood all about them, as green and bright and still as ever. The whole thing had taken less than a minute.

[220] "There!" said Digory. "That's alright. Now for the adventure. Any pool will do. Come on. Let's try that one."

[221] "Stop!" said Polly—"Aren't we going to mark this pool?"

[222] They stared at each other and turned quite white as they realized the dreadful thing that Digory had just been going to do. For there were any number of pools in the wood, and the pools were all alike and the trees were all alike, so that if they had once left behind the pool that led to our own world without making some sort of landmark, the chances would have been a hundred to one against their ever finding it again.

Digory's hand was shaking as he opened his penknife and cut out a long strip of turf on the bank of the pool. The soil (which smelled nice) was of a rich reddish brown and showed up well against the

green. “It’s a good thing one of us has some sense,” said Polly.

[223] “Well don’t keep on gassing about it,” said Digory. “Come along, I want to see what’s in one of the other pools.” And Polly gave him a pretty sharp answer and he said something even nastier in reply. The quarrel lasted for several minutes but it would be dull to write it all down. Let us skip on to the moment at which they stood with beating hearts and rather scared faces on the edge of the unknown pool with their yellow rings on and held hands and once more said “One—Two—Three—Go!”

[224] Splash! Once again it hadn’t worked. This pool, too, appeared to be only a puddle. Instead of reaching a new world they only got their feet wet and splashed their legs for the second time that morning (if it was a morning: it seems to be always the same time in the Wood between the Worlds).

[225] “Blast and botheration!” exclaimed Digory. “What’s gone wrong now? We’ve put our yellow rings on all right. He said yellow for the outward journey.”

[226] Now the truth was that Uncle Andrew, who knew nothing about the Wood between the Worlds, had quite a wrong idea about the rings. The yellow ones weren’t “outward” rings and the green ones weren’t “homeward” rings; at least, not in the way he thought. The stuff of which both were made had all come from the wood. The stuff in the yellow rings had the power of drawing you into the wood; it was stuff that wanted to get back to its own place, the in-between place. But the stuff in the green rings is stuff that is trying to get out of its own place: so that a green ring would take you out of the wood into a world. Uncle Andrew, you see, was working with things he did not really understand; most magicians are. Of course Digory did not realize the truth quite clearly either, or not till later. But when they had talked it over, they decided to try their green rings on the new pool, just to see what happened.

[227] “I’m game if you are,” said Polly. But she really said this because, in her heart of hearts, she now felt sure that neither kind of ring was going to work at all in the new pool, and so there was nothing worse to be afraid of than another splash. I am not quite sure that Digory had not the same feeling. At any rate, when they had both put on their greens and come back to the edge of the water, and taken hands again, they were certainly a good deal more cheerful and less solemn than they had been the first time.

[228] “One—Two—Three—Go!” said Digory. And they jumped.

[229] CHAPTER FOUR. THE BELL AND THE HAMMER

[230] THERE was no doubt about the Magic this time. Down and down they rushed, first through darkness and then through a mass of vague and whirling shapes which might have been almost anything. It grew lighter. Then suddenly they felt that they were standing on something solid. A moment later everything came into focus and they were able to look about them.

"What a queer place!" said Digory.

[231] "I don't like it," said Polly with something like a shudder.

[232] What they noticed first was the light. It wasn't like sunlight, and it wasn't like electric light, or lamps, or candles, or any other light they had ever seen. It was a dull, rather red light, not at all cheerful. It was steady and did not flicker. They were standing on a flat paved surface and buildings rose all around them. There was no roof overhead; they were in a sort of courtyard. The sky was extraordinarily dark—a blue that was almost black. When you had seen that sky you wondered that there should be any light at all.

[233] "It's very funny weather here," said Digory. "I wonder if we've arrived just in time for a thunderstorm; or an eclipse."

[234] "I don't like it," said Polly.

[235] Both of them, without quite knowing why, were talking in whispers. And though there was no reason why they should still go on holding hands after their jump, they didn't let go.

The walls rose very high all round that courtyard. They had many great windows in them, windows without glass, through which you saw nothing but black darkness. Lower down there were great pillared arches, yawning blackly like the mouths of railway tunnels. It was rather cold.

[236] The stone of which everything was built seemed to be red, but that might only be because of the curious light. It was obviously very old. Many of the flat stones that paved the courtyard had cracks across them. None of them fitted closely together and the sharp corners were all worn off. One of the arched doorways was half filled up with rubble. The two children kept on turning round and round to look at the different sides of the courtyard. One reason was that they were afraid of somebody—or something—looking out of those windows at them when their backs were turned.

[237] "Do you think anyone lives here?" said Digory at last, still in a whisper.

[238] "No," said Polly. "It's all in ruins. We haven't heard a sound

since we came."

[239] "Let's stand still and listen for a bit," suggested Digory.

[240] They stood still and listened, but all they could hear was the thump-thump of their own hearts. This place was at least as quiet as the Wood between the Worlds. But it was a different kind of quietness. The silence of the Wood had been rich and warm (you could almost hear the trees growing) and full of life: this was a dead, cold, empty silence. You couldn't imagine anything growing in it.

[241] "Let's go home," said Polly.

[242] "But we haven't seen anything yet," said Digory. "Now we're here, we simply must have a look round."

[243] "I'm sure there's nothing at all interesting here."

[244] "There's not much point in finding a magic ring that lets you into other worlds if you're afraid to look at them when you've got there."

[245] "Who's talking about being afraid?" said Polly, letting go of Digory's hand.

[246] "I only thought you didn't seem very keen on exploring this place."

[247] "I'll go anywhere you go."

[248] "We can get away the moment we want to," said Digory. "Let's take off our green rings and put them in our right-hand pockets. All we've got to do is to remember that our yellow are in our left-hand pockets. You can keep your hand as near your pocket as you like, but don't put it in or you'll touch your yellow and vanish."

[249] They did this and went quietly up to one of the big arched doorways which led into the inside of the building. And when they stood on the threshold and could look in, they saw it was not so dark inside as they had thought at first. It led into a vast, shadowy hall which appeared to be empty; but on the far side there was a row of pillars with arches between them and through those arches there streamed in some more of the same tired-looking light. They crossed the hall, walking very carefully for fear of holes in the floor or of anything lying about that they might trip over. It seemed a long walk. When they had reached the other side they came out through the arches and found themselves in another and larger courtyard.

[250] "That doesn't look very safe," said Polly, pointing at a place where the wall bulged outward and looked as if it were ready to fall over into the courtyard. In one place a pillar was missing between two arches and the bit that came down to where the top of the pillar ought to have been hung there with nothing to support it. Clearly, the place had been deserted for hundreds, perhaps thousands, of years.

"If it's lasted till now, I suppose it'll last a bit longer," said Digory. "But we must be very quiet. You know a noise sometimes brings

things down—like an avalanche in the Alps."

[251] They went on out of that courtyard into another doorway, and up a great flight of steps and through vast rooms that opened out of one another till you were dizzy with the mere size of the place. Every now and then they thought they were going to get out into the open and see what sort of country lay around the enormous palace. But each time they only got into another courtyard. They must have been magnificent places when people were still living there. In one there had once been a fountain. A great stone monster with wide-spread wings stood with its mouth open and you could still see a bit of piping at the back of its mouth, out of which the water used to pour. Under it was a wide stone basin to hold the water; but it was as dry as a bone. In other places there were the dry sticks of some sort of climbing plant which had wound itself round the pillars and helped to pull some of them down. But it had died long ago. And there were no ants or spiders or any of the other living things you expect to see in a ruin; and where the dry earth showed between the broken flagstones there was no grass or moss.

[252] It was all so dreary and all so much the same that even Digory was thinking they had better put on their yellow rings and get back to the warm, green, living forest of the In-between place, when they came to two huge doors of some metal that might possibly be gold. One stood a little ajar. So of course they went to look in. Both started back and drew a long breath: for here at last was something worth seeing.

[253] For a second they thought the room was full of people—hundreds of people, all seated, and all perfectly still. Polly and Digory, as you may guess, stood perfectly still themselves for a good long time, looking in. But presently they decided that what they were looking at could not be real people. There was not a movement nor the sound of a breath among them all. They were like the most wonderful waxworks you ever saw.

[254] This time Polly took the lead. There was something in this room which interested her more than it interested Digory: all the figures were wearing magnificent clothes. If you were interested in clothes at all, you could hardly help going in to see them closer. And the blaze of their colours made this room look, not exactly cheerful, but at any rate rich and majestic after all the dust and emptiness of the others. It had more windows, too, and was a good deal lighter.

I can hardly describe the clothes. The figures were all robed and had crowns on their heads. Their robes were of crimson and silvery grey and deep purple and vivid green: and there were patterns, and pictures of flowers and strange beasts, in needlework all over them. Precious stones of astonishing size and brightness stared from their

crowns and hung in chains round their necks and peeped out from all the places where anything was fastened.

[255] “Why haven’t these clothes all rotted away long ago?” asked Polly.

[256] “Magic,” whispered Digory. “Can’t you feel it? I bet this whole room is just stiff with enchantments. I could feel it the moment we came in.”

[257] “Any one of these dresses would cost hundreds of pounds,” said Polly.

[258] But Digory was more interested in the faces, and indeed these were well worth looking at. The people sat in their stone chairs on each side of the room and the floor was left free down the middle. You could walk down and look at the faces in turn.

“They were nice people, I think,” said Digory.

Polly nodded. All the faces they could see were certainly nice. Both the men and women looked kind and wise, and they seemed to come of a handsome race. But after the children had gone a few steps down the room they came to faces that looked a little different. These were very solemn faces. You felt you would have to mind your P’s and Q’s, if you ever met living people who looked like that. When they had gone a little further, they found themselves among faces they didn’t like: this was about the middle of the room. The faces here looked very strong and proud and happy, but they looked cruel. A little further on they looked crueller. Further on again, they were still cruel but they no longer looked happy. They were even despairing faces: as if the people they belonged to had done dreadful things and also suffered dreadful things. The last figure of all was the most interesting—a woman even more richly dressed than the others, very tall (but every figure in that room was taller than the people of our world), with a look of such fierceness and pride that it took your breath away. Yet she was beautiful too. Years afterwards when he was an old man, Digory said he had never in all his life known a woman so beautiful. It is only fair to add that Polly always said she couldn’t see anything specially beautiful about her.

This woman, as I said, was the last: but there were plenty of empty chairs beyond her, as if the room had been intended for a much larger collection of images.

“I do wish we knew the story that’s behind all this,” said Digory. “Let’s go back and look at that table sort of thing in the middle of the room.”

The thing in the middle of the room was not exactly a table. It was a square pillar about four feet high and on it there rose a little golden arch from which there hung a little golden bell; and beside this there lay a little golden hammer to hit the bell with.

[259] “I wonder… I wonder… I wonder…” said Digory.

[260] “There seems to be something written here,” said Polly, stooping down and looking at the side of the pillar.

[261] “By gum, so there is,” said Digory. “But of course we shan’t be able to read it.”

[262] “Shan’t we? I’m not so sure,” said Polly.

[263] They both looked at it hard and, as you might have expected, the letters cut in the stone were strange. But now a great wonder happened: for, as they looked, though the shape of the strange letters never altered, they found that they could understand them. If only Digory had remembered what he himself had said a few minutes ago, that this was an enchanted room, he might have guessed that the enchantment was beginning to work. But he was too wild with curiosity to think about that. He was longing more and more to know what was written on the pillar. And very soon they both knew. What it said was something like this—at least this is the sense of it though the poetry, when you read it there, was better:

[264] Make your choice, adventurous Stranger;
Strike the bell and bide the danger,
Or wonder, till it drives you mad,
What would have followed if you had.

[265] “No fear!” said Polly. “We don’t want any danger.”

[266] “Oh but don’t you see it’s no good!” said Digory. “We can’t get out of it now. We shall always be wondering what else would have happened if we had struck the bell. I’m not going home to be driven mad by always thinking of that. No fear!”

[267] “Don’t be so silly,” said Polly. “As if anyone would! What does it matter what would have happened?”

[268] “I expect anyone who’s come as far as this is bound to go on wondering till it sends him dotty. That’s the Magic of it, you see. I can feel it beginning to work on me already.”

[269] “Well I don’t,” said Polly crossly. “And I don’t believe you do either. You’re just putting it on.”

[270] “That’s all you know,” said Digory. “It’s because you’re a girl. Girls never want to know anything but gossip and rot about people getting engaged.”

[271] “You looked exactly like your Uncle when you said that,” said Polly.

[272] “Why can’t you keep to the point?” said Digory. “What we’re talking about is—”

[273] “How exactly like a man!” said Polly in a very grownup voice; but she added hastily, in her real voice, “And don’t say I’m just like a woman, or you’ll be a beastly copy-cat.”

[274] “I should never dream of calling a kid like you a woman,”

said Digory loftily.

[275] "Oh, I'm a kid, am I?" said Polly who was now in a real rage. "Well you needn't be bothered by having a kid with you any longer then. I'm off. I've had enough of this place. And I've had enough of you too—you beastly, stuck-up, obstinate pig!"

[276] "None of that!" said Digory in a voice even nastier than he meant it to be; for he saw Polly's hand moving to her pocket to get hold of her yellow ring. I can't excuse what he did next except by saying that he was very sorry for it afterwards (and so were a good many other people). Before Polly's hand reached her pocket, he grabbed her wrist, leaning across with his back against her chest. Then, keeping her other arm out of the way with his other elbow, he leaned forward, picked up the hammer, and struck the golden bell a light, smart tap. Then he let her go and they fell apart staring at each other and breathing hard. Polly was just beginning to cry, not with fear, and not even because he had hurt her wrist quite badly, but with furious anger. Within two seconds, however, they had something to think about that drove their own quarrels quite out of their minds.

[277] As soon as the bell was struck it gave out a note, a sweet note such as you might have expected, and not very loud. But instead of dying away again, it went on; and as it went on it grew louder. Before a minute had passed it was twice as loud as it had been to begin with. It was soon so loud that if the children had tried to speak (but they weren't thinking of speaking now—they were just standing with their mouths open) they would not have heard one another. Very soon it was so loud that they could not have heard one another even by shouting. And still it grew: all on one note, a continuous sweet sound, though the sweetness had something horrible about it, till all the air in that great room was throbbing with it and they could feel the stone floor trembling under their feet. Then at last it began to be mixed with another sound, a vague, disastrous noise which sounded first like the roar of a distant train, and then like the crash of a falling tree. They heard something like great weights falling. Finally, with a sudden, rush and thunder, and a shake that nearly flung them off their feet, about a quarter of the roof at one end of the room fell in, great blocks of masonry fell all round them, and the walls rocked. The noise of the bell stopped. The clouds of dust cleared away. Everything became quiet again.

It was never found out whether the fall of the roof was due to Magic or whether that unbearably loud sound from the bell just happened to strike the note which was more than those crumbling walls could stand.

[278] "There! I hope you're satisfied now," panted Polly.

[279] "Well, it's all over, anyway," said Digory.

[280] And both thought it was; but they had never been more mistaken in their lives.

[281] CHAPTER FIVE.
THE DEPLORABLE WORD

[282] THE children were facing one another across the pillar where the bell hung, still trembling, though it no longer gave out any note. Suddenly they heard a soft noise from the end of the room which was still undamaged. They turned quick as lightning to see what it was. One of the robed figures, the furthest-off one of all, the woman whom Digory thought so beautiful, was rising from its chair. When she stood up they realized that she was even taller than they had thought. And you could see at once, not only from her crown and robes, but from the flash of her eyes and the curve of her lips, that she was a great queen. She looked round the room and saw the damage and saw the children, but you could not guess from her face what she thought of either or whether she was surprised. She came forward with long, swift strides.

[283] "Who has awaked me? Who has broken the spell?" she asked.

[284] "I think it must have been me," said Digory.

[285] "You!" said the Queen, laying her hand on his shoulder—a white, beautiful hand, but Digory could feel that it was strong as steel pincers. "You? But you are only a child, a common child. Anyone can see at a glance that you have no drop of royal or noble blood in your veins. How did such as you dare to enter this house?"

[286] "We've come from another world; by Magic," said Polly, who thought it was high time the Queen took some notice of her as well as of Digory.

[287] "Is this true?" said the Queen, still looking at Digory and not giving Polly even a glance.

[288] "Yes, it is," said he.

[289] The Queen put her other hand under his chin and forced it up so that she could see his face better. Digory tried to stare back but he soon had to let his eyes drop. There was something about hers that overpowered him.

After she had studied him for well over a minute, she let go of his chin and said:

[290] "You are no magician. The mark of it is not on you. You must be only the servant of a magician. It is on another's Magic that you have travelled here."

[291] "It was my Uncle Andrew," said Digory.

[292] At the moment, not in the room itself but from somewhere very close, there came, first a rumbling, then a creaking, and then a

roar of falling masonry, and the floor shook.

[293] “There is great peril here,” said the Queen. “The whole palace is breaking up. If we are not out of it in a few minutes we shall be buried under the ruin.” She spoke as calmly as if she had been merely mentioning the time of day. “Come,” she added, and held out a hand to each of the children. Polly, who was disliking the Queen and feeling rather sulky, would not have let her hand be taken if she could have helped it. But though the Queen spoke so calmly, her movements were as quick as thought. Before Polly knew what was happening her left hand had been caught in a hand so much larger and stronger than her own that she could do nothing about it.

[294] “This is a terrible woman,” thought Polly. “She’s strong enough to break my arm with one twist. And now that she’s got my left hand I can’t get at my yellow ring. If I tried to stretch across and get my right hand into my left pocket I mightn’t be able to reach it, before she asked me what I was doing. Whatever happens we mustn’t let her know about the rings. I do hope Digory has the sense to keep his mouth shut. I wish I could get a word with him alone.”

[295] The Queen led them out of the Hall of Images into a long corridor and then through a whole maze of halls and stairs and courtyards. Again and again they heard parts of the great palace collapsing, sometimes quite close to them. Once a huge arch came thundering down only a moment after they had passed through it. The Queen was walking quickly—the children had to trot to keep up with her but she showed no sign of fear. Digory thought, “She’s wonderfully brave. And strong. She’s what I call a Queen! I do hope she’s going to tell us the story of this place.”

[296] She did tell them certain things as they went along:

[297] “That is the door to the dungeons,” she would say, or “That passage leads to the principal torture chambers,” or “This was the old banqueting hall where my greatgrandfather bade seven hundred nobles to a feast and killed them all before they had drunk their fill. They had had rebellious thoughts.”

[298] They came at last into a hall larger and loftier than any they had yet seen. From its size and from the great doors at the far end, Digory thought that now at last they must be coming to the main entrance. In this he was quite right. The doors were dead black, either ebony or some black metal which is not found in our world. They were fastened with great bars, most of them too high to reach and all too heavy to lift. He wondered how they would get out.

[299] The Queen let go of his hand and raised her arm. She drew herself up to her full height and stood rigid. Then she said something which they couldn’t understand (but it sounded horrid) and made an action as if she were throwing something towards the doors. And

those high and heavy doors trembled for a second as if they were made of silk and then crumbled away till there was nothing left of them but a heap of dust on the threshold.

[300] “Whew!” whistled Digory.

[301] “Has your master magician, your uncle, power like mine?” asked the Queen, firmly seizing Digory’s hand again. “But I shall know later. In the meantime, remember what you have seen. This is what happens to things, and to people, who stand in my way.”

[302] Much more light than they had yet seen in that country was pouring in through the now empty doorway, and when the Queen led them out through it they were not surprised to find themselves in the open air. The wind that blew in their faces was cold, yet somehow stale. They were looking from a high terrace and there was a great landscape out below them.

[303] Low down and near the horizon hung a great, red sun, far bigger than our sun. Digory felt at once that it was also older than ours: a sun near the end of its life, weary of looking down upon that world. To the left of the sun, and higher up, there was a single star, big and bright. Those were the only two things to be seen in the dark sky; they made a dismal group. And on the earth, in every direction, as far as the eye could reach, there spread a vast city in which there was no living thing to be seen. And all the temples, towers, palaces, pyramids, and bridges cast long, disastrous-looking shadows in the light of that withered sun. Once a great river had flowed through the city, but the water had long since vanished, and it was now only a wide ditch of grey dust.

[304] “Look well on that which no eyes will ever see again,” said the Queen. “Such was Charn, that great city, the city of the King of Kings, the wonder of the world, perhaps of all worlds. Does your uncle rule any city as great as this, boy?”

[305] “No,” said Digory. He was going to explain that Uncle Andrew didn’t rule any cities, but the Queen went on:

[306] “It is silent now. But I have stood here when the whole air was full of the noises of Charn; the trampling of feet, the creaking of wheels, the cracking of the whips and the groaning of slaves, the thunder of chariots, and the sacrificial drums beating in the temples. I have stood here (but that was near the end) when the roar of battle went up from every street and the river of Charn ran red.” She paused and added, “All in one moment one woman blotted it out for ever.”

[307] “Who?” said Digory in a faint voice; but he had already guessed the answer.

[308] “I,” said the Queen. “I, Jadis the last Queen, but the Queen of the World.”

[309] The two children stood silent, shivering in the cold wind.

[310] “It was my sister’s fault,” said the Queen. “She drove me to it. May the curse of all the Powers rest upon her forever! At any moment I was ready to make peace—yes and to spare her life too, if only she would yield me the throne. But she would not. Her pride has destroyed the whole world. Even after the war had begun, there was a solemn promise that neither side would use Magic. But when she broke her promise, what could I do? Fool! As if she did not know that I had more Magic than she! She even knew that I had the secret of the Deplorable Word. Did she think—she was always a weakling—that I would not use it?”

[311] “What was it?” said Digory.

[312] “That was the secret of secrets,” said the Queen Jadis. “It had long been known to the great kings of our race that there was a word which, if spoken with the proper ceremonies, would destroy all living things except the one who spoke it. But the ancient kings were weak and softhearted and bound themselves and all who should come after them with great oaths never even to seek after the knowledge of that word. But I learned it in a secret place and paid a terrible price to learn it. I did not use it until she forced me to it. I fought to overcome her by every other means. I poured out the blood of my armies like water—”

[313] “Beast!” muttered Polly.

[314] “The last great battle,” said the Queen, “raged for three days here in Charn itself. For three days I looked down upon it from this very spot. I did not use my power till the last of my soldiers had fallen, and the accursed woman, my sister, at the head of her rebels was halfway up those great stairs that lead up from the city to the terrace. Then I waited till we were so close that we could see one another’s faces. She flashed her horrible, wicked eyes upon me and said, “Victory.” “Yes,” said I, “Victory, but not yours.” Then I spoke the Deplorable Word. A moment later I was the only living thing beneath the sun.”,

[315] “But the people?” gasped Digory.

[316] “What people, boy?” asked the Queen.

[317] “All the ordinary people,” said Polly, “who’d never done you any harm. And the women, and the children, and the animals.”

[318] “Don’t you understand?” said the Queen (still speaking to Digory). “I was the Queen. They were all my people. What else were they there for but to do my will?”

[319] “It was rather hard luck on them, all the same,” said he.

[320] “I had forgotten that you are only a common boy. How should you understand reasons of State? You must learn, child, that what would be wrong for you or for any of the common people is not wrong in a great Queen such as I. The weight of the world is on our

shoulders. We must be freed from all rules. Ours is a high and lonely destiny."

[321] Digory suddenly remembered that Uncle Andrew had used exactly the same words. But they sounded much grander when Queen Jadis said them; perhaps because Uncle Andrew was not seven feet tall and dazzlingly beautiful.

[322] "And what did you do then?" said Digory.

[323] "I had already cast strong spells on the hall where the images of my ancestors sit. And the force of those spells was that I should sleep among them, like an image myself, and need neither food nor fire, though it were a thousand years, till one came and struck the bell and awoke me."

[324] "Was it the Deplorable Word that made the sun like that?" asked Digory.

[325] "Like what?" said Jadis

[326] "So big, so red, and so cold."

[327] "It has always been so," said Jadis. "At least, for hundreds of thousands of years. Have you a different sort of sun in your world?"

[328] "Yes, it's smaller and yellower. And it gives a good deal more heat."

[329] The Queen gave a long drawn "A-a-ah!" And Digory saw on her face that same hungry and greedy look which he had lately seen on Uncle Andrew's. "So," she said, "yours is a younger world."

[330] She paused for a moment to look once more at the deserted city—and if she was sorry for all the evil she had done there, she certainly didn't show it—and then said: "Now, let us be going. It is cold here at the end of all a the ages."

[331] "Going where?" asked both the children.

[332] "Where?" repeated Jadis in surprise. "To your world, of course."

[333] Polly and Digory looked at each other, aghast. Polly had disliked the Queen from the first; and even Digory, now that he had heard the story, felt that he had seen quite as much of her as he wanted. Certainly, she was not at all the sort of person one would like to take home. And if they did like, they didn't know how they could. What they wanted was to get away themselves: but Polly couldn't get at her ring and of course Digory couldn't go without her. Digory got very red in the face and stammered.

[334] "Oh—oh—our world. I d-didn't know you wanted to go there."

[335] "What else were you sent here for if not to fetch me?" asked Jadis.

[336] "I'm sure you wouldn't like our world at all," said Digory. "It's not her sort of place, is it Polly? It's very dull; not worth seeing,

really."

[337] "It will soon be worth seeing when I rule it," answered the Queen.

[338] "Oh, but you can't," said Digory. "It's not like that. They wouldn't let you, you know."

[339] The Queen gave a contemptuous smile. "Many great kings," she said, "thought they could stand against the House of Charn. But they all fell, and their very names are forgotten. Foolish boy! Do you think that I, with my beauty and my Magic, will not have your whole world at my feet before a year has passed? Prepare your incantations and take me there at once."

[340] "This is perfectly frightful," said Digory to Polly.

[341] "Perhaps you fear for this Uncle of yours," said Jadis. "But if he honours me duly, he shall keep his life and his throne. I am not coming to fight against him. He must be a very great Magician, if he has found how to send you here. Is he King of your whole world or only of part?"

[342] "He isn't King of anywhere," said Digory.

[343] "You are lying," said the Queen. "Does not Magic always go with the royal blood? Who ever heard of common people being Magicians? I can see the truth whether you speak it or not. Your Uncle is the great King and the great Enchanter of your world. And by his art he has seen the shadow of my face, in some magic mirror or some enchanted pool; and for the love of my beauty he has made a potent spell which shook your world to its foundations and sent you across the vast gulf between world and world to ask my favour and to bring me to him. Answer me: is that not how it was?"

[344] "Well, not exactly," said Digory.

[345] "Not exactly," shouted Polly. "Why, it's absolute bosh from beginning to end."

[346] "Minions!" cried the Queen, turning in rage upon Polly and seizing her hair, at the very top of her head where it hurts most. But in so doing she let go of both the children's hands. "Now," shouted Digory; and "Quick! shouted Polly. They plunged their left hands into their pockets. They did not even need to put the rings on. The moment they touched them, the whole of that dreary, world vanished from their eyes. They were rushing upward and a warm green light was growing nearer over head.

[347] CHAPTER SIX.
THE BEGINNING OF UNCLE ANDREW'S TROUBLES

[348] "LET go! Let go!" screamed Polly.

[349] "I'm not touching you!" said Digory.

[350] Then their heads came out of the pool and, once more, the sunny quietness of the Wood between the Worlds was all about them, and it seemed richer and warmer and more peaceful than ever after the staleness and ruin of the place they had just left. I think that, if they had been given the chance, they would again have forgotten who they were and where they came from and would have lain down and enjoyed themselves, half asleep, listening to the growing of the trees. But this time there was something that kept them as wide-awake as possible: for as soon as they had got out on to the grass, they found that they were not alone. The Queen, or the Witch (whichever you like to call her) had come up with them, holding on fast by Polly's hair. That was why Polly had been shouting out "Let go!"

[351] This proved, by the way, another thing about the rings which Uncle Andrew hadn't told Digory because he didn't know it himself. In order to jump from world to world by one of those rings you don't need to be wearing or touching it yourself; it is enough if you are touching someone who is touching it. In that way they work like a magnet; and everyone knows that if you pick up a pin with a magnet, any other pin which is touching the first pin will come too.

[352] Now that you saw her in the wood, Queen Jadis looked different. She was much paler than she had been; so pale that hardly any of her beauty was left. And she was stooped and seemed to be finding it hard to breathe, as if the air of that place stifled her. Neither of the children felt in the least afraid of her now.

[353] "Let go! Let go of my hair," said Polly. "What do you mean by it?"

[354] "Here! Let go of her hair. At once," said Digory.

[355] They both turned and struggled with her. They were stronger than she and in a few seconds they had forced her to let go. She reeled back, panting, and there was a look of terror in her eyes.

[356] "Quick, Digory!" said Polly. "Change rings and into' the home pool."

[357] "Help! Help! Mercy!" cried the Witch in a faint voice, staggering after them. "Take me with you. You cannot. mean to leave me in this horrible place. It is killing me."

[358] “It’s a reason of State,” said Polly spitefully. “Like when you killed all those people in your own world. Do be quick, Digory.” They had put on their green rings, but Digory said:

“Oh bother! What are we to do?” He couldn’t help feeling a little sorry for the Queen.

[359] “Oh don’t be such an ass,” said Polly. “Ten to one she’s only shamming. Do come on.” And then both children plunged into the home pool. “It’s a good thing we made that mark,” thought Polly. But as they jumped Digory felt that a large cold finger and thumb had caught him by the ear. And as they sank down and the confused shapes of our own world began to appear, the grip of that finger and thumb grew stronger. The Witch was apparently recovering her strength. Digory struggled and kicked, but it was not of the least use. In a moment they found themselves in Uncle Andrew’s study; and there was Uncle Andrew himself, staring at the wonderful creature that Digory had brought back from beyond the world.

[360] And well he might stare. Digory and Polly stared too. There was no doubt that the Witch had got over her faintness; and now that one saw her in our own world, with ordinary things around her, she fairly took one’s breath away. In Charn she had been alarming enough: in London, she was terrifying. For one thing, they had not realized till now how very big she was. “Hardly human” was what Digory thought when he looked at her; and he may have been right, for some say there is giantish blood in the royal family of Charn. But even her height was nothing compared with her beauty, her fierceness, and her wildness. She looked ten times more alive than most of the people one meets in London. Uncle Andrew was bowing and rubbing his hands and looking, to tell the truth, extremely frightened. He seemed a little shrimp of a creature beside the Witch. And yet, as Polly said after

wards, there was a sort of likeness between her face and his, something in the expression. It was the look that all wicked Magicians have, the “Mark” which Jadis had said she could not find in Digory’s face. One good thing about seeing the two together was that you would never again be afraid of Uncle Andrew, any more than you’d be afraid of a worm after you had met a rattlesnake or afraid of a cow after you had met a mad bull.

[361] “Pooh!” thought Digory to himself. “Him a Magician!

Not much. Now she’s the real thing.”

Uncle Andrew kept on rubbing his hands and bowing. He was trying to say something very polite, but his mouth had gone all dry so that he could not speak. His “experiment” with the rings, as he called it, was turning out more successful than he liked: for though he had dabbled in Magic for years he had always left all the dangers (as far as

one can) to other people. Nothing at all like this had ever happened to him before.

[362] Then Jadis spoke; not very loud, but there was something in her voice that made the whole room quiver.

[363] "Where is the Magician who has called me into this world?"

[364] "Ah—ah—Madam," gasped Uncle Andrew, "I am most honoured—highly gratified—a most unexpected, pleasure—if only I had had the opportunity of making any preparations—I—I—"

[365] "Where is the Magician, Fool?" said Jadis.

[366] "I—I am, Madam. I hope you will excuse any—er—. liberty these naughty children may have taken. I assure you, there was no intention—"

[367] "You?" said the Queen in a still more terrible voice. Then, in one stride, she crossed the room, seized a great handful of Uncle Andrew's grey hair and pulled his head back so that his face looked up into hers. Then she studied his face as she had studied Digory's face in the palace of Charn. He blinked and licked his lips nervously all the time. At last she let him go: so suddenly that he reeled back against the wall.

[368] "I see," she said scornfully, "you are a Magician—of a sort. Stand up, dog, and don't sprawl there as if you were speaking to your equals. How do you come to know Magic? You are not of royal blood, I'll swear."

[369] "Well—ah—not perhaps in the strict sense," stammered Uncle Andrew. "Not exactly royal, Ma'am. The Ketterleys are, however, a very old family. An old Dorsetshire family, Ma'am."

[370] "Peace," said the Witch. "I see what you are. You are a little, peddling Magician who works by rules and books. There is no real Magic in your blood and heart. Your kind was made an end of in my world a thousand years ago. But here I shall allow you to be my servant."

[371] "I should be most happy—delighted to be of any service—a p-pleasure, I assure you."

[372] "Peace! You talk far too much. Listen to your first task. I see we are in a large city. Procure for me at once a chariot or a flying carpet or a well-trained dragon, or whatever is usual for royal and noble persons in your land. Then bring me to places where I can get clothes and jewels and slaves fit for my rank. Tomorrow I will begin the conquest of the world."

[373] "I—I—I'll go and order a cab at once," gasped Uncle Andrew.

[374] "Stop," said the Witch, just as he reached the door. "Do not dream of treachery. My eyes can see through walls and into the minds of men. They will be on you wherever you go. At the first sign of

disobedience I will lay such spells on you that anything you sit down on will feel like red hot iron and whenever you lie in a bed there will be invisible blocks of ice at your feet. Now go."

[375] The old man went out, looking like a dog with its tail between its legs.

[376] The children were now afraid that Jadis would have something to say to them about what had happened in the wood. As it turned out, however, she never mentioned it either then or afterwards. I think (and Digory thinks too) that her mind was of a sort which cannot remember that quiet place at all, and however often you took her there and however long you left her there, she would still know nothing about it. Now that she was left alone with the children, she took no notice of either of them. And that was like her too. In Charn she had taken no notice of Pony (till the very end) because Digory was the one she wanted to make use of. Now that she had Uncle Andrew, she took no notice of Digory. I expect most witches are like that. They are not interested in things or people unless they can use them; they are terribly practical. So there was silence in the room for a minute or two. But you could tell by the way Jadis tapped her foot on the floor that she was growing impatient.

[377] Presently she said, as if to herself, "What is the old fool doing? I should have brought a whip." She stalked out of the room in pursuit of Uncle Andrew without one glance at the children.

[378] "Whew!" said Polly, letting out a long breath of relief. "And now I must get home. It's frightfully late. I shall catch it."

[379] "Well do, do come back as soon as you can," said Digory. "This is simply ghastly, having her here. We must make some sort of plan."

[380] "That's up to your Uncle now," said Polly. "It was he who started all this messing about with Magic."

[381] "All the same, you will come back, won't you? Hang it all, you can't leave me alone in a scrape like this."

[382] "I shall go home by the tunnel," said Polly rather coldly. "That'll be the quickest way. And if you want me to come back, hadn't you better say you're sorry?"

[383] "Sorry?" exclaimed Digory. "Well now, if that isn't just like a girl! What have I done?"

[384] "Oh nothing of course," said Polly sarcastically. "Only nearly screwed my wrist off in that room with all the waxworks, like a cowardly bully. Only struck the bell with the hammer, like a silly idiot. Only turned back in the wood so that she had time to catch hold of you before we jumped into our own pool. That's all."

[385] "Oh," said Digory, very surprised. "Well, alright, I'll say I'm sorry. And I really am sorry about what happened in the waxworks

room. There: I've said I'm sorry. And now, do be decent and come back. I shall be in a frightful hole if you don't."

[386] "I don't see what's going to happen to you. It's Mr Ketterley who's going to sit on red hot chairs and have ice in his bed, isn't it?"

[387] "It isn't that sort of thing," said Digory. "What I'm bothered about is Mother. Suppose that creature went into her room. She might frighten her to death."

[388] "Oh, I see," said Polly in rather a different voice. "Alright. We'll call it Pax. I'll come back—if I can. But I must go now." And she crawled through the little door into the tunnel; and that dark place among the rafters which had seemed so exciting and adventurous a few hours ago, seemed quite tame and homely now.

[389] We must now go back to Uncle Andrew. His poor old heart went pit-a-pat as he staggered down the attic stairs and he kept on dabbing at his forehead with a handkerchief. When he reached his bedroom, which was the floor below, he locked himself in. And the very first thing he did was to grope in his wardrobe for a bottle and a wine-glass which he always kept hidden there where Aunt Letty could not find them. He poured himself out a glassful of some nasty, grown-up drink and drank it off at one gulp. Then he drew a deep breath.

[390] "Upon my word," he said to himself. "I'm dreadfully shaken. Most upsetting! And at my time of life!"

[391] He poured out a second glass and drank it too; then he began to change his clothes. You have never seen such clothes, but I can remember them. He put on a very high, shiny, stiff collar of the sort that made you hold your chin up all the time. He put on a white waistcoat with a pattern on it and arranged his gold watch chain across the front. He put on his best frock-coat, the one he kept for weddings and funerals. He got out his best tall hat and polished it up. There was a vase of flowers (put there by Aunt Letty) on his dressing table; he took one and put it in his buttonhole. He took a clean handkerchief (a lovely one such as you couldn't buy today) out of the little lefthand drawer and put a few drops of scent on it. He took his eye-glass, with the thick black ribbon, and screwed it into his eye; then he looked at himself in the mirror.

[392] Children have one kind of silliness, as you know, and grown-ups have another kind. At this moment Uncle Andrew was beginning to be silly in a very grown-up way. Now that the Witch was no longer in the same room with him he was quickly forgetting how she had frightened him and thinking more and more of her wonderful beauty. He kept on saying to himself, "A dem fine woman, sir, a dem fine woman. A superb creature." He had also somehow managed to forget that it was the children who had got hold of this "superb creature": he felt as if he himself by his Magic had called her out of unknown

worlds.

[393] “Andrew, my boy,” he said to himself as he looked in the glass, “you’re a devilish well preserved fellow for your age. A distinguished-looking man, sir.”

[394] You see, the foolish old man was actually beginning to imagine the Witch would fall in love with him. The two drinks probably had something to do with it, and so had his best clothes. But he was, in any case, as vain as a peacock; that was why he had become a Magician.

[395] He unlocked’ the door, went downstairs, sent the housemaid out to fetch a hansom (everyone had lots of servants in those days) and looked into the drawingroom. There, as he expected, he found Aunt Letty. She was busily mending a mattress. It lay on the floor near the window and she was kneeling on it.

[396] “Ah, Letitia my dear,” said Uncle Andrew, “I—ah have to go out. Just lend me five pounds or so, there’s a good gel.” (“Gel” was the way he pronounced girl.)

[397] “No, Andrew dear,” said Aunty Letty in her firm, quiet voice, without looking up from her work. “I’ve told you times without number that I will not lend you money.”

[398] “Now pray don’t be troublesome, my dear gel,” said Uncle Andrew. “It’s most important. You will put me in a deucedly awkward position if you don’t.”

[399] “Andrew,” said Aunt Letty, looking him straight in the face, “I wonder you are not ashamed to ask me for money.”

[400] There was a long, dull story of a grown-up kind behind these words. All you need to know about it is that Uncle Andrew, what with “managing dear Letty’s business matters for her”, and never doing any work, and running up large bills for brandy and cigars (which Aunt Letty had paid again and again) had made her a good deal poorer than she had been thirty years ago.

[401] “My dear gel,” said Uncle Andrew, “you don’t understand. I shall have some quite unexpected expenses today. I have to do a little entertaining. Come now, don’t be tiresome.”

[402] “And who, pray, are you going to entertain, Andrew?” asked Aunt Letty.

[403] “A—a most distinguished visitor has just arrived.”

[404] “Distinguished fiddlestick!” said Aunt Letty. “There hasn’t been a ring at the hell for the last hour.”

[405] At that moment the door was suddenly flung open. Aunt Letty looked round and saw with amazement that an enormous woman, splendidly dressed, with bare arms and flashing eyes, stood in the doorway. It was the Witch.

[406] CHAPTER SEVEN. WHAT HAPPENED AT THE FRONT DOOR

[407] “Now; slave, how long am I to wait for my chariot?” thundered the Witch. Uncle Andrew cowered away from her. Now that she was really present, all the silly thoughts he had had while looking at himself in the glass were oozing out of him. But Aunt Letty at once got up from her knees and came over to the centre of the room.

[408] “And who is this young person, Andrew, may I ask?” said Aunt Letty in icy tones.

[409] “Distinguished foreigner—v-very important p-person,” he stammered.

[410] “Rubbish!” said Aunt Letty, and then, turning to the Witch, “Get out of my house this moment, you shameless hussy, or I’ll send for the police.” She thought the Witch must be someone out of a circus and she did not approve of bare arms.

[411] “What woman is this?” said Jadis. “Down on your knees, minion, before I blast you.”

[412] “No strong language in this house if you please, young woman,” said Aunt Letty.

[413] Instantly, as it seemed to Uncle Andrew, the Queen towered up to an even greater height. Fire flashed from her eyes: she flung out her arm with the same gesture and the same horrible-sounding words that had lately turned the palacegates of Charn to dust. But nothing happened except that Aunt Letty, thinking that those horrible words were meant to be ordinary English, said:

[414] “I thought as much. The woman is drunk. Drunk! She can’t even speak clearly.”

[415] It must have been a terrible moment for the Witch when she suddenly realized that her power of turning people into dust, which had been quite real in her own world, was not going to work in ours. But she did not lose her nerve even for a second. Without wasting a thought on her disappointment, she lunged forward, caught Aunt Letty round the neck and the knees, raised her high above her head as if she had been no heavier than a doll, and threw her across the room. While Aunt Letty was still hurtling through the air, the housemaid (who was having a beautifully exciting morning) put her head in at the door and said, “If you please, sir, the ’ansom’s come.”

[416] “Lead on, Slave,” said the Witch to Uncle Andrew. He began

muttering something about “regrettable violence must really protest”, but at a single glance from Jadis he became speechless. She drove him out of the room and out of the house; and Digory came running down the stairs just in time to see the front door close behind them.

[417] “Jiminy!” he said. “She’s loose in London. And with Uncle Andrew. I wonder what on earth is going to happen now.”

[418] “Oh, Master Digory,” said the housemaid (who was really having a wonderful day), “I think Miss Ketterley’s hurt herself somehow.” So they both rushed into the drawing-room to find out what had happened.

[419] If Aunt Letty had fallen on bare boards or even on the carpet, I suppose all her bones would have been broken: but by great good luck she had fallen on the mattress. Aunt Letty was a very tough old lady: aunts often were in those days. After she had had some sal volatile and sat still for a few minutes, she said there was nothing the matter with her except a few bruises. Very soon she was taking charge of the situation.

[420] “Sarah,” she said to the housemaid (who had never had such a day before), “go around to the police station at once and tell them there is a dangerous lunatic at large. I will take Mrs Kirke’s lunch up myself.” Mrs Kirke was, of course, Digory’s mother.

[421] When Mother’s lunch had been seen to, Digory and Aunt Letty had their own. After that he did some hard thinking.

[422] The problem was how to get the Witch back to her own world, or at any rate out of ours, as soon as possible. Whatever happened, she must not be allowed to go rampaging about the house. Mother must not see her.

[423] And, if possible, she must not be allowed to go rampaging about London either. Digory had not been in the drawingroom when she tried to “blast” Aunt Letty, but he had seen her “blast” the gates at Charn: so he knew her terrible powers and did not know that she had lost any of them by coming into our world. And he knew she meant to conquer our world. At the present moment, as far as he could see, she might be blasting Buckingham Palace or the Houses of Parliament: and it was almost certain that quite a number of policemen had by now been reduced to little heaps of dust. And there didn’t seem to be anything he could do about that. “But the rings seem to work like magnets,” thought Digory. “If I can only touch her and then slip on my yellow, we shall both go into the Wood between the Worlds. I wonder will she go all faint again there? Was that something the place does to her, or was it only the shock of being pulled out of her own world? But I suppose I’ll have to risk that. And how am I to find the beast? I don’t suppose Aunt Letty would let me go out, not unless I said where I was going. And I haven’t got more than twopence. I’d

need any amount of money for buses and trams if I went looking all over London. Anyway, I haven't the faintest idea where to look. I wonder if Uncle Andrew is still with her."

[424] It seemed in the end that the only thing he could do was to wait and hope that Uncle Andrew and the Witch would come back. If they did, he must rush out and get hold of the Witch and put on his yellow Ring before she had a chance to get into the house. This meant that he must watch the front door like a cat watching a mouse's hole; he dared not leave his post for a moment. So he went into the dining-room and "glued his face" as they say, to the window. It was a bow-window from which you could see the steps up to the front door and see up and down the street, so that no one could reach the front door without your knowing. "I wonder what Polly's doing?" thought Digory.

[425] He wondered about this a good deal as the first slow half-hour ticked on. But you need not wonder, for I am going to tell you. She had got home late for her dinner, with her shoes and stockings very wet. And when they asked her where she had been and what on earth she had been doing, she said she had been out with Digory Kirke. Under further questioning she said she had got her feet wet in a pool of water, and that the pool was in a wood. Asked where the wood was, she said she didn't know. Asked if it was in one of the parks, she said truthfully enough that she supposed it might be a sort of park. From all of this Polly's mother got the idea that Polly had gone off, without telling anyone, to some part of London she didn't know, and gone into a strange park and amused herself jumping into puddles. As a result she was told that she had been very naughty indeed and that she wouldn't be allowed to play with "that Kirke boy" any more if anything of the sort ever happened again. Then she was given dinner with all the nice parts left out and sent to bed for two solid hours. It was a thing that happened to one quite often in those days.

[426] So while Digory was staring out of the dining-room window, Polly was lying in bed, and both were thinking how terribly slowly the time could go. I think, myself, I would rather have been in Polly's position. She had only to wait for the end of her two hours: but every few minutes Digory would hear a cab or a baker's van or a butcher's boy coming round the corner and think "Here she comes", and then find it wasn't. And in between these false alarms, for what seemed hours and hours, the clock ticked on and one big fly—high up and far out of reach buzzed against the window. It was one of those houses that get very quiet and dull in the afternoon and always seem to smell of mutton.

[427] During his long watching and waiting one small thing

happened which I shall have to mention because something important came of it later on. A lady called with some grapes for Digory's Mother; and as the dining-room door was open, Digory couldn't help overhearing Aunt Letty and the lady as they talked in the hall.

[428] "What lovely grapes!" came Aunt Letty's voice. "I'm sure if anything could do her good these would. But poor, dear little Mabel! I'm afraid it would need fruit from the land of youth to help her now. Nothing in this world will do much." Then they both lowered their voices and said a lot more that he could not hear.

[429] If he had heard that bit about the land of youth a few days ago he would have thought Aunt Letty was just talking without meaning anything in particular, the way grown-ups do, and it wouldn't have interested him. He almost thought so now. But suddenly it flashed upon his mind that he now knew (even if Aunt Letty didn't) that there really were other worlds and that he himself had been in one of them. At that rate there might be a real Land of Youth somewhere. There might be almost anything. There might be fruit in some other world that would really cure his mother! And oh, oh—Well, you know how it feels if you begin hoping for something that you want desperately badly; you almost fight against the hope because it is too good to be true; you've been disappointed so often before. That was how Digory felt. But it was no good trying to throttle this hope. It might really, really, it just might be true. So many odd things had happened already. And he had the magic rings. There must be worlds you could get to through every pool in the wood. He could hunt through them all. And then Mother well again. Everything right again. He forgot all about watching for the Witch. His hand was already going into the pocket where he kept the yellow ring, when all at once he herd a sound of galloping.

[430] "Hullo! What's that?" thought Digory. "Fire-engine? I wonder what house is on fire. Great Scott, it's coming here. Why, it's Her."

[431] I needn't tell you who he meant by Her.

[432] First came the hansom. There was no one in the driver's seat. On the roof—not sitting, but standing on the roof swaying with superb balance as it came at full speed round the corner with one wheel in the air—was Jadis the Queen of Queens and the Terror of Charn. Her teeth were bared, her eyes shone like fire, and her long hair streamed out behind her like a comet's tail. She was flogging the horse without mercy. Its nostrils were wide and red and its sides were spotted with foam. It galloped madly up to the front door, missing the lamp-post by an inch, and then reared up on its hind legs. The hansom crashed into the lamp-post and shattered into several pieces. The Witch, with a magnificent jump, had sprung clear just in time and

landed on the horse's back. She settled herself astride and leaned forward, whispering things in its ear. They must have been things meant not to quiet it but to madden it. It was on its hind legs again in a moment, and its neigh was like a scream; it was all hoofs and teeth and eyes and tossing mane. Only a splendid rider could have stayed on its back.

[433] Before Digory had recovered his breath a good many other things began to happen. A second hansom dashed up close behind the first: out of it there jumped a fat man in a frock-coat and a policeman. Then came a third hansom with two more policemen in it. After it, came about twenty people (mostly errand boys) on bicycles, all ringing their bells and letting out cheers and cat-calls. Last of all came a crowd of people on foot: all very hot with running, but obviously enjoying themselves. Windows shot up in all the houses of that street and a housemaid or a butler appeared at every front door. They wanted to see the fun.

[434] Meanwhile an old gentleman had begun to struggle shakily out of the ruins of the first hansom. Several people rushed forward to help him; but as one pulled him one way and another another, perhaps he would have got out quite as quickly on his own. Digory guessed that the old gentleman must be Uncle Andrew but you couldn't see his face; his tall hat had been bashed down over it.

[435] Digory rushed out and joined the crowd.

[436] "That's the woman, that's the woman," cried the fat man, pointing at Jadis. "Do your duty, Constable. Hundreds and thousands of pounds' worth she's taken out of my shop. Look at that rope of pearls round her neck. That's mine. And she's given me a black eye too, what's more."

[437] "That she 'as, guv'nor," said one of the crowd. "And as lovely a black eye as I'd wish to see. Beautiful bit of work that must 'ave been. Gor! ain't she strong then!"

[438] "You ought to put a nice raw beefsteak on it, Mister, that's what it wants," said a butcher's boy.

[439] "Now then," said the most important of the policemen, "what's all this 'ere?"

[440] "I tell you she—" began the fat man, when someone else called out:

[441] "Don't let the old cove in the cab get away. 'E put 'er up to it."

[442] The old gentleman, who was certainly Uncle Andrew, had just succeeded in standing up and was rubbing his bruises. "Now then," said the policeman, turning to him, "What's all this?"

[443] "Womfle—pomfy—shomf," came Uncle Andrew's voice from inside the hat.

[444] “None of that now,” said the policeman sternly. “You’ll find this is no laughing matter. Take that ’at off, see?”

[445] This was more easily said than done. But after Uncle Andrew had struggled in vain with the hat for some time, two other policemen seized it by the brim and forced it off.

[446] “Thank you, thank you,” said Uncle Andrew in a faint voice. “Thank you. Dear me, I’m terribly shaken. If someone could give me a small glass of brandy—”

[447] “Now you attend to me, if you please,” said the policeman, taking out a very large note book and a very small pencil. “Are you in charge of that there young woman?”

[448] “Look out!” called several voices, and the policeman jumped a step backwards just in time. The horse had aimed a kick at him which would probably have killed him. Then the Witch wheeled the horse round so that she faced the crowd and its hind-legs were on the footpath. She had a long, bright knife in her hand and had been busily cutting the horse free from the wreck of the hansom.

[449] All this time Digory had been trying to get into a position from which he could touch the Witch. This wasn’t at all easy because, on the side nearest to him, there were too many people. And in order to get round to the other side he had to pass between the horse’s hoofs and the railings of the “area” that surrounded the house; for the Ketterleys’ house had a basement. If you know anything about horses, and especially if you had seen what a state that horse was in at the moment, you will realize that this was a ticklish thing to do. Digory knew lots about horses, but he set his teeth and got ready to make a dash for it as soon as he saw a favourable moment.

[450] A red-faced man in a bowler hat had now shouldered his way to the front of the crowd.

[451] “Hi! P’leeceman,” he said, “that’s my ’orse what she’s sitting on, same as it’s my cab what she’s made matchwood of.”

[452] “One at a time, please, one at a time,” said the policeman.

[453] “But there ain’t no time,” said the Cabby. “I know that ’orse better’n you do. ’Tain’t an ordinary ’orse. ’Is father was a hofficer’s charger in the cavalry, ’e was. And if the young woman goes on hexcitin’ ’im, there’ll be murder done. ’Ere, let me get at him.”

[454] The policeman was only to glad to have a good reason for standing further away from the horse. The Cabby took a step nearer, looked up at Jadis, and said in a not unkindly voice:

[455] “Now, Missie, let me get at ’is ’ead, and just you get off. You’re a Lidy, and you don’t want all these roughs going for you, do you? You want to go ’ome and ’ave a nice cup of tea and a lay down quiet like; then you’ll feel ever so much better.” At the same time he stretched out his hand towards the horse’s head with the words,

“Steady, Strawberry, old boy. Steady now.”

[456] Then for the first time the Witch spoke.

[457] “Dog!” came her cold, clear voice, ringing loud above all the other noises. “Dog, unhand our royal charger. We are the Empress Jadis.”

[458] CHAPTER EIGHT. THE FIGHT AT THE LAMP-POST

[459] “Ho! Her-ipress, are you? We’ll see about that,” said a voice. Then another voice said, “Three cheers for the Hempress of Colney ’Atch” and quite a number joined in.

[460] A flush of colour came into the Witch’s face and she bowed ever so slightly. But the cheers died away into roars of laughter and she saw that they had only been making fun of her: A change came over her expression and she changed the knife to her left hand. Then, without warning, she did a thing that was dreadful to see. Lightly, easily, as if it were the most ordinary thing in the world, she stretched up her right arm and wrenched off one of the cross-bars of the lamp-post. If she had lost some magical powers in our world, she had not lost her strength; she could break an iron bar as if it were a stick of barleysugar. She tossed her new weapon up in the air, caught it again, brandished it, and urged the horse forward.

[461] “Now’s my chance,” thought Digory. He darted between the horse and the railings and began going forward. If only the brute would stay still for a moment he might catch the Witch’s heel. As he rushed, he heard a sickening crash and a thud. The Witch had brought the bar down on the chief policeman’s helmet: the man fell like a nine-pin.

[462] “Quick, Digory. This must be stopped,” said a voice beside him. It was Polly, who had rushed down the moment she was allowed out of bed.

[463] “You are a brick,” said Digory. “Hold on to me tight. You’d have to manage the ring. Yellow, remember. And don’t put it on till I shout.”

[464] There was a second crash and another policeman crumpled up. There came an angry roar from the crowd: “Pull her down. Get a few paving-stones. Call out the Military.” But most of them were getting as far away as they could. The Cabby, however, obviously the bravest as well as the kindest person present, was keeping close to the horse, dodging this way and that to avoid the bar, but still trying to catch Strawberry’s head.

[465] The crowd booed and bellowed again. A stone whistled over Digory’s head. Then came the voice of the Witch, clear like a great bell, and sounding as if, for once, she were almost happy.

“Scum! You shall pay dearly for this when I have conquered your world. Not one stone of your city will be left. I will make it as Charn, as Felinda, as Sorlois, as Bramandin.”

[466] Digory as last caught her ankle. She kicked back with her heel and hit him in the mouth. In his pain he lost hold. His lip was cut and his mouth full of blood. From somewhere very close by came the voice of Uncle Andrew in a sort of trembling scream. “Madam—my dear young lady—for heaven’s sake—compose yourself.” Digory made a second grab at her heel, and was again shaken off. More men were knocked down by the iron bar. He made a third grab: caught the heel: held on tike grim death, shouting to Polly “Go!” then Oh, thank goodness. The angry, frightened faces had vanished. The angry, frightened voices were silenced. All except Uncle Andrew’s. Close beside Digory in the darkness, it was wailing on “Oh, oh, is this delirium? Is it the end? I can’t bear it. It’s not fair. I never meant to be a Magician. It’s all a misunderstanding. It’s all my godmother’s fault; I must protest against this.

In my state of health too. A very old Dorsetshire family.”

“Bother!” thought Digory. “We didn’t want to bring him along. My hat, what a picnic. Are you there, Polly?”

[467] “Yes, I’m here. Don’t keep on shoving.”

[468] “I’m not,” began Digory, but before he could say anything more, their heads came out into the warm, green sunshine of the wood. And as they stepped out of the pool Polly cried out:

[469] “Oh look! We’ve-brought the old horse with us too. And Mr Ketterley. And the Cabby. This is a pretty kettle of fish!”

[470] As soon as the Witch saw that she was once more in the wood she turned pale and bent down till her face touched the mane of the horse. You could see she felt deadly sick. Uncle Andrew was shivering. But Strawberry, the horse, shook his head, gave a cheerful whinny, and seemed to feel better. He became quiet for the first time since Digory had seen him. His ears, which had been laid flat back on his skull, came into their proper position, and the fire went out of his eyes.

[471] “That’s right, old boy,” said the Cabby, slapping Strawberry’s neck. “That’s better. Take it easy.”

[472] Strawberry did the most natural thing in the world. Being very thirsty (and no wonder) he walked slowly across to the nearest pool and stepped into it to have a drink. Digory was still holding the Witch’s heel and Polly was holding Digory’s hand. One of the Cabby’s hands was on Strawberry; and Uncle Andrew, still very shaky, had just grabbed on the Cabby’s other hand.

[473] “Quick,” said Polly, with a look at Digory. “Greens!”

[474] So the horse never got his drink. Instead, the whole party found themselves sinking into darkness. Strawberry neighed; Uncle Andrew whimpered. Digory said, “That was a bit of luck.”

[475] There was a short pause. Then Polly said, “Oughtn’t we to

be nearly there now?"

[476] "We do seem to be somewhere," said Digory. "At least I'm standing on something solid."

[477] "Why, so am I, now that I come to think of it," said Polly. "But why's it so dark? I say, do you think we got into the wrong Pool?"

[478] "Perhaps this is Charn," said Digory. "Only we've got back in the middle of the night."

[479] "This is not Charn," came the Witch's voice. "This is an empty world. This is Nothing."

[480] And really it was uncommonly like Nothing. There were no stars. It was so dark that they couldn't see one another at all and it made no difference whether you kept your eyes shut or open. Under their feet there was a cool, flat something which might have been earth, and was certainly not grass or wood. The air was cold and dry and there was no wind.

[481] "My doom has come upon me," said the Witch in a voice of horrible calmness.

[482] "Oh don't say that," babbled Uncle Andrew. "My dear young lady, pray don't say such things. It can't be as bad as that. Ah—Cabman—my good man—you don't happen to have a flask about you? A drop of spirits is just what I need."

[483] "Now then, now then," came the Cabby's voice, a good firm, hardy voice. "Keep cool everyone, that's what I say. No bones broken, anyone? Good. Well there's something to be thankful for straight away, and more than anyone could expect after falling all that way. Now, if we've fallen down some diggings—as it might be for a new station on the Underground—someone will come and get us out presently, see! And if we're dead—which I don't deny it might be—well, you got to—remember that worse things 'appen at sea and a chap's got to die sometime. And there ain't nothing to be afraid of if a chap's led a decent life. And if you ask me, I think the best thing we could do to pass the time would be sing a 'ymn."

[484] And he did. He struck up at once a harvest thanksgiving hymn, all about crops being "safely gathered in". It was not very suitable to a place which felt as if nothing had ever grown there since the beginning of time, but it was the one he could remember best. He had a fine voice and the children joined in; it was very cheering. Uncle Andrew and the Witch did not join in.

[485] Towards the end of the hymn Digory felt someone plucking at his elbow and from a general smell of brandy and cigars and good clothes he decided that it must be Uncle Andrew. Uncle Andrew was cautiously pulling him away from the others. When they had gone a little distance, the old man put his mouth so close to Digory's ear that

it tickled, and whispered:

[486] “Now, my boy. Slip on your ring. Let’s be off.”

[487] But the Witch had very good ears. “Fool!” came her voice and she leaped off the horse. “Have you forgotten that I can hear men’s thoughts? Let go the boy. If you attempt treachery I will take such vengeance upon you as never was heard of in all worlds from the beginning.”

[488] “And,” added Digory, “if you think I’m such a mean pig as to go off and leave Polly—and the Cabby—and the horse in a place like this, you’re well mistaken.”

[489] “You are a very naughty and impertinent little boy,” said Uncle Andrew.

[490] “Hush!” said the Cabby. They all listened.

[491] In the darkness something was happening at last. A voice had begun to sing. It was very far away and Digory found it hard to decide from what direction it was coming. Sometimes it seemed to come from all directions at once. Sometimes he almost thought it was coming out of the earth beneath them. Its lower notes were deep enough to be the voice of the earth herself. There were no words. There was hardly even a tune. But it was, beyond comparison, the most beautiful noise he had ever heard. It was so beautiful he could hardly bear it. The horse seemed to like it too; he gave the sort of whinney a horse would give if, after years of being a cab-horse, it found itself back in the old field where it had played as a foal, and saw someone whom it remembered and loved coming across the field to bring it a lump of sugar.

[492] “Gawd!” said the Cabby. “Ain’t it lovely?”

[493] Then two wonders happened at the same moment. One was that the voice was suddenly joined by other voices; more voices than you could possibly count. They were in harmony with it, but far higher up the scale: cold, tingling, silvery voices. The second wonder was that the blackness overhead, all at once, was blazing with stars. They didn’t come out gently one by one, as they do on a summer evening. One moment there had been nothing but darkness; next moment a thousand, thousand points of light leaped out—single stars, constellations, and planets, brighter and bigger than any in our world. There were no clouds. The new stars and the new voices began at exactly the same time. If you had seen and heard it, as Digory did, you would have felt quite certain that it was the stars themselves which were singing, and that it was the First Voice, the deep one, which had made them appear and made them sing.

[494] “Glory be!” said the Cabby. “I’d ha’ been a better man all my life if I’d known there were things like this.”

[495] The Voice on the earth was now louder and more

triumphant; but the voices in the sky, after singing loudly with it for a time, began to get fainter. And now something else was happening.

[496] Far away, and down near the horizon, the sky began to turn grey. A light wind, very fresh, began to stir. The sky, in that one place, grew slowly and steadily paler. You could see shapes of hills standing up dark against it. All the time the Voice went on singing.

[497] There was soon light enough for them to see one another's faces. The Cabby and the two children had open mouths and shining eyes; they were drinking in the sound, and they looked as if it reminded them of something. Uncle Andrew's mouth was open too, but not open with joy. He looked more as if his chin had simply dropped away from the rest of his face. His shoulders were stopped and his knees shook. He was not liking the Voice. If he could have got away from it by creeping into a rat's hole, he would have done so. But the Witch looked as if, in a way, she understood the music better than any of them. Her mouth was shut, her lips were pressed together, and her fists were clenched. Ever since the song began she had felt that this whole world was filled with a Magic different from hers and stronger. She hated it. She would have smashed that whole world, or all worlds, to pieces, if it would only stop the singing. The horse stood with its ears well forward, and twitching. Every now and then it snorted and stamped the ground. It no longer looked like a tired old cab-horse; you could now well believe that its father had been in battles.

[498] The eastern sky changed from white to pink and from pink to gold. The Voice rose and rose, till all the air was shaking with it. And just as it swelled to the mightiest and most glorious sound it had yet produced, the sun arose.

[499] Digory had never seen such a sun. The sun above the ruins of Charn had looked older than ours: this looked younger. You could imagine that it laughed for joy as it came up. And as its beams shot across the land the travellers could see for the first time what sort of place they were in. It was a valley through which a broad, swift river wound its way, flowing eastward towards the sun. Southward there were mountains, northward there were lower hills. But it was a valley of mere earth, rock and water; there was not a tree, not a bush, not a blade of grass to be seen. The earth was of many colours: they were fresh, hot and vivid. They made you feel excited; until you saw the Singer himself, and then you forgot everything else.

[500] It was a Lion. Huge, shaggy, and bright, it stood facing the risen sun. Its mouth was wide open in song and it was about three hundred yards away.

[501] "This is a terrible world," said the Witch. "We must fly at once. Prepare the Magic."

[502] “I quite agree with you, Madam,” said Uncle Andrew. “A most disagreeable place. Completely uncivilized. If only I were a younger man and had a gun—”

[503] “Garn!” said the Cabby. “You don’t think you could shoot ’im, do you?”

[504] “And who would” said Polly.

[505] “Prepare the Magic, old fool,” said Jadis.

[506] “Certainly, Madam,” said Uncle Andrew cunningly. “I must have both the children touching me. Put on your homeward ring at once, Digory.” He wanted to get away without the Witch.

[507] “Oh, it’s rings, is it?” cried Jadis. She would have had her hands in Digory’s pocket before you could say knife, but Digory grabbed Polly and shouted out:

[508] “Take care. If either of you come half an inch nearer, we two will vanish and you’ll be left here for good. Yes: I have a ring in my pocket that will take Polly and me home. And look! My hand is just ready. So keep your distance. I’m sorry about you (he looked at the Cabby) and about the horse, but I can’t help that. As for you two (he looked at Uncle Andrew and the Queen), you’re both magicians, so you ought to enjoy living together.”

[509] “’Old your noise, everyone,” said the Cabby. “I want to listen to the moosic.”

[510] For the song had now changed.

[511] CHAPTER NINE. THE FOUNDING OF NARNIA

[512] THE Lion was pacing to and fro about that empty land and singing his new song. It was softer and more lilting than the song by which he had called up the stars and the sun; a gentle, rippling music. And as he walked and sang the valley grew green with grass. It spread out from the Lion like a pool. It ran up the sides of the little hills like a wave. In a few minutes it was creeping up the lower slopes of the distant mountains, making that young world every moment softer. The light wind could now be heard ruffling the grass. Soon there were other things besides grass. The higher slopes grew dark with heather. Patches of rougher and more bristling green appeared in the valley. Digory did not know what they were until one began coming up quite close to him. It was a little, spiky thing that threw out dozens of arms and covered these arms with green and grew larger at the rate of about an inch every two seconds. There were dozens of these things all round him now. When they were nearly as tall as himself he saw what they were. “Trees!” he exclaimed.

[513] The nuisance of it, as Polly said afterwards, was that you weren’t left in peace to watch it all. Just as Digory said “Trees!” he had to jump because Uncle Andrew had sidled up to him again and was going to pick his pocket. It wouldn’t have done Uncle Andrew much good if he had succeeded, for he was aiming at the right-hand pocket because he still thought the green rings were “homeward” rings. But of course Digory didn’t want to lose either.

[514] “Stop!” cried the Witch. “Stand back. No, further back. If anyone goes within ten paces of either of the children, I will knock out his brains.” She was poising in her hand the iron bar that she had torn off the lamp-post, ready to throw it. Somehow no one doubted that she would be a very good shot.

[515] “So!”—she said. “You would steal back to your own world with the boy and leave me here.”

[516] Uncle Andrew’s temper at last got the better of his fears. “Yes, Ma’am, I would,” he said. “Most undoubtedly I would. I should be perfectly in my rights. I have been most shamefully, most abominably treated. I have done my best to show you such civilities as were in my power. And what has been my reward? You have robbed —I must repeat the word robbed a highly respectable jeweller. You have insisted on my entertaining you to an exceedingly expensive, not to say ostentatious, lunch, though I was obliged to pawn my watch and chain in order to do so (and let me tell you, Ma’am, that none of

our family have been in the habit of frequenting pawnshops, except my cousin Edward, and he was in the Yeomanry). During that indigestible meal—I'm feeling the worse for it at this very moment—your behaviour and conversation attracted the unfavourable attention of everyone present. I feel I have been publicly disgraced. I shall never be able to show my face in that restaurant again. You have assaulted the police. You have stolen—"

[517] "Oh stow it, Guv'nor, do stow it," said the Cabby. "Watchin' and listenin's the thing at present; not talking."

[518] There was certainly plenty to watch and to listen to. The tree which Digory had noticed was now a full-grown beech whose branches swayed gently above his head. They stood on cool, green grass, sprinkled with daisies and buttercups. A little way off, along the river bank, willows were growing. On the other side tangles of flowering currant, lilac, wild rose, and rhododendron closed them in. The horse was tearing up delicious mouthfuls of new grass.

[519] All this time the Lion's song, and his stately prowl, to and fro, backwards and forwards, was going on. What was rather alarming was that at each turn he came a little nearer. Polly was finding the song more and more interesting because she thought she was beginning to see the connection between the music and the things that were happening. When a line of dark firs sprang up on a ridge about a hundred yards away she felt that they were connected with a series of deep, prolonged notes which the Lion had sung a second before. And when he burst into a rapid series of lighter notes she was not surprised to see primroses suddenly appearing in every direction. Thus, with an unspeakable thrill, she felt quite certain that all the things were coming (as she said) "out of the Lion's head". When you listened to his song you heard the things he was making up: when you looked round you, you saw them. This was so exciting that she had no time to be afraid. But Digory and the Cabby could not help feeling a bit nervous as each turn of the Lion's walk brought him nearer. As for Uncle Andrew, his teeth were chattering, but his knees were shaking so that he could not run away.

[520] Suddenly the Witch stepped boldly out towards the Lion. It was coming on, always singing, with a slow, heavy pace. It was only twelve yards away. She raised her arm and flung the iron bar straight at its head.

[521] Nobody, least of all Jadis, could have missed at that range. The bar struck the Lion fair between the eyes. It glanced off and fell with a thud in the grass. The Lion came on. Its walk was neither slower nor faster than before; you could not tell whether it even knew it had been hit. Though its soft pads made no noise, you could feel the earth shake beneath their weight.

[522] The Witch shrieked and ran: in a few moments she was out of sight among the trees. Uncle Andrew turned to do likewise, tripped over a root, and fell flat on his face in a little brook that ran down to join the river. The children could not move. They were not even quite sure that they wanted to. The Lion paid no attention to them. Its huge red mouth was open, but open in song not in a snarl. It passed by them so close that they could have touched its mane. They were terribly afraid it would turn and look at them, yet in some queer way they wished it would. But for all the notice it took of them they might just as well have been invisible and unsmellable. When it had passed them and gone a few paces further it turned, passed them again, and continued its march eastward.

[523] Uncle Andrew, coughing and spluttering, picked himself up.

[524] "Now, Digory," he said, "we've got rid of that woman, and the brute of a lion is gone. Give me your hand and put on your ring at once."

[525] "Keep off," said Digory, backing away from him. "Keep clear of him, Polly. Come over here beside me. Now I warn you, Uncle Andrew, don't come one step nearer, we'll just vanish."

[526] "Do what you're told this minute, sir," said Uncle Andrew. "You're an extremely disobedient, ill-behaved little boy."

[527] "No fear," said Digory. "We want to stay and see what happens. I thought you wanted to know about other worlds. Don't you like it now you're here?"

"Like it!" exclaimed Uncle Andrew. "Just look at the state I'm in. And it was my best coat and waistcoat, too."

[528] He certainly was a dreadful sight by now: for of course, the more dressed up you were to begin with, the worse you look after you've crawled out of a smashed hansoncab and fallen into a muddy brook. "I'm not saying," he added, "that this is not a most interesting place. If I were a younger man, now—perhaps I could get some lively young fellow to come here first. One of those big-game hunters. Something might be made of this country. The climate is delightful. I never felt such air. I believe it would have done me good if—if circumstances had been more favourable. If only we'd had a gun."

[529] "Guns be blowed," said the Cabby. "I think I'll go and see if I can give Strawberry a rub down. That horse 'as more sense than some 'umans as I could mention." He walked back to Strawberry and began making the hissing noises that grooms make.

[530] "Do you still think that Lion could be killed by a gun?" asked Digory. "He didn't mind the iron bar much."

[531] "With all her faults," said Uncle Andrew, "that's a plucky gel, my boy. It was a spirited thing to do." He rubbed his hands and cracked his knuckles, as if he were once more forgetting how the

Witch frightened him whenever she was really there.

[532] “It was a wicked thing to do,” said Polly. “What harm had he done her?”

[533] “Hullo! What’s that?” said Digory. He had darted forward to examine something only a few yards away. “I say, Polly,” he called back. “Do come and look.”

[534] Uncle Andrew came with her; not because he wanted to see but because he wanted to keep close to the children there might be a chance of stealing their rings. But when he saw what Digory was looking at, even he began to take an interest. It was a perfect little model of a lamp-post, about three feet high but lengthening, and thickening in proportion, as they watched it; in fact growing just as the trees had grown.

“It’s alive too—I mean, it’s lit,” said Digory. And so it was; though of course, the brightness of the sun made the little flame in the lantern hard to see unless your shadow fell on it.

[535] “Remarkable, most remarkable,” muttered Uncle Andrew. “Even I never dreamt of Magic like this. We’re in a world where everything, even a lamp-post, comes to life and grows. Now I wonder what sort of seed a lamppost grows from?”

[536] “Don’t you see?” said Digory. “This is where the bar fell—the bar she tore off the lamp-post at home. It sank into the ground and now it’s coming up as a young lamppost.” (But not so very young now; it was as tall as Digory while he said this.)

[537] “That’s it! Stupendous, stupendous,” said Uncle Andrew, rubbing his hands harder than ever. “Ho, ho! They laughed at my Magic. That fool of a sister of mine thinks I’m a lunatic. I wonder what they’ll say now? I have discovered a world where everything is bursting with life and growth. Columbus, now, they talk about Columbus. But what was America to this? The commercial possibilities of this country are unbounded. Bring a few old bits of scrap iron here, bury ’em, and up they come as brand new railway engines, battleships, anything you please. They’ll cost nothing, and I can sell ’em at full prices in England. I shall be a millionaire. And then the climate! I feel years younger already. I can run it as a health resort. A good sanatorium here might be worth twenty thousand a year. Of course I shall have to let a few people into the secret. The first thing is to get that brute shot.”

[538] “You’re just like the Witch,” said Polly. “All you think of is killing things.”

[539] “And then as regards oneself,” Uncle Andrew continued, in a happy dream. “There’s no knowing how long I might live if I settled here. And that’s a big consideration when a fellow has turned sixty. I shouldn’t be surprised if I never grew a day older in this country!

Stupendous! The land of youth!"

[540] "Oh!" cried Digory. "The land of youth! Do you think it really is?" For of course he remembered what Aunt Letty had said to the lady who brought the grapes, and that sweet hope rushed back upon him. "Uncle Andrew", he said, "do you think there's anything here that would cure Mother?"

"What are you talking about?" said Uncle Andrew. "This isn't a chemist's shop. But as I was saying—"

[541] "You don't care twopence about her," said Digory savagely. "I thought you might; after all, she's your sister as well as my Mother. Well, no matter. I'm jolly well going to ask the Lion himself if he can help me." And he turned and walked briskly away. Polly waited for a moment and then went after him.

[542] "Here! Stop! Come back! The boy's gone mad," said Uncle Andrew. He followed the children at a cautious distance behind; for he didn't want to get too far away from the green rings or too near the Lion.

[543] In a few minutes Digory came to the edge of the wood and there he stopped. The Lion was singing still. But now the song had once more changed. It was more like what we should call a tune, but it was also far wilder. It made you want to run and jump and climb. It made you want to shout. It made you want to rush at other people and either hug them or fight them. It made Digory hot and red in the face. It had some effect on Uncle Andrew, for Digory could hear him saying, "A spirited gel, sir. It's a pity about her temper, but a dem fine woman all the same, a dem fine woman." But what the song did to the two humans was nothing compared with what it was doing to the country.

[544] Can you imagine a stretch of grassy land bubbling like water in a pot? For that is really the best description of what was happening. In all directions it was swelling into humps. They were of very different sizes, some no bigger than mole-hills, some as big as wheel-barrows, two the size of cottages. And the humps moved and swelled till they burst, and the crumbled earth poured out of them, and from each hump there came out an animal. The moles came out just as you might see a mole come out in England. The dogs came out, barking the moment their heads were free, and struggling as you've seen them do when they are getting through a narrow hole in a hedge. The stags were the queerest to watch, for of course the antlers came up a long time before the rest of them, so at first Digory thought they were trees. The frogs, who all came up near the river, went straight into it with a plop-plop and a loud croaking. The panthers, leopards and things of that sort, sat down at once to wash the loose earth off their hind quarters and then stood up against the trees to sharpen their front claws. Showers of birds came out of the trees. Butterflies

fluttered. Bees got to work on the flowers as if they hadn't a second to lose. But the greatest moment of all was when the biggest hump broke like a small earthquake and out came the sloping back, the large, wise head, and the four baggy-trousered legs of an elephant. And now you could hardly hear the song of the Lion; there was so much cawing, cooing, crowing, braying, neighing, baying, barking, lowing, bleating, and trumpeting.

[545] But though Digory could no longer hear the Lion, he could see it. It was so big and so bright that he could not take his eyes off it. The other animals did not appear to be afraid of it. Indeed, at that very moment, Digory heard the sound of hoofs from behind; a second later the old cab-horse trotted past him and joined the other beasts. (The air had apparently suited him as well as it had suited Uncle Andrew. He no longer looked like the poor, old slave he had been in London; he was picking up his feet and holding his head erect.) And now, for the first time, the Lion was quite silent. He was going to and fro among the animals. And every now and then he would go up to two of them (always two at a time) and touch their noses with his. He would touch two beavers among all the beavers, two leopards among all the leopards, one stag and one deer among all the deer, and leave the rest. Some sorts of animal he passed over altogether. But the pairs which he had touched instantly left their own kinds and followed him. At last he stood still and all the creatures whom he had touched came and stood in a wide circle around him. The others whom he had not touched began to wander away. Their noises faded gradually into the distance. The chosen beasts who remained were now utterly silent, all with their eyes fixed intently upon the Lion. The cat-like ones gave an occasional twitch of the tail but otherwise all were still. For the first time that day there was complete silence, except for the noise of running water. Digory's heart beat wildly; he knew something very solemn was going to be done. He had not forgotten about his Mother; but he knew jolly well that, even for her, he couldn't interrupt a thing like this.

[546] The Lion, whose eyes never blinked, stared at the animals as hard as if he was going to burn them up with his mere stare. And gradually a change came over them. The smaller ones—the rabbits, moles and such-like grew a good deal larger. The very big ones—you noticed it most with the elephants—grew a little smaller. Many animals sat up on their hind legs. Most put their heads on one side as if they were trying very hard to understand. The Lion opened his mouth, but no sound came from it; he was breathing out, a long, warm breath; it seemed to sway all the beasts as the wind sways a line of trees. Far overhead from beyond the veil of blue sky which hid them the stars sang again; a pure, cold, difficult music. Then there

came a swift flash like fire (but it burnt nobody) either from the sky or from the Lion itself, and every drop of blood tingled in the children's bodies, and the deepest, wildest voice they had ever heard was saying:

"Narnia, Narnia, Narnia, awake. Love. Think. Speak. Be walking trees. Be talking beasts. Be divine waters."

[547] CHAPTER TEN. THE FIRST JOKE AND OTHER MATTERS

[548] IT was of course the Lion's voice. The children had long felt sure that he could speak: yet it was a lovely and terrible shock when he did.

[549] Out of the trees wild people stepped forth, gods and goddesses of the wood; with them came Fauns and Satyrs and Dwarfs. Out of the river rose the river god with his Naiad daughters. And all these and all the beasts and birds in their different voices, low or high or thick or clear, replied:

[550] "Hail, Aslan. We hear and obey. We are awake. We love. We think. We speak. We know."

[551] "But please, we don't know very much yet," said a nosey and snorty kind of voice. And that really did make the children jump, for it was the cab-horse who had spoken.

[552] "Good old Strawberry," said Polly. "I am glad he was one of the ones picked out to be a Talking Beast." And the Cabby, who was now standing beside the children, said, "Strike me pink. I always did say that 'oss 'ad a lot of sense, though."

[553] "Creatures, I give you yourselves," said the strong, happy voice of Aslan. "I give to you forever this land of Narnia. I give you the woods, the fruits, the rivers. I give you the stars and I give you myself. The Dumb Beasts whom I have not chosen are yours also. Treat them gently and cherish them but do not go back to their ways lest you cease to be Talking Beasts. For out of them you were taken and into them you can return. Do not so."

[554] "No, Aslan, we won't, we won't," said everyone. But one perky jackdaw added in a loud voice, "No fear!" and everyone else had finished just before he said it so that his words came out quite clear in a dead silence; and perhaps you have found out how awful that can be—say, at a party. The Jackdaw became so embarrassed that it hid its head under its wings as if it was going to sleep. And all the other animals began making various queer noises which are their ways of laughing and which, of course, no one has ever heard in our world. They tried at first to repress it, but Aslan said:

[555] "Laugh and fear not, creatures. Now that you are no longer dumb and witless, you need not always be grave. For jokes as well as justice come in with speech."

[556] So they all let themselves go. And there was such merriment

that the Jackdaw himself plucked up courage again and perched on the cab-horse's head, between its ears, clapping its wings, and said:

[557] "Aslan! Aslan! Have I made the first joke? Will everybody always be told how I made the first joke?"

"No, little friend," said the Lion. "You have not made the first joke; you have only been the first joke."

[558] Then everyone laughed more than ever; but the Jackdaw didn't mind and laughed just as loud till the horse shook its head and the Jackdaw lost its balance and fell off, but remembered its wings (they were still new to it) before it reached the ground.

[559] "And now," said Aslan, "Narnia is established. We must next take thought for keeping it safe. I will call some of you to my council. Come hither to me, you the chief Dwarf, and you the River-god, and you Oak and the Owl, and both the Ravens and the Bull-Elephant. We must talk together. For though the world is not five hours old an evil has already entered it."

[560] The creatures he had named came forward and he turned away eastward with them. The others all began talking, saying things like "What did he say had entered the world?—A Neevil—What's a Neevil?—No, he didn't say a Neevil, he said a weevil—Well, what's that?"

[561] "Look here," said Digory to Polly, "I've got to go after him—Aslan, I mean, the Lion. I must speak to him."

[562] "Do you think we can?" said Polly. "I wouldn't dare."

"I've got to," said Digory. "It's about Mother. If anyone could give me something that would do her good, it would be him."

[563] "I'll come along with you," said the Cabby. "I liked the looks of 'im. And I don't reckon these other beasts will go for us. And I want a word with old Strawberry."

[564] So all three of them stepped out boldly—or as boldly as they could—towards the assembly of animals. The creatures were so busy talking to one another and making friends that they didn't notice the three humans until they were very close; nor did they hear Uncle Andrew, who was standing trembling in his buttoned boots a good way off and shouting (but by no means at the top of his voice).

[565] "Digory! Come back! Come back at once when you're told. I forbid you to go a step further."

[566] When at last they were right in among the animals, the animals all stopped talking and stared at them.

[567] "Well?" said the He-Beaver at last, "what, in the name of Aslan, are these?"

[568] "Please," began Digory in rather a breathless voice, when a Rabbit said, "They're a kind of large lettuce, that's my belief."

[569] "No, we're not, honestly we're not," said Polly hastily.

“We’re not at all nice to eat.”

[570] “There!” said the Mole. “They can talk. Who ever heard of a talking lettuce?”

[571] “Perhaps they’re the Second joke,” suggested the Jackdaw.

[572] A Panther, which had been washing its face, stopped for a moment to say, “Well, if they are, they’re nothing like so good as the first one. At least, I don’t see anything very funny about them.” It yawned and went on with its wash.

[573] “Oh, please,” said Digory. “I’m in such a hurry. I want to see the Lion.”

[574] All this time the Cabby had been trying to catch Strawberry’s eye. Now he did. “Now, Strawberry, old boy,” he said. “You know me. You ain’t going to stand there and say as you don’t know me.”

[575] “What’s the Thing talking about, Horse?” said several voices.

[576] “Well,” said Strawberry very slowly, “I don’t exactly know, I think most of us don’t know much about any thing yet. But I’ve a sort of idea I’ve seen a thing like this before. I’ve a feeling I lived somewhere else—or was something else—before Aslan woke us all up a few minutes ago. It’s all very muddled. Like a dream. But there were things like these three in the dream.”

[577] “What?” said the Cabby. “Not know me? Me what used to bring you a hot mash of an evening when you was out of sorts? Me what rubbed you down proper? Me what never forgot to put your cloth on you if you was standing in the cold? I wouldn’t ’ave thought it of you, Strawberry.”

[578] “It does begin to come back,” said the Horse thoughtfully. “Yes. Let me think now, let me think. Yes, you used to tie a horrid black thing behind me and then hit me to make me run, and however far I ran this black thing would always be coming rattle-rattle behind me.”

[579] “We ’ad our living to earn, see,” said the Cabby. “Yours the same as mine. And if there ’adn’t been no work and no whip there’d ’ave been no stable, no hay, no mash, and no oats. For you did get a taste of oats when I could afford ’em, which no one can deny.”

[580] “Oats?” said the Horse, pricking up his ears. “Yes, I remember something about that. Yes, I remember more and more. You were always sitting up somewhere behind, and I was always running in front, pulling you and the black thing. I know I did all the work.”

[581] “Summer, I grant you,” said the Cabby. “’Ot work for you and a cool seat for me. But what about winter, old boy, when you was keeping yourself warm and I was sitting up there with my feet like ice and my nose fair pinched off me with the wind, and my ’ands that numb I couldn’t ’ardly ’old the reins?”

[582] “It was a hard, cruel country,” said Strawberry. “There was no grass. All hard stones.”

[583] “Too true, mate, too true!” said the Cabby. “A ’ard world it was. I always did say those paving-stones weren’t fair on any ’oss. That’s Lunn’on, that is. I didn’t like it no more than what you did. You were a country ’oss, and I was a country man. Used to sing in the choir, I did, down at ’ome. But there wasn’t a living for me there.”

[584] “Oh please, please,” said Digory. “Could we get on? The Lion’s getting further and further away. And I do want to speak to him so dreadfully badly.”

[585] “Look ’ere, Strawberry,” said the Cabby. “This young gen’leman ’as something on his mind that he wants to talk to the Lion about; ’im you call Aslan. Suppose you was to let ’im ride on your back (which ’e’d take it very kindly) and trot ’im over to where the Lion is. And me and the little girl will be following along.”

[586] “Ride?” said Strawberry. “Oh, I remember now. That means sitting on my back. I remember there used to be a little one of you two-leggers who used to do that long ago. He used to have little hard, square lumps of some white stuff that he gave me. They tasted—oh, wonderful, sweeter than grass.”

[587] “Ah, that’d be sugar,” said the Cabby.

[588] “Please, Strawberry,” begged Digory, “do, do let me get up and take me to Aslan.”

[589] “Well, I don’t mind,” said the Horse. “Not for once in a way. Up you get.”

[590] “Good old Strawberry,” said the Cabby. “’Ere, young ’un, I’ll give you a lift.” Digory was soon on Strawberry’s back, and quite comfortable, for he had ridden bare-back before on his own pony.

[591] “Now, do gee up, Strawberry,” he said.

[592] “You don’t happen to have a bit of that white stuff about you, I suppose?” said the Horse.

[593] “No. I’m afraid I haven’t,” said Digory.

[594] “Well, it can’t be helped,” said Strawberry, and off they went.

[595] At that moment a large Bulldog, who had been sniffing and staring very hard, said:

[596] “Look. Isn’t there another of these queer creatures over there, beside the river, under the trees?”

[597] Then all the animals looked and saw Uncle Andrew, standing very still among the rhododendrons and hoping he wouldn’t be noticed.

“Come on!” said several voices. “Let’s go and find out.” So, while Strawberry was briskly trotting away with Digory in one direction (and Polly and the Cabby were following on foot) most of the

creatures rushed towards Uncle Andrew with roars, barks, grunts, and various noises of cheerful interest.

[598] We must now go back a bit and explain what the whole scene had looked like from Uncle Andrew's point of view. It had not made at' all the same impression on him as on the Cabby and the children. For what you see and hear depends a good deal on where you are standing: it also depends on what sort of person you are.

[599] Ever since the animals had first appeared, Uncle Andrew had been shrinking further and further back into the thicket. He watched them very hard of course; but he wasn't really interested in seeing what they were doing, only in seeing whether they were going to make a rush at him. Like the Witch, he was dreadfully practical. He simply didn't notice that Aslan was choosing one pair out of every kind of beasts. All he saw, or thought he saw, was a lot of dangerous wild animals walking vaguely about. And he kept on wondering why the other animals didn't run away from the big Lion.

[600] When the great moment came and the Beasts spoke, he missed the whole point; for a rather interesting reason. When the Lion had first begun singing, long ago when it was still quite dark, he had realized that the noise was a song. And he had disliked the song very much. It made him think and feel things he did not want to think and feel. Then, when the sun rose and he saw that the singer was a lion ("only a lion," as he said to himself) he tried his hardest to make believe that it wasn't singing and never had been singing—only roaring as any lion might in a zoo in our own world. "Of course it can't really have been singing," he thought, "I must have imagined it. I've been letting my nerves get out of order. Who ever heard of a lion singing?" And the longer and more beautiful the Lion sang, the harder Uncle Andrew tried to make himself believe that he could hear nothing but roaring. Now the trouble about trying to make yourself stupider than you really are is that you very often succeed. Uncle Andrew did. He soon did hear nothing but roaring in Aslan's song. Soon he couldn't have heard anything else even if he had wanted to. And when at last the Lion spoke and said, "Narnia awake," he didn't hear any words: he heard only a snarl. And when the Beasts spoke in answer, he heard only barkings, growlings, bayings, and howlings. And when they laughed—well, you can imagine. That was worse for Uncle Andrew than anything that had happened yet. Such a horrid, bloodthirsty din of hungry and angry brutes he had never heard in his life. Then, to his utter rage and horror, he saw the other three humans actually walking out into the open to meet the animals.

[601] "The fools!" he said to himself. "Now those brutes will eat the rings along with the children and I'll never be able to get home again. What a selfish little boy that Digory is! And the others are just

as bad. If they want to throw away their own lives, that's their business. But what about me? They don't seem to think of that. No one thinks of me."

[602] Finally, when a whole crowd of animals came rushing towards him, he turned and ran for his life. And now anyone could see that the air of that young world was really doing the old gentleman good. In London he had been far too old to run: now, he ran at a speed which would have made him certain to win the hundred yards' race at any Prep school in England. His coattails flying out behind him were a fine sight. But of course it was no use. Many of the animals behind him were swift ones; it was the first run they had ever taken in their lives and they were all longing to use their new muscles. "After him! After him!" they shouted. "Perhaps he's that Neevil! Tally-ho! Tantivy! Cut him off! Round him up! Keep it up! Hurrah!"

[603] In a very few minutes some of them got ahead of him. They lined up in a row and barred his way. Others hemmed him in from behind. Wherever he looked he saw terrors. Antlers of great elks and the huge face of an elephant towered over him. Heavy, serious-minded bears and boars grunted behind him. Cool-looking leopards and panthers with sarcastic faces (as he thought) stared at him and waved their tails. What struck him most of all was the number of open mouths. The animals had really opened their mouths to pant; he thought they had opened their mouths to eat him.

[604] Uncle Andrew stood trembling and swaying this way and that. He had never liked animals at the best of times, being usually rather afraid of them; and of course years of doing cruel experiments on animals had made him hate and fear them far more.

[605] "Now, sir," said the Bulldog in his business-like way, "are you animal, vegetable, or mineral?" That was what it really said; but all Uncle Andrew heard was "Gr-r-rarrh-ow!"

[606] CHAPTER ELEVEN. DIGORY AND HIS UNCLE ARE BOTH IN TROUBLE

[607] You may think the animals were very stupid not to see at once that Uncle Andrew was the same kind of creature as the two children and the Cabby. But you must remember that the animals knew nothing about clothes. They thought that Polly's frock and Digory's Norfolk suit and the Cabby's howlet hat were as much parts of them as their own fur and feathers. They wouldn't have known even that those three were all of the same kind if they hadn't spoken to them and if Strawberry had not seemed to think so. And Uncle Andrew was a great deal taller than the children and a good deal thinner than the Cabby. He was all in black except for his white waistcoat (not very white by now), and the great grey mop of his hair (now very wild indeed) didn't look to them like anything they had seen in the three other humans. So it was only natural that they should be puzzled. Worst of all, he didn't seem to be able to talk.

[608] He had tried to. When the Bulldog spoke to him (or, as he thought, first snarled and then growled at him) he held out his shaking hand and gasped "Good Doggie, then, poor old fellow." But the beasts could not understand him any more than he could understand them. They didn't hear any words: only a vague sizzling noise. Perhaps it was just as well they didn't, for no dog that I ever knew, least of all a Talking Dog of Narnia, likes being called a Good Doggie then; any more than you would like being called My Little Man.

[609] Then Uncle Andrew dropped down in a dead faint.

[610] "There!" said a Warthog, "it's only a tree. I always thought so." (Remember, they had never yet seen a faint or even a fall.)

[611] The Bulldog, who had been sniffing Uncle Andrew all over, raised its head and said, "It's an animal. Certainly an animal. And probably the same kind as those other ones."

[612] "I don't see that," said one of the Bears. "An animal wouldn't just roll over like that. We're animals and we don't roll over. We stand up. Like this." He rose to his hind legs, took a step backwards, tripped over a low branch and fell flat on his back.

[613] "The Third Joke, the Third Joke, the Third joke!" said the Jackdaw in great excitement.

[614] "I still think it's a sort of tree," said the Warthog.

[615] "If it's a tree," said the other Bear, "there might be a bees'

nest in it."

[616] "I'm sure it's not a tree," said the Badger. "I had a sort of idea it was trying to speak before it toppled over."

[617] "That was only the wind in its branches," said the Warthog.

[618] "You surely don't mean," said the Jackdaw to the Badger, "that you think its a talking animal! It didn't say any words."

[619] "And yet, you know," said the Elephant (the She Elephant, of course; her husband, as you remember, had been called away by Aslan). "And yet, you know, it might be an animal of some kind. Mightn't the whitish lump at this end be a sort of face? And couldn't those holes be eyes and a mouth? No nose, of course. But then—ahem—one mustn't be narrow-minded. Very few of us have what could exactly be called a Nose." She squinted down the length of her own trunk with pardonable pride.

[620] "I object to that remark very strongly," said the Bulldog.

[621] "The Elephant is quite right," said the Tapir.

[622] "I tell you what!" said the Donkey brightly, "perhaps it's an animal that can't talk but thinks it can."

[623] "Can it be made to stand up?" said the Elephant thoughtfully. She took the limp form of Uncle Andrew gently in her trunk and set him up on end: upside down, unfortunately, so that two half-sovereigns, three halfcrowns, and a sixpence fell out of his pocket. But it was no use. Uncle Andrew merely collapsed again.

[624] "There!" said several voices. "It isn't an animal at all, It's not alive."

[625] "I tell you, it is an animal," said the Bulldog. "Smell it for yourself."

[626] "Smelling isn't everything," said the Elephant.

[627] "Why," said the Bulldog, "if a fellow can't trust his nose, what is he to trust?"

[628] "Well, his brains perhaps," she replied mildly.

[629] "I object to that remark very strongly," said the Bulldog.

[630] "Well, we must do something about it," said the Elephant. "Because it may be the Neevil, and it must be shown to Aslan. What do most of us think? Is it an animal or something of the tree kind?"

[631] "Tree! Tree!" said a dozen voices.

[632] "Very well," said the Elephant. "Then, if it's a tree it wants to be planted. We must dig a hole."

[633] The two Moles settled that part of the business pretty quickly. There was some dispute as to which way up Uncle Andrew ought to be put into the hole, and he had a very narrow escape from being put in head foremost. Several animals said his legs must be his branches and therefore the grey, fluffy thing (they meant his head) must be his root. But then others said that the forked end of him was

the muddier and that it spread out more, as roots ought to do. So finally he was planted right way up. When they had patted down the earth it came up above his knees.

[634] “It looks dreadfully withered,” said the Donkey.

[635] “Of course it wants some watering,” said the Elephant.

“I think I might say (meaning no offence to anyone present) that, perhaps, for that sort of work, my kind of nose—”

[636] “I object to that remark very strongly,” said the Bulldog. But the Elephant walked quietly to the river, filled her trunk with water, and came back to attend to Uncle Andrew. The sagacious animal went on doing this till gallons of water had been squirted over him, and water was running out of the skirts of his frock-coat as if he had been for a bath with all his clothes on. In the end it revived him. He awoke from his faint. What a wake it was! But we must leave him to think over his wicked deed (if he was likely to do anything so sensible) and turn to more important things.

[637] Strawberry trotted on with Digory on his back till the noise of the other animals died away, and now the little group of Aslan and his chosen councillors was quite close. Digory knew that he couldn’t possibly break in on so solemn a meeting, but there was no need to do so. At a word from Aslan, the He-Elephant, the Ravens, and all the rest of them drew aside. Digory slipped off the horse and found himself face to face with Aslan. And Aslan was bigger and more beautiful and more brightly golden and more terrible than he had thought. He dared not look into the great eyes.

[638] “Please—Mr Lion—Aslan—Sir,” said Digory, “could you—may I—please, will you give me some magic fruit of this country to make Mother well?”

[639] He had been desperately hoping that the Lion would say “Yes”; he had been horribly afraid it might say “No”. But he was taken aback when it did neither.

[640] “This is the Boy,” said Aslan, looking, not at Digory, but at his councillors. “This is the Boy who did it.”

[641] “Oh dear,” thought Digory, “what have I done now?”

[642] “Son of Adam,” said the Lion. “There is an evil Witch abroad in my new land of Narnia. Tell these good Beasts how she came here.”

[643] A dozen different things that he might say flashed through Digory’s mind, but he had the sense to say nothing except the exact truth.

[644] “I brought her, Aslan,” he answered in a low voice.

[645] “For what purpose?”

[646] “I wanted to get her out of my own world back into her own. I thought I was taking her back to her own place.”

[647] “How came she to be in your world, Son of Adam?”

[648] “By—by Magic.”

[649] The Lion said nothing and Digory knew that he had not told enough.

[650] “It was my Uncle, Aslan,” he said. “He sent us out of our own world by magic rings, at least I had to go because he sent Polly first, and then we met the Witch in a place called Charn and she just held on to us when—”

[651] “You met the Witch?” said Asian in a low voice which had the threat of a growl in it.

[652] “She woke up,” said Digory wretchedly. And then, turning very white, “I mean, I woke her. Because I wanted to know what would happen if I struck a bell. Polly didn’t want to. It wasn’t her fault. I—I fought her. I know I shouldn’t have. I think I was a bit enchanted by the writing under the bell.”

[653] “Do you?” asked Asian; still speaking very low and deep. .

[654] “No,” said Digory. “I see now I wasn’t. I was only pretending.”

[655] There was a long pause. And Digory was thinking all the time, “I’ve spoiled everything. There’s no chance of getting anything for Mother now.”

[656] When the Lion spoke again, it was not to Digory.

[657] “You see, friends,” he said, “that before the new, clean world I gave you is seven hours old, a force of evil has already entered it; waked and brought hither by this son of Adam.” The Beasts, even Strawberry, all turned their eyes on Digory till he felt that he wished the ground would swallow him up. “But do not be cast down,” said Aslan, still speaking to the Beasts. “Evil will come of that evil, but it is still a long way off, and I will see to it that the worst falls upon myself. In the meantime, let us take such order that for many hundred years yet this shall be a merry land in a merry world. And as Adam’s race has done the harm, Adam’s race shall help to heal it. Draw near, you other two.”

[658] The last words were spoken to Polly and the Cabby who had now arrived. Polly, all eyes and mouth, was staring at Aslan and holding the Cabby’s hand rather tightly. The Cabby gave one glance at the Lion, and took off his bowler hat: no one had yet seen him without it. When it was off, he looked younger and nicer, and more like a countryman and less like a London cabman.

[659] “Son,” said Aslan to the Cabby. “I have known you long. Do you know me?”

[660] “Well, no, sir,” said the Cabby. “Leastways, not in an ordinary manner of speaking. Yet I feel somehow, if I may make so free, as ’ow we’ve met before.”

[661] “It is well,” said the Lion. “You know better than you think

you know, and you shall live to know me better yet. How does this land please you?"

[662] "It's a fair treat, sir," said the Cabby.

[663] "Would you like to live here always?"

[664] "Well you see sir, I'm a married man," said the Cabby. "If my wife was here neither of us would ever want to go back to London, I reckon. We're both country folks really."

[665] Aslan threw up his shaggy head, opened his mouth, and uttered a long, single note; not very loud, but full of power. Polly's heart jumped in her body when she heard it. She felt sure that it was a call, and that anyone who heard that call would want to obey it and (what's more) would be able to obey it, however many worlds and ages lay between. And so, though she was filled with wonder, she was not really astonished or shocked when all of a sudden a young woman, with a kind, honest face stepped out of nowhere and stood beside her. Polly knew at once that it was the Cabby's wife, fetched out of our world not by any tiresome magic rings, but quickly, simply and sweetly as a bird flies to its nest. The young woman had apparently been in the middle of a washing day, for she wore an apron, her sleeves were rolled up to the elbow, and there were soapsuds on her hands. If she had had time to put on her good clothes (her best hat had imitation cherries on it) she would have looked dreadful; as it was, she looked rather nice.

[666] Of course she thought she was dreaming. That was why she didn't rush across to her husband and ask him what on earth had happened to them both. But when she looked at the Lion she didn't feel quite so sure it was a dream, yet for some reason she did not appear to be very frightened. Then she dropped a little half curtsey, as some country girls still knew how to do in those days. After that, she went and put her hand in the Cabby's and stood there looking round her a little shyly.

[667] "My children," said Aslan, fixing his eyes on both of them, "you are to be the first King and Queen of Narnia."

[668] The Cabby opened his mouth in astonishment, and his wife turned very red.

[669] "You shall rule and name all these creatures, and do justice among them, and protect them from their enemies when enemies arise. And enemies will arise, for there is an evil Witch in this world."

[670] The Cabby swallowed hard two or three times and cleared his throat.

[671] "Begging your pardon, sir," he said, "and thanking you very much I'm sure (which my Missus does the same) but I ain't no sort of a chap for a job like that. I never 'ad much eddycation, you see."

[672] "Well," said Aslan,"can you use a spade and a plough and

raise food out of the earth?”

[673] “Yes, sir, I could do a bit of that sort of work: being brought up to it, like.”

[674] “Can you rule these creatures kindly and fairly, remembering that they are not slaves like the dumb beasts of the world you were born in, but Talking Beasts and free subjects?”

[675] “I see that, sir,” replied the Cabby. “I’d try to do the square thing by them all.”

[676] “And would you bring up your children and grandchildren to do the same?”

[677] “It’d be up to me to try, sir. I’d do my best: wouldn’t we, Nellie?”

[678] “And you wouldn’t have favourites either among your own children or among the other creatures or let any hold another under or use it hardly?”

[679] “I never could abide such goings on, sir, and that’s the truth. I’d give ’em what for if I caught ’em at it,” said the Cabby. (All through this conversation his voice was growing slower and richer. More like the country voice he must have had as a boy and less like the sharp, quick voice of a cockney.)

[680] “And if enemies came against the land (for enemies will arise) and there was war, would you be the first in the charge and the last in the retreat?”

[681] “Well, sir,” said the Cabby very slowly, “a chap don’t exactly know till he’s been tried. I dare say I might turn out ever such a soft ’un. Never did no fighting except with my fists. I’d try—that is, I ’ope I’d try—to do my bit.”

[682] “Then,” said Aslan,, “You will have done all that a King should do. Your coronation will be held presently. And you and your children and grandchildren shall be blessed, and some will be Kings of Narnia, and others will be Kings of Archenland which lies yonder over the Southern Mountains. And you, little Daughter (here he turned to Polly) are welcome. Have you forgiven the Boy for the violence he did you in the Hall of Images in the desolate palace of accursed Charn?”

[683] “Yes, Aslan, we’ve made it up,” said Polly.

[684] “That is well,” said Aslan. “And now for the Boy himself.”

[685] CHAPTER TWELVE. STRAWBERRY'S ADVENTURE

[686] DIGORY kept his mouth very tight shut. He had been growing more and more uncomfortable. He hoped that, whatever happened, he wouldn't blub or do anything ridiculous.

[687] "Son of Adam," said Aslan. "Are you ready to undo the wrong that you have done to my sweet country of Narnia on the very day of its birth?"

[688] "Well, I don't see what I can do," said Digory. "You see, the Queen ran away and—"

[689] "I asked, are you ready?" said the Lion.

[690] "Yes," said Digory. He had had for a second some wild idea of saying "I'll try to help you if you'll promise to help my Mother," but he realized in time that the Lion was not at all the sort of person one could try to make bargains with. But when he had said "Yes," he thought of his Mother, and he thought of the great hopes he had had, and how they were all dying away, and a lump came in his throat and tears in his eyes, and he blurted out:

[691] "But please, please—won't you—can't you give me something that will cure Mother?" Up till then he had been looking at the Lion's great feet and the huge claws on them; now, in his despair, he looked up at its face. What he saw surprised him as much as anything in his whole life. For the tawny face was bent down near his own and (wonder of wonders) great shining tears stood in the Lion's eyes. They were such big, bright tears compared with Digory's own that for a moment he felt as if the Lion must really be sorrier about his Mother than he was himself.

[692] "My son, my son," said Aslan. "I know. Grief is great. Only you and I in this land know that yet. Let us be good to one another. But I have to think of hundreds of years in the life of Narnia. The Witch whom you have brought into this world will come back to Narnia again. But it need not be yet. It is my wish to plant in Narnia a tree that she will not dare to approach, and that tree will protect Narnia from her for many years. So this land shall have a long, bright morning before any clouds come over the sun. You must get me the seed from which that tree is to grow."

[693] "Yes, sir," said Digory. He didn't know how it was to be done but he felt quite sure now that he would be able to do it. The Lion drew a deep breath, stooped its head even lower and gave him a Lion's kiss. And at once Digory felt that new strength and courage had gone into him.

[694] “Dear son,” said Aslan, “I will tell you what you must do. Turn and look to the West and tell me what do you see?”

[695] “I see terribly big mountains, Aslan,” said Digory, “I see this river coming down cliffs in a waterfall. And beyond the cliff there are high green hills with forests. And beyond those there are higher ranges that look almost black. And then, far away, there are big snowy mountains all heaped up together—like pictures of the Alps. And behind those there’s nothing but the sky.”

[696] “You see well,” said the Lion. “Now the land of Narnia ends where the waterfall comes down, and once you have reached the top of the cliffs you will be out of Narnia and into the Western Wild. You must journey through those mountains till you find a green valley with a blue lake in it, walled round by mountains of ice. At the end of the lake there is a steep, green hill. On the top of that hill there is a garden. In the centre of that garden is a tree. Pluck an apple from that tree and bring it back to me.”

[697] “Yes, sir,” said Digory again. He hadn’t the least idea of how he was to climb the cliff and find his way among all the mountains, but he didn’t like to say that for fear it would sound like making excuses. But he did say, “I hope, Aslan, you’re not in a hurry. I shan’t be able to get there and back very quickly.”

[698] “Little son of Adam, you shall have help,” said Aslan. He then turned to the Horse who had been standing quietly beside them all this time, swishing his tail to keep the flies off, and listening with his head on one side as if the conversation were a little difficult to understand.

[699] “My dear,” said Aslan to the Horse, “would you like to be a winged horse?”

You should have seen how the Horse shook its mane and how its nostrils widened, and the little tap it gave the ground with one back hoof. Clearly it would very much like to be a winged horse. But it only said:

[700] “If you wish, Aslan—if you really mean—I don’t know why it should be me—I’m not a very clever horse.”

[701] “Be winged. Be the father of all flying horses,” roared Aslan in a voice that shook the ground. “Your name is Fledge.”

[702] The horse shied, just as it might have shied in the old, miserable days when it pulled a hansom. Then it roared. It strained its neck back as if there were a fly biting its shoulders and it wanted to scratch them. And then, just as the beasts had burst out of the earth, there burst out from the shoulders of Fledge wings that spread and grew, larger than eagles’, larger than swans’, larger than angels’ wings in church windows. The feathers shone chestnut colour and copper colour. He gave a great sweep with them and leaped into the air.

Twenty feet above Aslan and Digory he snorted, neighed, and curvetted. Then, after circling once round them, he dropped to the earth, all four hoofs together, looking awkward and surprised, but extremely pleased.

[703] “Is it good, Fledge?” said Aslan.

[704] “It is very good, Aslan,” said Fledge.

[705] “Will you carry this little son of Adam on your back to the mountainvalley I spoke of?”

[706] “What? Now? At once?” said Strawberry—or Fledge, as we must now call him—“Hurrah! Come, little one, I’ve had things like you on my back before.

Long, long ago. When there were green fields; and sugar.”

[707] “What are the two daughters of Eve whispering about?” said Aslan, turning very suddenly on Polly and the Cabby’s wife, who had in fact been making friends.

[708] “If you please, sir,” said Queen Helen (for that is what Nellie the cabman’s wife now was), “I think the little girl would love to go too, if it weren’t no trouble.”

[709] “What does Fledge say about that?” asked the Lion.

[710] “Oh, I don’t mind two, not when they’re little ones,” said Fledge. “But I hope the Elephant doesn’t want to come as well.”

[711] The Elephant had no such wish, and the new King of Narnia helped both the children up: that is, he gave Digory a rough heave and set Polly as gently and daintily on the horse’s back as if she were made of china and might break. “There they are, Strawberry—Fledge, I should say. This is a rum go.”

[712] “Do not fly too high,” said Aslan. “Do not try to go over the tops of the great ice-mountains. Look out for the valleys, the green places, and fly through them. There will always be a way through. And now, begone with my blessing.”

[713] “Oh Fledge!” said Digory, leaning forward to pat the Horse’s glossy neck. “This is fun. Hold on to me tight, Polly.”

[714] Next moment the country dropped away beneath them, and whirled round as Fledge, like a huge pigeon, circled once or twice before setting off on his long westward flight. Looking down, Polly could hardly see the King and the Queen, and even Aslan himself was only a bright yellow spot on the green grass. Soon the wind was in their faces and Fledges wings settled down to a steady beat.

[715] All Narnia, many-coloured with lawns and rocks and heather and different sorts of trees, lay spread out below them, the river winding through it like a ribbon of quicksilver. They could already see over the tops of the low hills which lay northward on their right; beyond those hills a great moorland sloped gently up and up to the horizon. On their left the mountains were much higher, but every

now and then there was a gap when you could see, between steep pine woods, a glimpse of the southern lands that lay beyond them, looking blue and far away.

[716] “That’ll be where Archenland is,” said Polly.

[717] “Yes, but look ahead!” said Digory.

[718] For now a great barrier of cliffs rose before them and they were almost dazzled by the sunlight dancing on the great waterfall by which the river roars and sparkles down into Narnia itself from the high western lands in which it rises. They were flying so high already that the thunder of those falls could only just be heard as a small, thin sound, but they were not yet high enough to fly over the top of the cliffs.

[719] “We’ll have to do a bit of zig-zagging here,” said Fledge. “Hold on tight.”

[720] He began flying to and fro, getting higher at each turn. The air grew colder, and they heard the call of eagles far below them.

[721] “I say, look back! Look behind,” said Polly.

[722] There they could see the whole valley of Narnia stretched out to where, just before the eastern horizon, there was a gleam of the sea. And now they were so high that they could see tiny-looking jagged mountains appearing beyond the northwest moors, and plains of what looked like sand far in the south.

[723] “I wish we had someone to tell us what all those places are,” said Digory.

[724] “I don’t suppose they’re anywhere yet,” said Polly. “I mean, there’s no one there, and nothing happening. The world only began today.”

[725] “No, but people will get there,” said Digory. “And then they’ll have histories, you know.”

[726] “Well, it’s a jolly good thing they haven’t now,” said Polly. “Because nobody can be made to learn it. Battles and dates and all that rot.”

[727] Now they were over the top of the cliffs and in a few minutes the valley land of Narnia had sunk out of sight behind them. They were flying over a wild country of steep hills and dark forests, still following the course of the river. The really big mountains loomed ahead. But the sun was now in the travellers’ eyes and they couldn’t see things very clearly in that direction. For the sun sank lower and lower till the western sky was all like one great furnace full of melted gold; and it set at last behind a jagged peak which stood up against the brightness as sharp and flat as if it were cut out of cardboard.

[728] “It’s none too warm up here,” said Polly.

[729] “And my wings are beginning to ache,” said Fledge. There’s

no sign of the valley with a Lake in it, like what Aslan said. What about coming down and looking out for a decent spot to spend the night in? We shan't reach that place tonight."

[730] "Yes, and surely it's about time for supper?" said Digory.

[731] So Fledge came lower and lower. As they came down nearer to the earth and among the hills, the air grew warmer and after travelling so many hours with nothing to listen to but the beat of Fledge's wings, it was nice to hear the homely and earthy noises again —the chatter of the river on its stony bed and the creaking of trees in the light wind. A warm, good smell of sun-baked earth and grass and flowers came up to them. At last Fledge alighted. Digory rolled off and helped Polly to dismount. Both were glad to stretch their stiff legs.

[732] The valley in which they had come down was in the heart of the mountains; snowy heights, one of them looking rosered in the reflections of the sunset, towered above them.

[733] "I am hungry," said Digory.

[734] "Well, tuck in," said Fledge, taking a big mouthful of grass. Then he raised his head, still chewing and with bits of grass sticking out on each side of his mouth like whiskers, and said, "Come on, you two. Don't be shy. There's plenty for us all."

[735] "But we can't eat grass," said Digory.

[736] "H'm, h'm," said Fledge, speaking with his mouth full. "Well —h'm—don't know quite what you'll do then. Very good grass too."

[737] Polly and Digory stared at one another in dismay.

[738] "Well, I do think someone might have arranged about our meals," said Digory.

[739] "I'm sure Aslan would have, if you'd asked him," said Fledge.

[740] "Wouldn't he know without being asked?" said Polly.

[741] "I've no doubt he would," said the Horse (still with his mouth full). "But I've a sort of idea he likes to be asked."

[742] "But what on earth are we to do?" asked Digory.

[743] "I'm sure I don't know," said Fledge. "Unless you try the grass. You might like it better than you think."

[744] "Oh, don't be silly," said Polly, stamping her foot. "Of course humans can't eat grass, any more than you could eat a mutton chop."

[745] "For goodness' sake don't talk about chops and things," said Digory. "It only makes it worse."

[746] Digory said that Polly had better take herself home by ring and get something to eat there; he couldn't himself because he had promised to go straight on his message for Aslan, and, if once he showed up again at home, anything might happen to prevent his getting back. But Polly said she wouldn't leave him, and Digory said it was jolly decent of her.

[747] “I say,” said Polly, “I’ve still got the remains of that bag of toffee in my jacket. It’ll be better than nothing.”

[748] “A lot better,” said Digory, “But be careful to get your hand into your pocket without touching your ring.”

[749] This was a difficult and delicate job but they managed it in the end. The little paper bag was very squashy and sticky when they finally got it out, so that it was more a question of tearing the bag off the toffees than of getting the toffees out of the bag. Some grown-ups (you know how fussy they can be about that sort of thing) would rather have gone without supper altogether than eaten those toffees. There were nine of them all told. It was Digory who had the bright idea of eating four each and planting the ninth; for, as he said, “if the bar off the lamp-post turned into a little light-tree, why shouldn’t this turn into a toffee-tree?” So they dibbled a small hole in the turf and buried the piece of toffee. Then they ate the other pieces, making them last as long as they could. It was a poor meal, even with all the paper they couldn’t help eating as well.

[750] When Fledge had quite finished his own excellent supper he lay down. The children came and sat one on each side of him leaning against his warm body, and when he had spread a wing over each they were really quite snug. As the bright young stars of that new world came out they talked over everything: how Digory had hoped to get something for his Mother and how, instead of that, he had been sent on this message. And they repeated to one another all the signs by which they would know the places they were looking for—the blue lake and the hill with a garden on top of it. The talk was just beginning to slow down as they got sleepy, when suddenly Polly sat up wide awake and said “Hush!”

[751] Everyone listened as hard as they could.

[752] “Perhaps it was only the wind in the trees,” said Digory presently.

[753] “I’m not so sure,” said Fledge. “Anyway—wait! There it goes again. By Aslan, it is something.”

[754] The horse scrambled to its feet with a great noise and a great upheaval; the children were already on theirs. Fledge trotted to and fro, sniffing and whinnying. The children tip-toed this way and that, looking behind every bush and tree. They kept on thinking they saw things, and there was one time when Polly was perfectly certain she had seen-a tall, dark figure gliding quickly away in a westerly direction. But they caught nothing and in the end Fledge lay down again and the children re-snuggled (if that is the right word) under his wings. They went to sleep at once. Fledge stayed awake much longer moving his ears to and fro in the darkness and sometimes giving a little shiver with his skin as if a fly had lighted on him: but in the end

he too slept.

[755] CHAPTER THIRTEEN. AN UNEXPECTED MEETING

[756] “WAKE up, Digory, wake up, Fledge,” came the voice of Polly. “It has turned into a toffee tree. And it’s the loveliest morning.”

[757] The low early sunshine was streaming through the wood and the grass was grey with dew and the cobwebs were like silver. Just beside them was a little, very darkwooded tree, about the size of an apple tree. The leaves were whitish and rather papery, like the herb called honesty, and it was loaded with little brown fruits that looked rather like dates.

[758] “Hurrah!” said Digory. “But I’m going to have a dip first.” He rushed through a flowering thicket or two down to the river’s edge. Have you ever bathed in a mountain river that is running in shallow cataracts over red and blue and yellow stones with the sun on it? It is as good as the sea: in some ways almost better. Of course, he had to dress again without drying but it was well worth it. When he came back, Polly went down and had her bathe; at least she said that was what she’d been doing, but we know she was not much of a swimmer and perhaps it is best not to ask too many questions. Fledge visited the river too but he only stood in midstream, stooping down for a long drink of water and then shaking his mane and neighing several times.

[759] Polly and Digory got to work on the toffee-tree. The fruit was delicious; not exactly like toffee—softer for one thing, and juicy—but like fruit which reminded one of toffee. Fledge also made an excellent breakfast; he tried one of the toffee fruits and liked it but said he felt more like grass at that hour in the morning. Then with some difficulty the children got on his back and the second journey began.

[760] It was even better than yesterday, partly because every one was feeling so fresh, and partly because the newly risen sun was at their backs and, of course, everything looks nicer when the light is behind you. It was a wonderful ride. The big snowy mountains rose above them in every direction. The valleys, far beneath them, were so green, and all the streams which tumbled down from the glaciers into the main river were so blue, that it was like flying over gigantic pieces of jewellery. They would have liked this part of the adventure to go on longer than it did. But quite soon they were all sniffing the air and saying “What is it?” and “Did you smell something?” and “Where’s it coming from?” For a heavenly smell, warm and golden, as if from all the most delicious fruits and flowers of the world, was coming up to

them from somewhere ahead.

[761] “It’s coming from that valley with the lake in it,” said Fledge.

[762] “So it is,” said Digory. “And look! There’s a green hill at the far end of the lake. And look how blue the water is.”

[763] “It must be the Place,” said all three.

[764] Fledge came lower and lower in wide circles. The icy peaks rose up higher and higher above. The air came up warmer and sweeter every moment, so sweet that it almost brought the tears to your eyes. Fledge was now gliding with his wings spread out motionless on each side, and his hoofs pawing for the ground. The steep green hill was rushing towards them. A moment later he alighted on its slope, a little awkwardly. The children rolled off, fell without hurting themselves on the warm, fine grass, and stood up panting a little.

[765] They were three-quarters of the way up the hill, and set out at once to climb to the top. (I don’t think Fledge could have managed this without his wings to balance him and to give him the help of aflutter now and then.) All round the very top of the hill ran a high wall of green turf. Inside the wall trees were growing. Their branches hung out over the wall; their leaves showed not only green but also blue and silver when the wind stirred them. When the travellers reached the top they walked nearly all the way round it outside the green wall before they found the gates: high gates of gold, fast shut, facing due east.

[766] Up till now I think Fledge and Polly had had the idea that they would go in with Digory. But they thought so no longer. You never saw a place which was so obviously private. You could see at a glance that it belonged to someone else. Only a fool would dream of going in unless he had been sent there on very special business. Digory himself understood at once that the others wouldn’t and couldn’t come in with him. He went forward to the gates alone.

[767] When he had come close up to them he saw words written on the gold with silver letters; something like this:

[768] Come in by the gold gates or not at all, Take of my fruit for others or forbear, For those who steal or those who climb my wall Shall find their heart’s desire and find despair.

[769] “Take of my fruit for others,” said Digory to himself. “Well, that’s what I’m going to do. It means I mustn’t eat any myself, I suppose. I don’t know what all that jaw in the last line is about. Come in by the gold gates. Well who’d want to climb a wall if he could get in by a gates.` But how do the gates open?” He laid his hand on them: and instantly they swung apart, opening inwards, turning on their hinges without the least noise.

[770] Now that he could see into the place it looked more private than ever. He went in very solemnly, looking about him. Everything was very quiet inside. Even the fountain which rose near the middle of the garden made only the faintest sound. The lovely smell was all round him: it was a happy place but very serious.

[771] He knew which was the right tree at once, partly because it stood in the very centre and partly because the great silver apples with which it was loaded shone so and cast a light of their own down on the shadowy places where the sunlight did not reach. He walked straight across to it, picked an apple, and put it in the breast pocket of his Norfolk jacket. But he couldn't help looking at it and smelling it before he put it away.

[772] It would have been better if he had not. A terrible thirst and hunger came over him and a longing to taste that fruit. He put it hastily into his pocket; but there were plenty of others. Could it be wrong to taste one? After all, he thought, the notice on the gate might not have been exactly an order; it might have been only a piece of advice—and who cares about advice? Or even if it were an order, would he be disobeying it by eating an apple? He had already obeyed the part about taking one "for others".

[773] While he was thinking of all this he happened to look up through the branches towards the top of the tree. There, on a branch above his head, a wonderful bird was roosting. I say "roosting" because it seemed almost asleep; perhaps not quite. The tiniest slit of one eye was open. It was larger than an eagle, its breast saffron, its head crested with scarlet, and its tail purple.

[774] "And it just shows," said Digory afterwards when he was telling the story to the others, "that you can't be too careful in these magical places. You never know what may be watching you." But I think Digory would not have taken an apple for himself in any case. Things like Do Not Steal were, I think, hammered into boys' heads a good deal harder in those days than they are now. Still, we can never be certain.

[775] Digory was just turning to go back to the gates when he stopped to have one last look around. He got a terrible shock. He was not alone. There, only a few yards away from him, stood the Witch. She was just throwing away the core of an apple which she had eaten. The juice was darker than you would expect and had made a horrid stain round her mouth. Digory guessed at once that she must have climbed in over the wall. And he began to see that there might be some sense in that last line about getting your heart's desire and getting despair along with it. For the Witch looked stronger and prouder than ever, and even, in a way, triumphant; but her face was deadly white, white as salt.

[776] All this flashed through Digory's mind in a second; then he took to his heels and ran for the gates as hard as he could pelt; the Witch after him. As soon as he was out, the gates closed behind him of their own accord. That gave him the lead but not for long. By the time he had reached the others and was shouting out "Quick, get on, Polly! Get up, Fledge", the Witch had climbed the wall, or vaulted over it, and was close behind him again.

[777] "Stay where you are," cried Digory, turning round to face her, "or we'll all vanish. Don't come an inch nearer."

[778] "Foolish boy," said the Witch. "Why do you run from me? I mean you no harm. If you do not stop and listen to me now, you will miss some knowledge that would have made you happy all your life."

[779] "Well I don't want to hear it, thanks," said Digory. But he did.

[780] "I know what errand you have come on," continued the Witch. "For it was I who was close beside you in the woods last night and heard all your counsels. You have plucked fruit in the garden yonder. You have it in your pocket now. And you are going to carry it back, untasted, to the Lion; for him to eat, for him to use. You simpleton! Do you know what that fruit is? I will tell you. It is the apple of youth, the apple of life. I know, for I have tasted it; and I feel already such changes in myself that I know I shall never grow old or die. Eat it, Boy, eat it; and you and I will both live forever and be king and queen of this whole world—or of your world, if we decide to go back there."

[781] "No thanks," said Digory, "I don't know that I care much about living on and on after everyone I know is dead. I'd rather live an ordinary time and die and go to Heaven."

[782] "But what about this Mother of yours whom you pretend to love so?"

[783] "What's she got to do with it?" said Digory.

[784] "Do you not see, Fool, that one bite of that apple would heal her? You have it in your pocket. We are here by ourselves and the Lion is far away. Use your Magic and go back to your own world. A minute later you can be at your Mother's bedside, giving her the fruit. Five minutes later you will see the colour coming back to her face. She will tell you the pain is gone. Soon she will tell you she feels stronger. Then she will fall asleep—think of that; hours of sweet natural sleep, without pain, without drugs. Next day everyone will be saying how wonderfully she has recovered. Soon she will be quite well again. All will be well again. Your home will be happy again. You will be like other boys."

[785] "Oh!" gasped Digory as if he had been hurt, and put his hand to his head. For he now knew that the most terrible choice lay

before him.

[786] “What has the Lion ever done for you that you should be his slave?” said the Witch. “What can he do to you once you are back in your own world? And what would your Mother think if she knew that you could have taken her pain away and given her back her life and saved your Father’s heart from being broken, and that you wouldn’t—that you’d rather run messages for a wild animal in a strange world that is no business of yours?”

[787] “I—I don’t think he is a wild animal,” said Digory in a dried-up sort of voice. “He is—I don’t know—”

[788] “Then he is something worse,” said the Witch. “Look what he has done to you already; look how heartless he has made you. That is what he does to everyone who listens to him. Cruel, pitiless boy! you would let your own Mother die rather than—”

[789] “Oh shut up,” said the miserable Digory, still in the same voice. “Do you think I don’t see? But I—I promised.”

[790] “Ah, but you didn’t know what you were promising. And no one here can prevent you.”

[791] “Mother herself,” said Digory, getting the words out with difficulty, “wouldn’t like it—awfully strict about keeping promises—and not stealing—and all that sort of thing. She’d tell me not to do it—quick as anything—if she was here.”

[792] “But she need never know,” said the Witch, speaking more sweetly than you would have thought anyone with so fierce a face could speak. “You wouldn’t tell her how you’d got the apple. Your Father need never know. No one in your world need know anything about this whole story. You needn’t take the little girl back with you, you know.”

[793] That was where the Witch made her fatal mistake. Of course Digory knew that Polly could get away by her own ring as easily as he could get away by his. But apparently the Witch didn’t know this. And the meanness of the suggestion that he should leave Polly behind suddenly made all the other things the Witch had been saying to him sound false and hollow. And even in the midst of all his misery, his head suddenly cleared, and he said (in a different and much louder’ voice):

[794] “Look here; where do you come into all this? Why are you so precious fond of my Mother all of a sudden? What’s it got to do with you? What’s your game?”

[795] “Good for you, Digs,” whispered Polly in his ear. “Quick! Get away now.” She hadn’t dared to say anything all through the argument because, you see, it wasn’t her Mother who was dying.

[796] “Up then,” said Digory, heaving her on to Fledge’s back and then scrambling up as quickly as he could. The horse spread its wings.

[797] “Go then, Fools,” called the Witch. “Think of me, Boy, when you lie old and weak and dying, and remember how you threw away the chance of endless youth! It won’t be offered you again.”

They were already so high that they could only just hear her. Nor did the Witch waste any time gazing up at them; they saw her set off northward down the slope of the hill.

[798] They had started early that morning and what happened in the garden had not taken very long, so that Fledge and Polly both said they would easily get back to Narnia before nightfall. Digory never spoke on the way back, and the others were shy of speaking to him. He was very sad and he wasn’t even sure all the time that he had done the right thing; but whenever he remembered the shining tears in Aslan’s eyes he became sure.

[799] All day Fledge flew steadily with untiring wings; eastward with the river to guide him, through the mountains and over the wild wooded hills, and then over the great waterfall and down, and down, to where the woods of Narnia were darkened by the shadow of the mighty cliff, till at last, when the sky was growing red with sunset behind them, he saw a place where many creatures were gathered together by the riverside. And soon he could see Aslan himself in the midst of them. Fledge glided down, spread out his four legs, closed his wings, and landed cantering. Then he pulled up. The children dismounted. Digory saw all the animals, dwarfs, satyrs, nymphs, and other things drawing back to the left and right to make way for him. He walked up to Aslan, handed him the apple and said:

[800] “I’ve brought you the apple you wanted, sir.”

[801] CHAPTER FOURTEEN. THE PLANTING OF THE TREE

[802] “WELL done,” said Aslan in a voice that made the earth shake. Then Digory knew that all the Narnians had heard those words and that the story of them would be handed down from father to son in that new world for hundreds of years and perhaps forever. But he was in no danger of feeling conceited for he didn’t think about it at all now that he was face to face with Aslan. This time he found he could look straight into the Lion’s eyes. He had forgotten his troubles and felt absolutely content.

[803] “Well done, son of Adam,” said the Lion again. “For this fruit you have hungered and thirsted and wept. No hand but yours shall sow the seed of the Tree that is to be the protection of Narnia. Throw the apple towards the river bank where the ground is soft.”

[804] Digory did as he was told. Everyone had grown so quiet that you could hear the soft thump where it fell into the mud.

[805] “It is well thrown,” said Aslan. “Let us now proceed to the Coronation of King Frank of Narnia and Helen his Queen.”

[806] The children now noticed these two for the first time. They were dressed in strange and beautiful clothes, and from their shoulders rich robes flowed out behind them to where four dwarfs held up the King’s train and four rivernymphs the Queen’s. Their heads were bare; but Helen had let her hair down and it made a great improvement in her appearance. But it was neither hair nor clothes that made them look so different from their old selves. Their faces had a new expression, especially the King’s. All the sharpness and cunning and quarrelsomeness which he had picked up as a London cabby seemed to have been washed away, and the courage and kindness which he had always had were easier to see. Perhaps it was the air of the young world that had done it, or talking with Aslan, or both.

[807] “Upon my word,” whispered Fledge to Polly. “My old master’s been changed nearly as much as I have! Why, he’s a real master now.”

[808] “Yes, but don’t buzz in my ear like that,” said Polly. “It tickles so.”

[809] “Now,” said Aslan, “some of you undo that tangle you have made with those trees and let us see what we shall find there.”

[810] Digory now saw that where four trees grew close together their branches had all been laced together or tied together with switches so as to make a sort of cage. The two Elephants with their trunks and a few dwarfs with their little axes soon got it all undone.

There were three things inside. One was a young tree that seemed to be made of gold; the second was a young tree that seemed to be made of silver; but the third was a miserable object in muddy clothes, sitting hunched up between them.

[811] “Gosh!” whispered Digory. “Uncle Andrew!”

[812] To explain all this we must go back a bit. The Beasts, you remember, had tried planting and watering him. When the watering brought him to his senses, he found himself soaking wet, buried up to his thighs in earth (which was quickly turning into mud) and surrounded by more wild animals than he had ever dreamed of in his life before. It is perhaps not surprising that he began to scream and howl. This was in a way a good thing, for it at last persuaded everyone (even the Warthog) that he was alive. So they dug him up again (his trousers were in a really shocking state by now). As soon as his legs were free he tried to bolt, but one swift curl of the Elephant’s trunk round his waist soon put an end to that. Everyone now thought he must be safely kept somewhere till Aslan had time to come and see him and say what should be done about him. So they made a sort of cage or coop all round him. They then offered him everything they could; think of to eat.

[813] The Donkey collected great piles of thistles and threw them in, but Uncle Andrew didn’t seem to care about them. The Squirrels bombarded him with volleys of nuts but he only covered his head with his hands and tried to keep out of the way. Several birds flew to and fro deligently dropping worms on him. The Bear was especially kind. During the afternoon he found a wild bees’ nest and instead of eating it himself (which he would very much like to have done) this worthy creature brought it back to Uncle Andrew. But this was in fact the worst failure of all. The Bear lobbed the whole sticky mass over the top of the enclosure and unfortunately it hit Uncle Andrew slap in the face (not all the bees were dead). The Bear, who would not at all have minded being hit in the face by a honeycomb himself, could not understand why Uncle Andrew staggered back, slipped, and sat down. And it was sheer bad luck that he sat down on the pile of thistles. “And anyway,” as the Warthog said, “quite a lot of honey has got into the creature’s mouth and that’s bound to have done it some good.” They were really getting quite fond of their strange pet and hoped that Aslan would allow them to keep it. The cleverer ones were quite sure by now that at least some of the noises which came out of his mouth had a meaning. They christened him Brandy because he made that noise so often.

[814] In the end, however, they had to leave him there for the night. Aslan was busy all that day instructing the new King and Queen and doing other important things, and could not attend to “poor old

Brandy". What with the nuts, pears, apples, and bananas that had been thrown in to him, he did fairly well for supper; but it wouldn't be true to say that he passed an agreeable night.

[815] "Bring out that creature," said Aslan. One of the Elephants lifted Uncle Andrew in its trunk and laid him at the Lion's feet. He was too frightened to move.

[816] "Please, Aslan," said Polly, "could you say something to—to unfrighten him? And then could you say something to prevent him from ever coming back here again?"

[817] "Do you think he wants to?" said Aslan.

[818] "Well, Aslan," said Polly, "he might send someone else. He's so excited about the bar off the lamp-post growing into a lamp-post tree and he thinks—"

[819] "He thinks great folly, child," said Aslan. "This world is bursting with life for these few days because the song with which I called it into life still hangs in the air and rumbles in the ground. It will not be so for long. But I cannot tell that to this old sinner, and I cannot comfort him either; he has made himself unable to hear my voice. If I spoke to him, he would hear only growlings and roarings. Oh Adam's sons, how cleverly you defend yourselves against all that might do you good! But I will give him the only gift he is still able to receive."

[820] He bowed his great head rather sadly, and breathed into the Magician's terrified face. "Sleep," he said. "Sleep and be separated for some few hours from all the torments you have devised for yourself." Uncle Andrew immediately rolled over with closed eyes and began breathing peacefully.

[821] "Carry him aside and lay him down," said Aslan. "Now, dwarfs! Show your smith-craft. Let me see you make two crowns for your King and Queen."

[822] More Dwarfs than you could dream of rushed forward to the Golden Tree. They had all its leaves stripped off, and some of its branches torn off too, before you could say Jack Robinson. And now the children could see that it did not merely look golden but was of real, soft gold. It had of course sprung up from the half-sovereigns which had fallen out of Uncle Andrew's pocket when he was turned upside down; just as the silver had grown up from the half-crowns. From nowhere, as it seemed, piles of dry brushwood for fuel, a little anvil, hammers, tongs, and bellows were produced. Next moment (how those dwarfs loved their work!) the fire was blazing, the bellows were roaring, the gold was melting, the hammers were clinking. Two Moles, whom Aslan had set to dig (which was what they liked best) earlier in the day, poured out a pile of precious stones at the dwarfs' feet. Under the clever fingers of the little smiths two crowns took

shape—not ugly, heavy things like modern European crowns, but light, delicate, beautifully shaped circles that you could really wear and look nicer by wearing. The King's was set with rubies and the Queen's with emeralds.

[823] When the crowns had been cooled in the river Aslan made Frank and Helen kneel before him and he placed the crowns on their heads. Then he said, "Rise up King and Queen of Narnia, father and mother of many kings that shall be in Narnia and the Isles and Archenland. Be just and merciful and brave. The blessing is upon you."

[824] Then everyone cheered or bayed or neighed or trumpeted or clapped its wings and the royal pair stood looking solemn and a little shy, but all the nobler for their shyness. And while Digory was still cheering he heard the deep voice of Aslan beside him, saying:

"Look!"

[825] Everyone in that crowd turned its head, and then everyone drew a long breath of wonder and delight. A little way off, towering over their heads, they saw a tree which had certainly not been there before. It must have grown up silently, yet swiftly as a flag rises when you pull it up on a flagstaff, while they were all busied about the coronation. Its spreading branches seemed to cast a light rather than a shade, and silver apples peeped out like stars from under every leaf. But it was the smell which came from it, even more than the sight, that had made everyone draw in their breath. For a moment one could hardly think about anything else.

[826] "Son of Adam," said Aslan, "you have sown well. And you, Narnians, let it be your first care to guard this Tree, for it is your Shield. The Witch of whom I told you has fled far away into the North of the world; she will live on there, growing stronger in dark Magic. But while that Tree flourishes she will never come down into Narnia. She dare not come within a hundred miles of the Tree, for its smell, which is joy and life and health to you, is death and horror and despair to her."

[827] Everyone was staring solemnly at the Tree when Aslan suddenly swung round his head (scattering golden gleams of light from his mane as he did so) and fixed his large eyes on the children. "What is it, children?" he said, for he caught them in the very act of whispering and nudging one another.

[828] "Oh—Aslan, sir," said Digory, turning red, "I forgot to tell you. The Witch has already eaten one of those apples, one of the same kind that Tree grew from." He hadn't really said all he was thinking, but Polly at once said it for him (Digory was always much more afraid than she of looking a fool.)

[829] "So we thought, Aslan," she said, "that there must be some

mistake, and she can't really mind the smell of those apples."

[830] "Why do you think that, Daughter of Eve?" asked the Lion.

[831] "Well, she ate one."

[832] "Child," he replied, "that is why all the rest are now a horror to her. That is what happens to those who pluck and eat fruits at the wrong time and in the wrong way. The fruit is good, but they loathe it ever after."

[833] "Oh I see," said Polly. "And I suppose because she took it in the wrong way it won't work for her. I mean it won't make her always young and all that?"

[834] "Alas," said Aslan, shaking his head. "It will. Things always work according to their nature. She has won her heart's desire; she has unwearying strength and endless days like a goddess. But length of days with an evil heart is only length of misery and already she begins to know it. All get what they want; they do not always like it."

[835] "I—I nearly ate one myself, Aslan," said Digory. "Would I—"

[836] "You would, child," said Aslan. "For the fruit always works —it must work—but it does not work happily for any who pluck it at their own will. If any Narnian, unbidden, had stolen an apple and planted it here to protect Narnia, it would have protected Narnia. But it would have done so by making Narnia into another strong and cruel empire like Charn, not the kindly land I mean it to be. And the Witch tempted you to do another thing, my son, did she not?"

[837] "Yes, Aslan. She wanted me to take an apple home to Mother."

[838] "Understand, then, that it would have healed her; but not to your joy or hers. The day would have come when both you and she would have looked back and said it would have been better to die in that illness."

[839] And Digory could say nothing, for tears choked him and he gave up all hopes of saving his Mother's life; but at the same time he knew that the Lion knew what would have happened, and that there might be things more terrible even than losing someone you love by death. But now Aslan was speaking again, almost in a whisper:

[840] "That is what would have happened, child, with a stolen apple. It is not what will happen now. What I give you now will bring joy. It will not, in your world, give endless life, but it will heal. Go. Pluck her an apple from the Tree."

[841] For a second Digory could hardly understand. It was as if the whole world had turned inside out and upside down. And then, like someone in a dream, he was walking across to the Tree, and the King and Queen were cheering him and all the creatures were cheering too. He plucked the apple and put it in his pocket. Then he came back to Aslan.

[842] “Please,” he said, “may we go home now?” He had forgotten to say “Thank you”, but he meant it, and Aslan understood.

[843] CHAPTER FIFTEEN.
THE END OF THIS STORY AND THE BEGINNING OF ALL THE OTHERS

[844] “You need no rings when I am with you,” said the voice of Aslan. The children blinked and looked about them. They were once more in the Wood between the Worlds; Uncle Andrew lay on the grass, still asleep; Aslan stood beside them.

[845] “Come,” said Aslan; “it is time that you went back. But there are two things to see to first; a warning, and a command. Look here, children.”

They looked and saw a little hollow in the grass, with a grassy bottom, warm and dry.

[846] “When you were last here,” said Aslan, “that hollow was a pool, and when you jumped into it you came to the world where a dying sun shone over the ruins of Charn. There is no pool now. That world is ended, as if it had never been. Let the race of Adam and Eve take warning.”

[847] “Yes, Aslan,” said both the children. But Polly added, “But we’re not quite as bad as that world, are we, Aslan?”

[848] “Not yet, Daughter of Eve,” he said. “Not yet. But you are growing more like it. It is not certain that some wicked one of your race will not find out a secret as evil as the Deplorable Word and use it to destroy all living things. And soon, very soon, before you are an old man and an old woman, great nations in your world will be ruled by tyrants who care no more for joy and justice and mercy than the Empress Jadis. Let your world beware. That is the warning. Now for the command. As soon as you can, take from this Uncle of yours his magic rings and bury them so that no one can use them again.”

[849] Both the children were looking up into the Lion’s face as he spoke these words. And all at once (they never knew exactly how it happened) the face seemed to be a sea of tossing gold in which they were floating, and such a sweetness and power rolled about them and over them and entered them that they felt they had never really been happy or wise or good, or even alive and awake, before. And the memory of that moment stayed with them always, so that as long as they both lived, if ever they were sad or afraid or angry, the thought of all that golden goodness, and the feeling that it was still there, quite close, just round some corner or just behind some door, would come back and make them sure, deep down inside, that all was well. Next minute all three of them (Uncle Andrew now awake) came tumbling

into the noise, heat, and hot smells of London.

[850] They were on the pavement outside the Ketterleys' front door, and except that the Witch, the Horse, and the Cabby were gone, everything was exactly as they had left it. There was the lamp-post, with one arm missing; there was the wreck of the hansom cab; and there was the crowd. Everyone was still talking and people were kneeling beside the damaged policeman, saying things like, "He's coming round" or "How do you feel now, old chap?" or "The Ambulance will be here in a jiffy."

[851] "Great Scott!" thought Digory, "I believe the whole adventure's taken no time at all."

[852] Most people were wildly looking round for Jadis and the horse. No one took any notice of the children for no one had seen them go or noticed them coming back. As for Uncle Andrew, what between the state of his clothes and the honey on his face, he could not have been recognized by anyone. Fortunately the front door of the house was-open and the housemaid was standing in the doorway staring at the fun (what a day that girl was having!) so the children had no difficulty in bustling Uncle Andrew indoors before anyone asked any questions.

[853] He raced up the stirs before them and at first they were very afraid he was heading for his attic and meant to hide his remaining magic rings. But they needn't have bothered. What he was thinking about was the bottle in his wardrobe, and he disappeared at once into his bedroom and locked the door. When he came out again (which was not for a long time) he was in his dressinggown and made straight for the bathroom.

[854] "Can you get the other rings, Poll?" said Digory. "I want to go to Mother."

[855] "Right. See you later," said Polly and clattered up the attic stairs.

[856] Then Digory took a minute to get his breath, and then went softly into his Mother's room. And there she lay, as he had seen her lie so many other times, propped up on the pillows, with a thin, pale face that would make you cry to look at. Digory took the Apple of Life out of his pocket.

[857] And just as the Witch Jadis had looked different when you saw her in our world instead of in her own, so the fruit of that mountain garden looked different too. There were of course all sorts of coloured things in the bedroom; the coloured counterpane on the bed, the wallpaper, the sunlight from the window, and Mother's pretty, pale blue dressing jacket. But the moment Digory took the Apple out of his pocket, all those things seemed to have scarcely any colour at all. Every one of them, even the sunlight, looked faded and

dingy. The brightness of the Apple threw strange lights on the ceiling. Nothing else was worth looking at: you couldn't look at anything else. And the smell of the Apple of Youth was as if there was a window in the room that opened on Heaven.

[858] "Oh, darling, how lovely," said Digory's Mother.

[859] "You will eat it, won't you? Please," said Digory.

[860] "I don't know what the Doctor would say," she answered. "But really—I almost feel as if I could."

[861] He peeled it and cut it up and gave it to her piece by piece. And no sooner had she finished it than she smiled and her head sank back on the pillow and she was asleep: a real, natural, gentle sleep, without any of those nasty drugs, which was, as Digory knew, the thing in the whole world that she wanted most. And he was sure now that her face looked a little different. He bent down and kissed her very softly and stole out of the room with a beating heart; taking the core of the apple with him. For the rest of that day, whenever he looked at the things about him, and saw how ordinary and unmagical they were, he hardly dared to hope; but when he remembered the face of Aslan he did hope.

[862] That evening he buried the core of the Apple in the back garden.

[863] Next morning when the Doctor made his usual visit, Digory leaned over the banisters to listen. He heard the Doctor come out with Aunt Letty and say:

[864] "Miss Ketterley, this is the most extraordinary case I have known in my whole medical career. It is—it is like a miracle. I wouldn't tell the little boy anything at present; we don't want to raise any false hopes. But in my opinion—" then his voice became too low to hear.

[865] That afternoon he went down the garden and whistled their agreed secret signal for Polly (she hadn't been able to get back the day before).

[866] "What luck?" said Polly, looking over the wall. "I mean, about your Mother?"

[867] "I think—I think it is going to be alright," said Digory. "But if you don't mind I'd really rather not talk about it yet. What about the rings?"

[868] "I've got them all," said Polly. "Look, it's alright, I'm wearing gloves. Let's bury them."

[869] "Yes, let's. I've marked the place where I buried the core of the Apple yesterday."

[870] Then Polly came over the wall and they went together to the place. But, as it turned out, Digory need not have marked the place. Something was already coming up. It was not growing so that you

could see it grow as the new trees had done in Narnia; but it was already well above ground. They got a trowel and buried all the magic rings, including their own ones, in a circle round it.

About a week after this it was quite certain that Digory's Mother was getting better. About a fortnight later she was able to sit out in the garden. And a month later that whole house had become a different place. Aunt Letty did everything that Mother liked; windows were opened, frowsy curtains were drawn back to brighten up the rooms, there were new flowers everywhere, and nicer things to eat, and the old piano was tuned and Mother took up her singing again, and had such games with Digory and Polly that Aunt Letty would say "I declare, Mabel, you're the biggest baby of the three."

[871] When things go wrong, you'll find they usually go on getting worse for some time; but when things once start going right they often go on getting better and better. After about six weeks of this lovely life there came a long letter from Father in India, which had wonderful news in it. Old Great-Uncle Kirke had died and this meant, apparently, that Father was now very rich. He was going to retire and come home from India forever and ever. And the great big house in the country, which Digory had heard of all his life and never seen would now be their home; the big house with the suits of armour, the stables, the kennels, the river, the park, the hot-houses, the vineries, the woods, and the mountains behind it. So that Digory felt just as sure as you that they were all going to live happily ever after. But perhaps you would like to know just one or two things more.

[872] Polly and Digory were always great friends and she came nearly every holidays to stay with them at their beautiful house in the country; and that was where she learned to ride and swim and milk and bake and climb.

[873] In Narnia the Beasts lived in great peace and joy and neither the Witch nor any other enemy came to trouble that pleasant land for many hundred years. King Frank and Queen Helen and their children lived happily in Narnia and their second son became King of Archenland. The boys married nymphs and the girls married woodgods and river-gods. The lamp-post which the Witch had planted (without knowing it) shone day and night in the Narnian forest, so that the place where it grew came to be called Lantern Waste; and when, many years later, another child from our world got into Narnia, on a snowy night, she found the light still burning. And that adventure was, in a way, connected with the ones I have just been telling you.

It was like this. The tree which sprang from the Apple that Digory planted in the back garden, lived and grew into a fine tree. Growing in the soil of our world, far out of the sound of Aslan's voice and far from the young air of Narnia, it did not bear apples that would revive a

dying woman as Digory's Mother had been revived, though it did bear apples more beautiful than any others in England, and they were extremely good for you, though not fully magical. But inside itself, in the very sap of it, the tree (so to speak) never forgot that other tree in Narnia to which it belonged. Sometimes it would move mysteriously when there was no wind blowing: I think that when this happened there were high winds in Narnia and the English tree quivered because, at that moment, the Narnia tree was rocking and swaying in a strong south-western gale. However, that might be, it was proved later that there was still magic in its wood. For when Digory was quite middle-aged (and he was a famous learned man, a Professor, and a great traveller by that time) and the Ketterleys' old house belonged to him, there was a great storm all over the south of England which blew the tree down. He couldn't bear to have it simply chopped up for firewood, so he had part of the timber made into a wardrobe, which he put in his big house in the country. And though he himself did not discover the magic properties of that wardrobe, someone else did. That was the beginning of all the comings and goings between Narnia and our world, which you can read of in other books.

[874] When Digory and his people went to live in the big country house, they took Uncle Andrew to live with them; for Digory's Father said, "We must try to keep the old fellow out of mischief, and it isn't fair that poor Letty should have him always on her hands." Uncle Andrew never tried any Magic again as long as he lived. He had learned his lesson, and in his old age he became a nicer and less selfish old man than he had ever been before. But he always liked to get visitors alone in the billiard-room and tell them stories about a mysterious lady, a foreign royalty, with whom he had driven about London. "A devilish temper she had," he would say. "But she was a dem fine woman, sir, a dem fine woman."

English source.

genre:
Date: Сказка
Authors:
Clive Staples Lewis
Book title: The Magician’s Nephew
Annotation
Digory and Polly discover a secret passage that links their houses, and are tricked into vanishing out of this world and into the World of Charn, where they wake up the evil Queen Jadis. There, they witness the creation of the Land of Narnia, as it is sung into being by the Great Lion, Aslan.
English years: 1900
Narnian years: 1
Date: 2007-11-19
sequence name = "The Chronicles of Narnia" number = "1"

Русский источник.

genre:
Date: Фэнтези
Authors:
Клайв Стейплз Льюис
Book title: Племянник чародея
Annotation

«Хроники Нарнии» – это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров. Дядя Дигроя, Эндрю, обманом вовлекает Дигроя и Полли в рискованный эксперимент. В процессе его они касаются волшебных колец Эндрю и оказываются в Лесу Между Мирами, проходы из которого ведут во множество миров. Пытаясь спасти Лондон от злой Королевы Джейдис, они попадают в Нарнию.

Date: 12.02.2005
sequence name = "Хроники Нарнии" number = "1"

notes

Примечания

1

Глава первая. О ТОМ, КАК ДЕТИ ОШИБЛИСЬ ДВЕРЬЮ

2

Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был еще маленьким. Ее очень важно прочесть, чтобы понять, как возникла связь между нашим миром и Нарнией.

3

В те дни на Бейкер-стрит еще жил Шерлок Холмс, а патер Браун еще не расследовал преступлений. В те дни мальчикам приходилось каждый день носить накрахмаленный белый воротничок, а школы по большей части были еще противней, чем сейчас. Но зато еда была лучше, а уж про сласти и говорить нечего, такие они были дешевые и вкусные. И в те самые дни жила в Лондоне девочка по имени Полли Пламмер.

4

Жила она в одном из тех домов, что стоят друг к другу вплотную. Как-то утром вышла она в крошечный сад эа своим домом, и ее позвал, вскарабкавшись на изгородь, мальчик иэ соседнего садика. Полли удивилась, потому что до сих пор в этом доме не было никаких детей. Там жили мисс и мистер Кеттерли, одна – старая дева, другой – старый холостяк. Так что Полли глядела на мальчика с большим любопытством. Лицо у него было страшно перепачкано, будто сн сначала копался в земле, потом плакал, потом утирал его рукой. Примерно так, надо сказать, оно и было.

5

– Привет, мальчик, – сказала Полли.

6

– Привет, – ответил мальчик. – Тебя как зовут?

7

– Полли. А тебя?

– Дигори.

9

– Смешное имя, – сказала Полли.

10

– Ничего смешного не вижу, – сказал мальчик.

11

– А я вижу, – сказала Полли.

12

– А я нет, – сказал мальчик.

13

– Я по крайней мере умываюсь, – сказала Полли. – Умываться вообще полезно, особенно… -Она хотела сказать «…после того, как поревешь», но решила, что это было бы невежливо.

14

– Подумаешь, плакал! – громко сказал мальчик. Был он так расстроен, что уже не мог обижаться на какую-то девчонку. – Будто бы ты не ревела, если б жила всю жизнь в настоящем саду, и у тебя был пони, и ты бы в речке купалась, а потом тебя притащили бы в эту дыру.

15

– Лондон не дыра! – возмутилась Полли. Но разгорячившийся Дигори не услыхал ее слов.

– …и если бы твой папа уехал в Индию, – продолжал он, – а ты бы приехала к тете и к дяде, а он оказался самым настоящим сумасшедшим, и все потому, что надо ухаживать за мамой, а она ужасно больная и вообще… умирает… – лицо его перекосилось, как всегда, когда силишься сдержать слезы.

16

– Извини, я не знала, – тихо сказала Полли. Что еще добавить, она представления не имела, и, чтобы только отвлечь Дигори, спросила:

17

– Слушай, а мистер Кеттерли, он что, правда сумасшедший?

18

– Ага, – сказал Дигори, – а может, и похуже. Он у себя в мансарде что-то делает, меня тетя Летти не пускает туда. Правда странно? Странно? И это еще не все! Он за обедом иногда хочет со мной заговорить – с теткой-то и не пробует, – а она сразу: «Эндрью, не беспокой ребенка», или: «Это Дигори ни к чему», или выгоняет меня в сад играть.

19

– Что же он хочет сказать?

20

– Кто его знает. И еще, знаешь что – я однажды, – в смысле вчера вечером – проходил мимо лестницы, а в мансарде кто-то кричит.

21

– Может, он там жену сумасшедшую держит?

– Я тоже подумал.

– Или деньги печатает.

24

– А может, он пират, как тот, в «Острове сокровищ», и от старых дружков прячется?

25

– Жутко интересно, – сказала Полли.

26

– Тебе интересно, – сказал Дигори, – а мне в этом домике спать приходится.Лежишь, а он к твоей комнате крадется. И глаза у него такие жуткие…

27

Так познакомились Полли и Дигори. Были каникулы, на море никто из них в тот год не ехал, и поэтому видеться они стали чуть ли не каждый день.

28

Приключения их начались еще и потому, что лето выпало на редкость дождливое. Приходилось сидеть в четырех стенах, а значит – исследовать дом. Просто удивительно, сколько можно обнаружить в одном доме или двух соседних домах, если у тебя есть свечка.

29

Полли давно уже отыскала у себя на чердаке дверцу, за которой стоял какой-то бак, а за баком – что-то вроде темного прохода, куда можно было осторожно забраться. С одной стороны этого туннеля была кирпичная стена, а с другой – покатая крыша. Свет проходил туда сквозь просветы черепицы.

30

Пола не было, и ступать приходилось по балкам. Под ними белела штукатурка, сквозь которую можно было запросто провалиться прямо в комнату.

31

До конца туннеля Полли еще не добралась, зато в самом начале устроила эдакую пещеру контрабандистов – натаскала картонных коробок, сидений от сломанных стульев и положила между балками, чтобы получился пол. Там хранилась ее шкатулка с сокровищами, повесть, которую она сочиняла, и несколько сморщенных яблок. Еще она любила пить там имбирный лимонад, потому что какая же пещера без пустых бутылок?

32

Дигори пещера понравилась. Повесть ему Полли показывать не стала, но он захотел залезть подальше.

33

– Интересно, – сказал он, – докуда же тут можно дойти? Дальше твоего дома или нет?

– Дальше! – сказала Полли, – а докуда, я не знаю.

– Значит, можно пройти насквозь через все дома.

– Ага, – сказала Полли. – Ух!

– Ты чего?

– Мы в них залезть можем, вот что.

– Ну да, чтобы нас за воров приняли. Спасибо большое.

40

– Тоже мне, умник. Мы в пустой дом залезем, который сразу за твоим.

– А что там такое?

42

– Он пустой. Мой папа говорит, что там уже сто лет никого нету.

43

– Надо подумать, – сказал Дигори. На самом деле он порядком трусил, хоть и говорил бодрым голосом. Разумеется, вы бы на его месте тоже задумались, почему в этом доме никто так давно не живет. И Полли об этом тоже думала. Слово «привидения» ни один из них вслух не сказал. Но отступать уже было стыдно.

– Пошли? – сказал Дигори.

– Пошли, – сказала Полли.

– Не хочешь, не иди, – сказал Дигори.

– Я тебе не трусиха, – сказала Полли.

– А как мы узнаем, что мы находимся в том доме?

49

Они решили вернуться на чердак и, шагая, как в пещере, с балки на балку, отмерить, сколько балок приходится на каждую комнату.

Потом они отвели бы балки четыре на промежуток между дальним и ближним чердаком у Полли, а на комнатку служанки – ровно столько, сколько на дальний чердак.

51

Пройдя такое расстояние дважды, можно рассчитывать, что миновал уже оба дома и дальше идет тот, пустой.

– Я думаю, он не совсем пустой, – сказал Дигори.

– А какой же?

54

– Я думаю, там кто-нибудь скрывается, а ночью выходит, прикрывая фонарь. Наверное, это шайка отчаянных разбойников. Мы их поймаем и награду получим… Нет, не может дом столько лет стоять пустым.

– Папа думает, что там трубы протекают, сказала Полли.

– Взрослые вечно думают самое скучное, – сказал Дигори.

Теперь, при дневном свете, на чердаке, им как-то меньше верилось в привидения.

57

Измерив шагами чердак, они записали, что вышло, и у каждого получилось по-разному. Им как-то удалось столковаться, хоть я и не уверен, что результат был правильный. Уж больно торопились они начать свое исследование.

– Ступай потише, – сказала Полли, когда они полезли в проход. Ради такого случая оба они взяли по свечке из обширных запасов Полли.

59

Проход был пыльный, холодный и темный. Мальчик и девочка ступали с балки на балку молча, только изредка шепча: «Вот твой чердак», или «Наш дом мы уже почти прошли».

Они ни разу не споткнулись, свечки исправно горели, и до дверцы в конце концов Полли и Дигори дошли, только ручки на ней, конечно, не оказалось, потому что никто не входил в нее снаружи. Однако внутри ручка имелась, а снаружи торчал стерженек, какой бывает внутри шкафа.

– Повернуть его? – спросил Дигори.

– Если не боишься, – ответила Полли, и повторила: – Я-то не трусиха.

63

Оба они поняли, что дело становится серьезным, но отступать было поздно. Дигори не без труда повернул стерженек. Сквозь распахнувшуюся дверь ударил солнечный свет. Перед ними была самая обыкновенная, хотя и пустоватая комната. Умирая от любопытства, Полли задула свечку и бесшумно, словно мышь, ступила внутрь.

64

Конечно, потолок здесь был скошен, но мебель стояла самая заурядная. Стены были скрыты полками, сплошь уставленными книгами, в камине горел огонь (вы помните, что лето стояло холодное), а перед камином красовалось высокое кресло. Между этим креслом и Полли, посередине комнаты, располагался большой стол с книгами, блокнотами, чернильницами, перьями, сургучом и микроскопом. Но первым делом в глаза бросался ярко-алый деревянный поднос, на котором лежали удивительно красивые кольца, разложенные по два – желтое с зеленым, а неподалеку – еще одна такая пара. Кольца были самого обычного размера, но зато сверкали так дивно, что представить даже невозможно. Будь Полли помладше, ей бы непременно захотелось засунуть одно из них себе в рот.

65

В комнате царила такая тишина, что Полли сразу услышала тиканье часов. И все-таки тишину нарушал еще какой-то ровный гул. Если б в те годы уже изобрели пылесос, то Полли подумала бы, что именно он работает за несколько комнат и этажей отсюда. Но звук был приятней, чем у пылесоса, как-то музыкальнее, и к тому же очень, очень тихий.

– Заходи, тут нет никого, – сказала она, и перепачканный Дигори, мигая, вышел из прохода. Полли, конечно, тоже была вся в пыли.

– Стоило лезть! – воскликнул он. – Никакой он не пустой. Давай-ка уйдем, пока хозяева не вернулись.

– А что это за кольца по-твоему?

69

– Нам-то какое дело, – сказал Дигори. Давай…

Но договорить ему не удалось, вдруг, откуда-то, словно в пантомиме, вылез дядя Эндрью. Они были не в пустом доме, а у Дигори, и к тому же в заповедной мансарде! Дети хором ахнули. Что за глупая ошибка! Теперь обоим казалось, что иначе и быть не могло, уж слишком мало они прошли по чердакам.

71

Дядя Эндрью был очень длинным и тощим, с вытянутым лицом, острым носом, с блестящими глазками и седыми всклокоченными волосами. Сейчас он казался в сто раз страшней, чем обычно. Дигори просто онемел.

72

Полли испугалась меньше, но и ей стало не по себе, когда дядя Эндрью молча прошел к дверям и запер их на ключ. После этого он повернулся к детям и оскалил свои острые зубы в улыбке.

– Ну вот, – сказал он, – теперь моя дура-сестрица до вас не доберется!

Полли никогда не думала, что от взрослых можно ожидать такого, и душа у нее ушла в пятки. Они с Дигори попятились было к дверце, через которую попали в комнату,но дядя обогнал их – сначала запер дверь, а потом стал перед нею, и потер руки так, что его длинные белые пальцы затрещали.

75

– Очень рад вас видеть, – сказал он. – Двое детишек! Это как раз то, чего мне не хватало!

– Мистер Кеттерли, – сказала Полли, – мне пора обедать, меня дома ждут. Отпустите нас, пожалуйста.

– Со временем, – сказал дядя Эндрью. – Нельзя упускать такого случая. Мне не хватало именно двух детей. Видите ли, я ставлю уникальный опыт. С морской свинкой, видимо, получилось. Но что может рассказать свинка? И ей вдобавок не объяснишь, как вернуться.

– Дядя, – сказал Дигори, – нам правда обедать пора, нас искать станут. Вы должны нас отпустить.

– Должен? – переспросил дядя Эндрью.

80

Дигори и Полли переглянулись, как бы говоря друг другу: «Надо к нему подлизаться».

81

– Если вы нас выпустите, – сказала Полли, – мы после обеда вернемся.

82

– Кто вас знает? – сказал дядя Эндрью, хитро усмехаясь, но тут же передумал.

– Отлично, – проговорил он, – надо так надо. На что нужен таким детям какой-то скучный старикашка. – Он вздохнул. – Если бы вы знали, как мне бывает одиноко. Да что там… Ладно, ступайте обедать. Только сначала я вам кое-что подарю. Не каждый день у меня бывают маленькие посетительницы, особенно такие симпатичные.

Полли подумала, что он не такой уж и сумасшедший.

– Хочешь колечко, душенька? – спросил ее дядя Эндрью.

– Желтое и зеленое? – спросила она. – Ой, какая прелесть!

– Нет, зеленое нельзя, – сказал дядя, очень жаль, но зеленого я тебе подарить не могу. А вот желтое – всегда пожалуйста. Носи на здоровье. Ну, бери!

88

Полли перестала бояться, к тому же кольца и впрямь как-то завораживали, притягивали к себе. Она двинулась к ним.

– Слушайте!.. Это ведь колечки гудят!

90

– Что за странная мысль! – засмеялся дядя. Смех его звучал вполне естественно, а вот выражение дядиных глазок Дигори не понравилось.

– Полли, не дури! – крикнул он. – Не трогай!

Но было поздно. Не успел он договорить, как Полли коснулась одного колечка и сразу же, без единого звука, исчезла. Дигори остался наедине с дядей.

Глава вторая. ДИГОРИ И ЕГО ДЯДЯ

94

Случилось это так неожиданно, и так походило на страшный сон, что Дигори вскрикнул. Дядя Эндрью, зажимая ему рот рукой, прошипел: «Не смей!», и прибавил помягче: «Твоя мама услышит. Ей волноваться опасно».

Дигори потом говорил, что его просто затошнило от такой подлой уловки. Но кричать он, конечно, больше не стал.

– То-то же! – сказал дядя. – Ничего не поделаешь, всякий бы поразился. Я и сам удивлялся вчера, когда исчезла морская свинка.

– Так это вы кричали? – спросил Дигори.

– Ах, ты слышал! Ты что, следишь за мною?

– Нет, – сердито сказал Дигори. – Вы лучше объясните, что случилось с Полли?

100

– Поздравь меня, мой мальчик, – дядя Эндрью снова потер руки,

– опыт удался. Девочка исчезла. Сгинула. В этом мире ее больше нет.

– Что вы с ней сделали?

– Послал… хм… в другое место.

103

– Ничего не понимаю, – сказал Дигори.

104

– Что ж, я тебе объясню. – Дядя Эндрью опустился в кресло. Ты когда-нибудь слышал о миссис Лефэй?

– Нашей двоюродной бабушке? – вспомнил Дигори.

– Не совсем, – сказал дядя Эндрью, – она моя крестная. Вон ее портрет, взгляни.

107

На выцветшей фотографии Дигори увидел престарелую даму в чепчике. Такой же портрет, вспомнил он, лежал в комоде у него дома, и мама замялась, когда он спросил ее, кто на нем изображен. Лицо было не слишком приятное, но, может, виновата старая фотокарточка…

– Кажется… кажется, она была не совсем хорошая? – спросил он.

109

– Ну, – хихикнул дядя Эндрью, – все зависит от того, что считать хорошим. Люди очень узки, мой друг. Допустим, у нее были странности, были чудачества. Иначе ее не посадили бы.

– В сумасшедший дом?

111

– О, нет, ни в коем случае! – возмутился дядя. – В тюрьму.

– Ой! – сказал Дигори. – За что?

– Бедняжка! – вздохнул дядя. – Ей чуть-чуть не хватало благоразумия. Но не будем вдаваться в подробности. Ко мне она всегда была добра.

– При чем тут это все! – вскричал Дигори. – Где Полли?

115

– Всему свое время, мой друг, – сказал дядя. – После того, как миссис Лефэй выпустили, она почти никого не хотела видеть. Я был среди тех немногих, кого она продолжала принимать. Понимаешь, во время последней болезни ее стали раздражать ординарные, скучные люди. Собственно, они раздражают и меня. Кроме того, у нас были с ней общие интересы.

116

За несколько дней до смерти она велела мне открыть тайничок в ее шкафу и принести ей маленькую шкатулку. Стоило мне взять ее в руки, и я прямо затрясся, почувствовав тайну. Крестная приказала не открывать ее, а сжечь, с известными церемониями. Разумеется, я ее не послушался.

– И очень зря, – сказал Дигори.

– Зря? – удивился дядя.

– Ах, понимаю. По-твоему, надо держать слово. Резонно, мой милый, очень советую. Но, сам понимаешь, такие правила хороши для детей, слуг, женщин, вообще людей, но никак не для мудрецов и ученых. Нет, Дигори. Причастный к тайной мудрости свободен и от мещанских радостей, и от мещанских правил. Судьба наша, мой мальчик, возвышенна и необыкновенна. Мы одиноки в своем высоком призвании…

120

– Он вздохнул с такой благородной печалью, что Дигори на мгновение посочувствовал ему, покуда не вспомнил дядины глазки, когда тот предлагал Полли кольцо, и не подумал: «Ага, он клонит к тому, что может делать все, что ему угодно!»

121

– Конечно, я не сразу открыл шкатулку, – продолжал дядя. – Я боялся, нет ли в ней чего-нибудь опасного. Моя крестная была чрезвычайно своеобразной дамой. Собственно, она была последней из смертных, в ком еще текла кровь фей. Сама она застала еще двух таких женщин – герцогиню и уборщицу. Ты, Дигори, беседуешь с последним человеком, у которого крестной матерью была фея. Будет что вспомнить в старости, мой мальчик!

122

«Ведьма она была, а не фея!» – подумал Дигори. Вслух он спросил:

– Но что же с Полли?

– Ты все о том же! – сказал дядя. – Разве в Полли дело? Сперва, конечно, я предпринял осмотр шкатулки. Она была весьма старинная. Я сразу понял, что ее изготовили не в Греции, не в Египте, не в Вавилоне, не в стране хеттов и даже не в Китае. Она была еще древнее. Наконец, в один поистине великий день я понял, что сделали ее в Атлантиде. В Атлантиде, на затонувшем острове! Это значило, что шкатулка моя на много веков древнее всех допотопных черепков, которые выкапывают в Европе. Она была не чета этим грубым находкам. Ведь Атлантида с древнейших времен была великой столицей, с дворцами, храмами и замечательными мудрецами.

125

Он подождал немного, но Дигори не восхищался. С каждой минутой дядя нравился ему все меньше и меньше.

– Тем временем, – продолжал дядя, – я занимался изучением разнообразных предметов, о которых ребенку не расскажешь. Так что постепенно я начал догадываться о содержимом моей шкатулки. Путем различных научных экспериментов мне удалось установить, так сказать, наиболее правдоподобные гипотезы. Пришлось познакомиться с… как бы выразиться… дьявольски странными личностями, и пройти через довольно отталкивающие испытания. Вот почему я раньше времени поседел. Стать чародеем – дело нешуточное. Я вконец испортил здоровье, хоть мне и получше в последнее время. Но главное – что я узнал.

127

Подслушивать было некому, но дядя все же подвинулся к Дигори и понизил голос.

– То, что было в шкатулке, – не из нашего мира, и очутилось у нас, когда наш мир только-только начинался.

129

– Но что же там все-таки было? – спросил Дигори, поневоле захваченный рассказом.

– Пыль, – отвечал дядя Эндрью, – сухая пыль, вот какую награду я получил за свой многолетний труд! Вроде бы и смотреть не на что. Но я-то посмотрел, не тронул, но взглянул! Ведь каждая пылинка там была из иного мира, понимаешь ли ты, не с другой планеты – ведь планеты тоже часть нашего мира, до них можно добраться если долго лететь, – а из мира по-настоящему другого. Словом, из такого мира, куда можно попасть исключительно с помощью волшебства. – И дядя снова потер руки так, что пальцы у него затрещали.

– Я понимал, разумеется, – продолжал он, – что эта пыль может перенести в другие миры, если слепить из нее то, что надо. Но что же именно? И как? Масса моих экспериментов пропала впустую. Морские свинки просто подыхали, или их разрывало на части…

– Какой ужас! – перебил его Дигори. У него была когда-то морская свинка.

133

– При чем тут ужас? Свинки для того и созданы. А покупал я их на свои собственные деньги. Так вот, о чем же я… Да, наконец мне удалось изготовить из пыли колечки, желтые кольца. Тут обнаружилось новое затруднение. Несомненно, колечки перенесли бы моих подопечных, куда надо, стоит до них дотронуться. Однако, что толку! Как же мне было узнать, что там? Как вернуть зверьков обратно?

–А о самих свинках вы подумали? – проворчал Дигори.

– Ты не умеешь мыслить научно, – нетерпеливо сказал дядя Эндрью. – Ты не понимаешь, что являешься свидетелем эксперимента века? Я ведь посылаю туда свинок именно затем, чтобы узнать, что там и как.

136

– Почему вам самому туда не отправиться, в этот иной мир?

137

Дигори в жизни не видел такого искреннего удивления, негодования и обиды в ответ на такой простой вопрос.

– Кому, мне? – воскликнул дядя. – Ты спятил! В мои лета, с моим здоровьем идти на такой риск, отправляться в совершенно незнакомую вселенную? Что за нелепость! Ведь в этих мирах может случиться все, что угодно!

139

– А Полли теперь там, – Дигори побагровел от гнева, – это… это подлость! Хоть ты мне и родной дядя, а только настоящий трус отправит в такое место девочку вместо себя.

– Молчать! – дядя Эндрью хлопнул рукой но столу. – Я не позволю так с собой разговаривать грязному мальчишке. Я великий ученый, я чародей, посвященный в тайные науки, я ставлю эксперимент. Как же мне обойтись без подопытных… э-э… существ? Ты еще скажешь, что и морских свинок нельзя было посылать, не испросив их согласия! Наука требует жертв. Приносить их самому смешно. Разве генералы ходят в атаку? Положим, я погибну. Что же тогда будет с делом моей жизни?

141

– Ну, хватит с меня! – невежливо крикнул Дигори. – Как вернуть Полли?

142

– Именно об этом я и хотел сказать, когда ты так грубо меня перебил. Мне удалось найти способ. Для этого требуется зеленое кольцо.

– У Полли зеленого кольца нет, – возразил племянник.

– Вот именно, – дядя жутко улыбнулся.

– Получается, что она не вернется. Вы ее убили!

146

– Отнюдь нет. Она вполне может вернуться, если кто-нибудь отправится за ней вслед со своим желтым кольцом и двумя зелеными – одним для нее, одним для самого себя.

147

Тут Дигори понял, в какую он попал ловушку. Побледнев, он молча уставился на дядю.

148

– Надеюсь, – с достоинством произнес дядя Эндрью, – надеюсь, мой мальчик, что ты не трус. Я был бы крайне огорчен, если бы член нашего семейства по недостатку рыцарских чувств и чести оставил бы женщину в беде.

– Сил моих нет! – снова крикнул Дигори. – Будь у вас хоть капля чести у самого – вы бы сами туда и отправились. Я все понял, хватит. Только один из нашей семьи уж точно подлец. Это же все было подстроено!

– Разумеется, – продолжал улыбаться дядя Эндрью.

151

– Что ж, я пойду, – сказал Дигори. – Раньше я не верил в сказки, а теперь верю. В них есть своя правда. Ты злой чародей. А такие в сказках всегда получают по заслугам.

152

Дядю в конце концов проняло. Он так испугался, что при всей его подлости вы бы его пожалели. Поборов минутный ужас, он вымученно хихикнул.

153

– Ох уж мне эти дети! Вот оно, женское воспитание, дурацкие сказки… Ты обо мне не беспокойся. Лучше о своей подружке подумай. Жаль было бы опоздать.

154

– Что же мне делать? – спросил Дигори.

155

– Прежде всего, научиться владеть собой, – назидательно молвил дядя. – А не то станешь таким, как тетя Летти. Теперь слушай.

Он встал, надел перчатки и подошел к подносу.

157

– Кольцо действует только в том случае, если касается кожи, – начал он. – Видишь, я беру их рукой в перчатке, и ничего не происходит. В кармане они безопасны, но стоит коснуться их голой рукой – и тут же исчезнешь. Там, в другом мире, случится то же самое, если тронуть зеленое кольцо. Заметь, что это всего лишь гипотеза, которая требует проверки. Итак, я кладу тебе в карман два зеленых кольца. В правый карман, не перепутай. Желтое бери сам. Я бы на твоем месте надел его, чтобы не потерять.

158

Дигори потянулся было к кольцу, но вдруг спросил:

– А как же мама? Она ведь будет спрашивать, где я?

– Чем скорее ты исчезнешь, тем скорее вернешься, – отвечал дядя.

161

– А вдруг я не вернусь?

Дядя Эндрью пожал плечами.

163

– Воля твоя. Иди обедать. Пускай ее хоть звери съедят, пускай хоть утонет, хоть с голоду умрет в Другом Мире, если тебе все равно. Только будь уж любезен, скажи в таком случае миссис Пламмер, что ее дочка не вернется, потому что ты побоялся надеть колечко.

– Ах, был бы я взрослым – вздохнул Дигори. – Вы бы у меня тогда поплясали!

165

Потом он застегнулся получше, глубоко вздохнул и взял кольцо. Потом, вспоминая, он был уверен, что не мог поступить иначе.

167

Дядя Эндрью немедленно исчез вместе со своим кабинетом. На минуту все смешалось, а потом Дигори увидел под собой тьму, а наверху – ласковый зеленый свет. Сам он ни на чем не стоял, не сидел и не лежал, ничто его не касалось, и он подумал: «Наверное, я в воде… нет, под водою…» Не успев испугаться, он вдруг вырвался головою вперед на мягкую траву, окаймлявшую небольшой пруд.

168

Поднявшись на ноги, он заметил, что ничуть не задыхается, и воздуха ртом не хватает. Странно – он ведь вроде бы только что был под водой! Одежда его была суха. Пруд – крошечный, словно лужа, всего метра три в поперечнике, находился в лесной чаще. На деревьях, стоящих сплошь, было столько листьев, что неба Дигори не видел – вниз падал только зеленый свет. Однако наверху, должно быть, сияло солнце, потому что даже пройдя сквозь листву, свет оставался радостным и теплым.

169

Стояла невообразимая тишина – ни птиц, ни насекомых, ни зверьков, ни ветра, – и казалось, что слышишь, как растут деревья. Прудов было много – Дигори видел не меньше десятка, – и деревья словно пили воду корнями. Лес казался исполненным жизни, и Дигори, рассказывая о нем впоследствии, говорил: «Он был такой свежий, он просто дышал, ну… прямо как свежий сливовый пирог».

Как ни странно, Дигори почти забыл, зачем он сюда явился. Он не думал ни о дяде, ни о Полли, ни даже о маме. Он не боялся, не беспокоился, не мучился любопытством. И если б его спросили, откуда он явился, он бы ответил, что всегда жил в этом лесу. Он и впрямь чувствовал, что родился здесь, и никогда не скучал, хотя в лесу никогда ничего и не происходило. «Там никаких событий не бывает, – рассказывал он после, – ничего нет, только деревья растут, и все».

171

Постояв, он наконец увидел неподалеку лежащую в траве девочку. Глаза у нее были закрыты, но не совсем, словно она просыпалась. Покуда он глядел на девочку, она раскрыла глаза и стала смотреть на него, а потом проговорила сонным голосом:

– Кажется, я тебя где-то встречала.

173

– И мне так кажется, – сказал Дигори. – Ты давно здесь?

– Всегда, – отвечала девочка. – То есть, ужасно давно.

– Я тоже.

– Нет, нет. Ты только что вылез из пруда.

– Ой, правда, – сказал Дигори. – Я забыл.

178

Они молчали.

179

– Знаешь, – начала девочка, – мы, наверное, и вправду встречались. Что-то я припоминаю такое… что-то вижу… место какое-то… Или это сон?

– Я этот сон тоже видел, – сказал Дигори, – про мальчика и девочку, которые жили в соседних домах… и полезли куда-то… У девочки еще лицо было перепачкано…

– Ты путаешь. Это у мальчика…

182

– Мальчика я не видел, – сказал Дигори и вдруг вскрикнул: – Ой, что это?

183

– Морская свинка, – отвечала девочка. – И действительно, в траве возилась пухленькая морская свинка, подпоясанная ленточкой, к которой было привязано сверкающее желтое кольцо.

184

– Смотри! – закричал Дигори. – Смотри, кольцо! И у тебя такое… и у меня тоже.

185

Девочка очнулась и приподнялась. Они напряженно глядели друг на друга, пытаясь что-то припомнить, покуда не закричали в один голос:

– Мистер Кеттерли!

– Дядя Эндрью!

Наконец-то они вспомнили, откуда и как сюда попали. На это ушло порядочно времени и сил. Дигори рассказал девочке про все подлости своего дяди.

– Но что же нам делать? – спросила девочка. – Забрать свинку и вернуться?

– А куда спешить? – зевнул Дигори во весь рот.

– Нет, давай поторопимся, – возразила Полли. – Слишком тут спокойно, сонно как-то. Смотри, ты же на глазах засыпаешь. Вот поддадимся – и совсем навсегда заснем.

– Здесь хорошо, – сказал Дигори.

– Хорошо-то хорошо, – не сдавалась Полли, а вернуться все равно надо.

Поднявшись на ноги, она потянулась было к свинке, но передумала.

– Оставим ее, – сказала Полли. – Кому кому, а ей тут неплохо. Дома твой дядюшка опять ее мучить начнет.

191

– Точно, – согласился Дигори. – Ты только подумай, что он нам с тобой за гадость устроил! Кстати, а как же нам домой-то вернуться?

192

– Наверно, нужно нырнуть в этот пруд, – предположила Полли.

193

Они подошли к пруду. Зеленая, мирная вода, в которой отражались листья, казалась бездонной.

– А купальники? – спросила Полли. – А плавать ты умеешь?

– Немножко. А ты?

– М-м… совсем плохо.

– Плавать нам не придется, – сказал Дигори. – Только нырнуть. И купальников не нужно. Так и нырнем одетые. Ты что, забыла, как мы сюда вышли совсем сухие?

195

Ни мальчику, ни девочке не хотелось признаваться в том, как они боялись нырять. Взявшись за руки, они отсчитали: «Раз-два-три – плюх!» – и прыгнули в воду. Раздался всплеск. Едва зажмурившись, Полли и Дигори снова открыли глаза и увидали, что стоят в мелкой луже, все в том же зеленом лесу. Вода в пруду едва доходила им до щиколоток.

196

– В чем же дело? – Полли испугалась, но не особенно. По-настоящему в этом лесу никто бы не испугался – уж слишком там было спокойно.

197

– Я знаю! – сказал Дигори. – На нас желтые кольца, так? Они переносят сюда. А зеленые – домой! Карманы у тебя есть? Отлично. Положи-ка желтое в левый. Зеленые у меня. Держи, одно тебе.

198

Надев на пальцы по зеленому колечку, они снова пошли к пруду, как вдруг Дигори воскликнул:

– Слушай!

– Ты что? – спросила Полли.

200

– Мне потрясающая мысль в голову пришла, – отвечал мальчик. – Куда ведут остальные пруды?

– То есть как?

– А так. Через этот пруд мы вернулись бы в наш мир. А через другие? Может, каждый ведет в свой собственный другой мир?

– А разве мы уже не в другом мире? Ты же сам говорил. И дядюшка твой тоже…

– Ну его, дядюшку! Ни фига он не знает. Сам-то, небось, никуда в жизни не нырял. Допустим, ему кажется, что есть наш мир и еще один другой. А если их много?

– И это один из них?

– Нет. Это, по-моему, вовсе не мир, а так, промежуточное такое место.

Полли не поняла, и он принялся объяснять ей.

– Ужасно легко понять. Проход в нашем доме, допустим, он же не комната? Но из него можно попасть в другие комнаты. Он вроде и не часть никакого дома, но если уж ты в него попала, то иди на здоровье, и попадешь в любой соседний дом, так? Вот и лес этот такой. Эдакое место, которое само по себе вроде бы и нигде, а зато из него можно попасть куда угодно.

– Хотя бы и так, – начала было Полли, но Дигори знай гнул свое.

– Разумеется, так! – торопился он. – Теперь все ясно! Вот почему здесь так тихо и сонно. Чему здесь случаться? Это в домах люди едят, разговаривают, занимаются всякими делами. А между стенками, и над потолками, и в проходе дома ничего не происходит. Зато из такого местечка можно пробраться куда хочешь. И зачем нам сдался наш пруд? Давай попробуем в другой нырнуть, а?

210

– Лес между мирами, – завороженно проговорила Полли. – Вот красота!

211

– Ну, куда будем нырять? – настаивал Дигори.

212

– Лично я никуда нырять не собираюсь, пока мы не узнаем, можно ли вообще вернуться, – сказала Полли. – Откуда нам знать, что все именно так, как ты тут говоришь?

213

– Чушь, – сказал Дигори, – Ты хочешь обратно в руки к дядюшке угодить? Чтобы он тут же наши кольца отобрал? Нет уж, спасибо.

– Давай нырнем немножко, – упрямилась Полли, – не до конца. Только проверить. Если хорошо пойдет, то сменим кольца и сразу вынырнем обратно.

215

– А разве можно повернуть назад, когда ты уже там?

216

– Мы же не сразу здесь очутились. Значит, время будет.

217

Дигори пришлось в конце концов сдаться, потому что Полли наотрез отказалась нырять в другие миры, не проверив свое предположение. Она вовсе не уступала Дигори в смелости (например, не боялась ни ос, ни пчел), только была не такой любопытной. А Дигори был из тех, кому надо знать все, и он впоследствии стал тем самым профессором Керком, который участвует в других наших приключениях.

218

После долгих споров дети наконец условились надеть зеленые кольца, нырнуть, но при первом же виде кабинета дяди Эндрью или даже тени своего собственного мира Полли должна будет крикнуть: «Меняй!», чтобы оба они мгновенно сняли зеленые кольца и надели желтые. Кричать хотел Дигори, но Полли не уступала ему этой чести.

219

Словом, зеленые колечки они надели, за руки взялись, и в воду прыгнули. Все на этот раз сработало, только описать происходившее трудно – уж очень быстро все случилось. Сначала показалось черное небо с мелькающими огоньками, потом пронесся полупрозрачный Лондон, потом раздался крик Полли и все снова сменилось мерцающим зеленым светом. Через каких-нибудь полминуты они снова очутились в тихом лесу.

– Действует! – сказал Дигори. – Ну, какой нам пруд выбрать?

– Погоди, – сказала Полли, – давай сперва этот запомним.

Дети не без испуга переглянулись. И впрямь, просто так нырять было бы опрометчиво. Ведь прудов было несметное множество, и все похожи друг на друга. Деревья тоже были все одинаковые, так что не отметь Полли и Дигори тот пруд, который вел обратно в наш мир, они бы так и пропали, не сумели бы его разыскать. Дрожащей рукой открыв перочинный ножик, Дигори вырезал на берегу пруда полоску дерна. Глина под ней издавала довольно приятный запах.

– Хорошо, что хоть один из нас кое-что соображает, – сказала тем временем Полли.

– Кончай, – отвечал Дигори, – давай-ка другие пруды посмотрим.

Полли ему что-то ответила, он тоже не смолчал, и препирались они битых десять минут (только читать об этом было бы скучно).

Посмотрим-ка лучше, как они стоят у другого пруда: держатся за руки, сердца бьются, лица бледные. Вот они надели желтые кольца, вот отсчитывают свое «Раз-два-три – плюх!»

224

И снова ничего не вышло! Только ноги они во второй раз за утро намочили. Если, конечно, это было утро – в лесу между мирами всегда одно и то же время.

225

– Тьфу ты! – сказал Дигори. – В чем же загвоздка? Кольца желтые, все в порядке. Дядюшка же говорил, что надо желтые надеть, чтобы в другой мир попасть.

226

А дело было в том, что дядя Эндрью о промежуточном месте не имел никакого понятия, и потому все перепутал. Желтые кольца вовсе не уносили из нашего мира в другой, а потом обратно. Ошибался дядя. Пыль, из которой он их изготовил, когда-то лежала тут, в промежуточном месте. Так что желтые колечки тянули того, кто их касался, обратно в родной лес. А пыль для зеленых колечек была совсем другая, она из леса выталкивала. Словом, желтые колечки переносили в этот лес, а зеленые – в любой из других миров. Многие чародеи, между прочим, не ведают, что творят. Да и сам Дигори не слишком-то понимал, что к чему. В конце концов он обо всем догадался, только было это много лет спустя. А покуда дети решили просто наугад надеть зеленые колечки и посмотреть, что случится.

– Кто-кто, а я не струшу, – приговаривала Полли. На самом деле ей казалось, что ни те, ни другие колечки в новом пруду уже не сработают, и что они с Дигори только лишний раз промочат ноги. Не исключено, что и Дигори тайком надеялся на то же самое. Во всяком случае, вернулись они к пруду уже не такие серьезные и перепуганные. Так что – снова надели колечки, взялись за руки, и куда веселее, чем раньше, отсчитали:

– Раз-два-три – плюх!

230

На сей раз волшебство подействовало. Пролетев сначала сквозь воду, а потом через тьму, они увидали непонятные очертания каких-то предметов. Ноги их ощутили твердую поверхность, расплывчатая мгла сменилась четкими линиями, и Дигори воскликнул:

– Ничего себе местечко!

– Страшно противное, – вздрогнула Полли.

232

Первым делом они заметили свет, непохожий ни на солнечный, ни на газовый, ни на пламя свечей – вообще ни на что не похожий. Был он тусклый, мрачный, багряно-бурый, очень ровный. Стояли дети на мостовой среди каких-то зданий, может быть – на мощеном внутреннем дворе. Небо над ними было темно-синим, почти черным, и они не могли понять, откуда идет свет.

– Экая странная погода, – сказал Дигори.

– Мерзкая, – откликнулась Полли.

– То ли гроза будет, то ли затмение.
Говорили они почему-то шепотом, все еще держась за руки.

236

Вокруг них на высоких стенах зияло множество незастекленных окон, черных, словно дыры. Под ними чернели арки, похожие на входы в туннели. Погода стояла довольно холодная. Красновато-бурый камень арок и стен был совсем древний, а может, просто казался старым из-за странного освещения. Камень мостовой сплошь покрывали трещины. Стертые булыжники лежали неровно, а одну из арок наполовину заваливал щебень.Дети медленно оглядывались, страшась кого-нибудь увидеть в оконном проеме.

– Ты как думаешь, здесь живут? – прошептал Дигори.

– Нет, – сказала Полли. – Это,… ну как их, руины. Слышишь, как тихо.

239

– Давай еще послушаем, – предложил Дигори.

240

Прислушавшись, они услыхали разве что биение собственных сердец. Тихо было, как в лесу, только совсем по-другому. Там была тишина теплая, полная жизни, даже казалось, что слышно, как растут деревья. А здешняя была злая, пустая и холодная. И расти тут вряд ли что вообще могло.

– Пошли-ка домой, – сказала Полли.

– Да мы еще не видели ничего.Давай хоть оглядимся.

– И оглядываться нечего.

– Ну, если ты боишься…

– Кто это боится? – Полли выпустила его руку.

– Смотреть-то ты не хочешь.

247

– Ладно, пойдем.

248

– Не понравится – сразу исчезнем, – сказал Дигори. – Давай зеленые колечки снимем и положим в правый карман, а желтые так и останутся в левом. Только захотим, тронем кольцо левой рукой, и пожалуйста!

249

Так они и сделали: переложили кольца и отправились к одной из арок. Она вела в дом, не такой темный, как им показалось поначалу. С порога огромной пустой залы они различили в ее дальнем конце соединенные арками колонны. Осторожно добравшись до них, они вышли в другой двор, с донельзя ветхими стенами.

– Стоят, – сказал Дигори перепугавшейся Полли, – значит, не падают. Главное – ступать тихо, а не то, конечно, обвалятся. Знаешь, как лавины в горах.

251

Так шли они из одного просторного двора в другой, покуда не увидели в одном из них фонтан. Только вода из пасти какого-то чудовища уже не текла, и в самом фонтане давно высохла. Неведомые растения на стенах тоже невесть когда засохли, все было мертвое – ни живых тварей, ни пауков, ни букашек, ни даже травы.

252

Дигори заскучал по зеленому, живому теплу леса между мирами, и уже совсем собрался тронуть заветное желтое колечко, когда перед ним вдруг предстали высоченные двери, похожие на золотые. Одна была приоткрыта. Заглянув в нее, дети замерли, раскрыли рты от удивления.

253

Сперва им показалось, что вся зала полна народу, тихо сидящего вдоль стен. Но живые люди непременно бы пошевелились, пока дети, не двигаясь, их разглядывали. Так что Дигори и Полли решили, что перед ними восковые фигуры, только очень уж искусно сработанные, совсем как живые.

Тут уж любопытство охватило Полли, потому что фигуры эти были облачены в невероятные наряды. Как их описать? Сказать, что наряды были волшебные? Небывалые? Поразительные? Скажу только, что на голове у каждой фигуры блистала корона, а сами одежды были всех цветов радуги – алые, серебристые, густо-лиловые, изумрудные, расшитые самыми причудливыми узорами, словно в рыцарском замке. И на коронах, и на одеждах сверкали огромные драгоценные камни.

– А почему эти платья не истлели? – поинтересовалась Полли.

– Они заколдованы, – сказал Дигори, – не чувствуешь разве? Тут вообще все заколдовано, я сразу понял.

– Дорогие-то какие, – сказала Полли.

Но Дигори больше интересовали сами фигуры, их лица. Тут и впрямь нельзя было отвести взгляда. И мужские, и женские лица сияли красотой, добротой и, как показалось Дигори, мудростью. Однако стоило детям пройти несколько шагов – и лица начали становиться все важнее и надменней. К середине ряда они стали попросту жестокими, а еще дальше – и безрадостными вдобавок, словно у их обладателей ни в делах, ни в жизни не было ничего хорошего, одни ужасы. А самая последняя, дама редкостной красоты, глядела так злобно и гордо, что дух захватывало. Много позже, в старости, Дигори говорил, что никогда не видел такой прекрасной женщины. А Полли при этом добавляла, что никак не поймет, что же в ней такого красивого.

Дама, как я уже сказал, сидела последней, но и за ней стоял ряд пустующих кресел.

259

– Что бы это все значило? – сказал Дигори. – Ты посмотри, тут стул посередине, и на нем лежит что-то.

Собственно, Дигори увидел не стол, а широкую низкую колонну. На ней лежал золотой молоток, а рядом на золотой дужке висел колокол, тоже золотой.

– Тут написано что-то, – сказала Полли.

– Правда. Только мы все равно не поймем.

– Почему же? Давай попробуем.

263

Конечно, письмена были странные. И однако, к немалому удивлению Дигори, они становились все понятней, пока он к ним присматривался. Если бы мальчик вспомнил свои собственные слова, он бы понял, что и тут действует колдовство. Но его так мучило любопытство, что он ничего не вспомнил. Скоро он разобрал надпись. На каменной колонне были высечены примерно такие слова:

264

«Выбирай, чужеземец! Если ты позвонишь в колокол – пеняй на себя. Если не позвонишь – терзайся всю жизнь».

– Не буду я звонить, – сказала Полли.

266

– Здорово! – воскликнул Дигори. – Что ж, так и прикажешь всю жизнь мучиться?

– Глупый ты. Кто же тебе приказывает мучиться?

– А колдовство? Заколдуют, и буду мучиться. Я вот, например, уже сейчас мучаюсь. Колдовство действует.

269

–А я нет, – отрубила Полли. – И тебе я не верю. Ты притворяешься.

– Разумеется, ты же девчонка, – сказал Дигори. – Вашему брату на все наплевать, кроме сплетен, да всякой чепухи насчет того, кто в кого влюблен.

– Ты сейчас вылитый дядюшка Эндрью, – сказала Полли.

– При чем тут дядюшка? Мы говорим, что…

– Типичный мужчина! – сказала Полли взрослым голосом, и тут же прибавила: – Только не вздумай отвечать, что я типичная женщина. Не дразнись.

– Стану я называть женщиной такую козявку!

– Это я-то козявка.? – Полли рассердилась по-настоящему. – Ладно, не стану мешать. С меня хватит. Совершенно мерзкое место. А ты – воображала и поросенок!

– Стой! – закричал Дигори куда противнее, чем хотел. Он увидел, что Полли вот-вот сунет руку в карман с желтым колечком. Мне его трудно оправдать. Могу только сказать, что он – и не только он один – потом очень и очень жалел о том, что сделал. Он схватил Полли за руку, а сам левой рукой дотянулся до молота и ударил по колоколу. Потом отпустил девочку, и они молча уставились друг на друга. Полли собралась было зареветь, причем не от страха, а от злости, но не успела.

277

Звон был мелодичный, не слишком оглушительный, зато непрерывный и нарастающий, так что минуты через две дети уже не могли говорить, потому что не услыхали бы друг друга. А когда он стал таким сильным, что перекрыл бы даже их крик, то и сама мелодичность его стала казаться жуткой. Под конец и воздух в зале, и пол под ногами задрожали крупной дрожью, а часть стены и кусок потолка с грохотом рухнули – не то из-за колдовства, не то поддавшись какой-то особенной ноте. И тут все затихло.

– Ну что, доволен? – съязвила Полли.

– Ладно, все уже кончилось, – отозвался Дигори.

280

Оба они думали, что все и впрямь кончилось. И оба страшно ошибались.

Глава пятая. НЕДОБРОЕ СЛОВО

Дети смотрели друг на друга поверх приземистой колонны, на которой до сих пор подрагивал замолкший колокол. Вдруг в дальнем, совсем неразрушенном углу комнаты раздался какой-то негромкий звук. Они обернулись на него с быстротой молнии и увидели, что одна из облаченных в пышные одежды фигур, та самая последняя в ряду женщина, которая показалась Дигори такой красавицей, подымается с кресла во весь свой гигантский рост. И по короне, и по облачению, и по сиянию глаз, и по изгибу рта она, несомненно, была могучей королевой. Комнату она осмотрела, и детей увидела, и, конечно, заметила, что кусок стены и потолка обвалился, только на лице ее не показалось и следа удивления.

283

– Кто пробудил меня? Кто разрушил чары? – она выступила вперед быстрыми, длинными шагами.

– Кажется, это я, – сказал Дигори.

– Ты! – Королева положила на плечо мальчика свою руку – белоснежную, прекрасную руку, которая, однако, была сильной, как клещи. – Ты? Но ты же дитя, обыкновенный мальчишка! В твоих жилах, я сразу увидела, нет ни королевской, ни даже благородной крови. Как ты осмелился проникнуть в этот дом?

– Мы из другого мира сюда попали. Волшебным способом, – Полли решила, что королеве пора заметить и ее.

– Это правда? – спросила королева у Дигори, по-прежнему не обращая никакого внимания на девочку.

– Правда, – отвечал он.

289

Свободной рукой королева схватила его за подбородок и задрала лицо мальчика, чтобы к нему присмотреться. Дигори, сколько ни силился, так и не сумел выдержать ее взгляда. Что-то в ней было такое, слишком могучее. Королева отпустила его не раньше, чем через минуту с лишним.

290

– Ты не волшебник, – сказала она, – на твоем лице нет знака чародеев. Ты, верно, слуга волшебника. Тебя принесло сюда чужое волшебство.

– Мой дядя Эндрью волшебник, – сказал Дигори.

292

И тут где-то совсем рядом с комнатой зашуршало, заскрипело, затрещало, раздался грохот падающих камней, и пол закачался.

– Здесь смертельно опасно, – сказала королева. – Весь дворец скоро рухнет, и мы погибнем под развалинами. – Она говорила так спокойно, словно речь шла о времени суток или о погоде. – Вперед, – добавила она, протягивая руки обоим детям. Полли, между прочим, королева была совсем не по душе, и руки ей она давать не собиралась. Но та, несмотря на все спокойствие, двигалась с быстротой мысли. Не успела Полли опомниться, как ее левую руку уже сжимала другая рука, куда крупнее и сильнее, чем ее собственная.

294

«Жуткая женщина, – думала Полли, – не ровен час, еще сломает мне руку. С нее станется. И руку-то она сграбастала левую, так что желтого колечка я достать не смогу. Можно правой попробовать дотянуться до левого кармана… нет, не получится, она меня спросит, что это я делаю. Ей ни в коем случае нельзя про колечки говорить. Ой, лишь бы Дигори не выболтал. Хорошо бы ему шепнуть пару слов…»

295

Из заколдованного зала королева провела их сквозь длинный коридор в целый лабиринт гостиных, лестниц и двориков. Где-то продолжали рушиться куски стен и потолка, порою грохот раздавался совсем близко, и одна арка упала сразу после того, как они под ней прошли. Королева шла так быстро, что детям приходилось семенить за нею, но она не выказывала никакого страха.

«Отважная какая, – думал Дигори, – и сильная. Настоящая королева. Вот бы она рассказала историю этого места…»

По дороге она и впрямь кое-что им рассказала.

297

– Вот дверь в подземелье, – говорила она, – а вот проход в главную камеру пыток. Тут был старый пиршественный зал, куда мой прадед пригласил как-то раз семьсот дворян, и перебил их прежде, чем они приступили к ужину. Они были виновны в мятежных мыслях.

298

Наконец они дошли до самой высокой и просторной залы с дверями в дальнем конце. Дигори подумал, что здесь раньше был главный вход в замок, и он был совершенно прав. Двери были не то черного дерева, не то черного металла, неизвестного в нашем мире, и закрыты на засовы, тяжелые и расположенные слишком высоко. «Как же нам выбраться?» – подумал Дигори.

299

Тут королева отпустила Дигори, встала в полный рост и замерла с простертой вверх рукой, а потом произнесла какие-то угрожающие непонятные слова и словно бы что-то кинула в двери. Двери дрогнули, словно шелковые занавески, и принялись распадаться, покуда от них не осталась горстка пыли на пороге.

300

Дигори присвистнул.

301

– Обладает ли твой повелитель, твой дядя-чародей, моим могуществом? – королева снова крепко сжала руку Дигори. – Я еще узнаю об этом. А ты тем временем помни. Вот что я делаю с теми, кто стоит на моем пути.

302

Сквозь пустой дверной проем струился довольно яркий для этого мира свет, и когда королева вывела детей из замка, они уже догадались, что окажутся на открытом воздухе. В лицо им дул холодный, но какой-то затхлый ветер. С высокой террасы открывался удивительный вид.

303

Далеко внизу над горизонтом висело багровое солнце, намного больше нашего. Дигори сразу почувствовал, что оно к тому же куда древнее, чем наше. Это было умирающее солнце, усталое от долгого взгляда на этот мир. Слева от солнца, чуть повыше его, сверкала огромная одинокая звезда. Кроме этой зловещей пары, в темном небе не было больше ничего. А по земле во всех направлениях до самого горизонта простирался обширный город без единой живой души. От всех храмов, башен, дворцов, пирамид и мостов города в свете увядающего солнца ложились длинные мрачные тени. Когда-то протекавшая через город река давно высохла, оставив лишь широкую канаву, заполненную пылью.

– Запомните, ибо никому больше не доведется этого увидеть, – сказала королева. – Таким был Чарн, великий град, столица Короля Королей, чудо этого света, а может быть, и всех остальных. Есть ли у твоего дяди столь богатые владения?

– Нет, -Дигори хотел было объяснить, что у дяди Эндрью нет никаких владений, но королева его перебила.

– Ныне здесь царит молчание, но я стояла здесь, когда воздух был полон звуками, что издавал Чарн. Здесь грохотали шаги и скрипели колеса, щелкали бичи и стенали невольники, гремели колесницы и барабанный бой возвещал жертвоприношения в храмах. Я стояла здесь перед гибелью города, когда со всех улиц раздавался боевой клич и кровь струилась рекою… – Она на мгновение замолкла. – И сразу, в единый миг, по слову одной-единственной женщины Чарн погиб!

307

– Кто же эта женщина? – спросил Дигори слабым голосом, заранее зная ответ.

308

– Я! – отвечала королева. – Я, Джадис, последняя королева, владычица всего мира!

309

Дети стояли молча, дрожа от холода.

– Виновна моя сестра, – продолжала королева. – Это она довела меня до такого, и будь она вовеки проклята всеми волшебными силами! Не было минуты, когда я не пошла бы на мир, пощадив ее жизнь, если б она отреклась ради меня от трона. Но она отказалась, и гордыня ее разрушила целый мир. Даже после начала войны мы обе торжественно обещали не призывать на помощь волшебства. Но что мне оставалось, когда она нарушила свою клятву? Безумная! Или не знала она, что у меня во власти было больше волшебства? Или не знала она, что мне доступна тайна Недоброго Слова? Или сомневалась она, что я не устрашусь произнести его?

311

– Что это за слово такое было? – осведомился Дигори.

312

– Не спрашивай о тайне тайн, – сказала королева. – Великие властелины нашего народа испокон веков знали, что есть слово, и есть обряд, которые убьют все живое в мире, кроме самого чародея. Но древние короли были слабы и мягкосердечны, да и те, кто всходил на трон вслед за ними, никогда даже не пытались узнать этого слова. Но я узнала его в одном тайном месте, и заплатила за это знание страшной ценой. И я молчала, пока меня не заставили. Я сражалась с ней до конца, всем, что было в моей власти. Кровь рекой лилась из жил моих врагов…

– Что за скотина, – пробормотала Полли.

– Последнее великое сражение шло три дня здесь, в Чарне. И все три дня я созерцала его с этой террасы. Я молчала, покуда не погиб мой последний солдат, покуда эта проклятая женщина, моя сестра, не поднялась со своими разбойниками до середины этой лестницы, ведущей из города к дворцу. Я дождалась, когда мы стали лицом к лицу, когда она, сверкнув своими злобными глазами, не выкрикнула: «Победа!» «Победа, – отвечала я, – только твоя ли?» И уста мои произнесли Недоброе Слово. И спустя мгновение я осталась единственным живым существом под солнцем.

– А как же люди? – выдохнул Дигори.

– Какие такие люди? – не поняла королева.

317

– Простые люди, – возмутилась Полли, – которые вам никакого зла не сделали. И женщины, и дети, и звери…

318

– Как же ты не можешь этого постигнуть? – королева по-прежнему обращалась к Дигори. – Ведь я была королевой. И это был мой народ, живший, чтобы исполнять мою волю.

– Не повезло же им, однако, – сказал Дигори.

320

– Ах, я забыла, что ты и сам мальчик из простонародья. Откуда тебе понять интересы государства. Затверди, отрок, что великой королеве позволяется много больше, чем черни. Ибо на наших плечах – тяжесть всего мира. Для нас нет законов, и мы одиноки в своем высоком уделе.

321

Дигори вдруг припомнил, что дядюшка Эндрью выражался в точности теми же словами. Правда, в устах королевы Джадис они звучали куда внушительней. И то сказать, ведь в дядюшке не было двух с лишним метров росту, да и красотой он не отличался.

– Что же вы сделали потом? – спросил Дигори.

323

– Всем своим волшебством заколдовала я тот зал, где сидят изображения моих предшественников. Сила этих заклинаний погрузила и меня в сон среди них, чтобы я не нуждалась ни в тепле, ни в пище, покуда, будь то хоть через тысячу лет, не пришел бы кто-то, дабы разбудить меня звоном колокола.

– А солнце у вас такое из-за Недоброго Слова? – спросил Дигори.

– Какое, мальчик?

– Такое большое, багровое и холодное.

327

– Оно вечно пребывало таким, – сказала королева, многие сотни тысячелетий. Что за солнце сияет в вашем мире, мальчик?

– Оно поменьше и пожелтее. И гораздо жарче.

329

И тут королева испустила не то вздох, не то рев, и лицо ее исказилось той же жадностью, какую он недавно видел на физиономии дядюшки Эндрью.

330

– Значит, ваш мир моложе, – она помедлила, чтобы снова бросить взгляд на разрушенный город. Если совесть и мучила королеву, то по ее лицу угадать это было бы решительно невозможно. – Что ж, пошли. Здесь холодно, здесь настает конец всех веков…

– Куда пошли? – хором спросили дети.

– Куда? – поразилась Джадис. – В ваш мир, конечно же.

333

Дети в ужасе переглянулись. Полли-то королеву невзлюбила с первого взгляда, но даже Дигори, выслушав историю Джадис, не испытывал никакого желания продолжать это знакомство. Она явно была не из тех, кого хочется видеть у себя в гостях. Да дети и не знали, как можно было бы взять ее с собой. Им самим нужно было домой попасть, но Полли не могла дотянуться до своего кольца, а Дигори без нее никуда бы не отправился.

334

– Н-н-наш мир, – пробормотал мальчик, краснея, – я… я думал, вы туда не хотите…

– Но зачем же вы явились, разве не забрать меня с собою?

– Вам не понравится наш мир, – сказал Дигори, – точно, Полли? Там скучно, и смотреть не на что.

– Скоро там будет на что смотреть, когда я стану его владычицей, – отвечала королева.

– Но вы не сможете, – возразил Дигори, – у нас другие порядки. Никто вас на трон не пустит.

Королева презрительно улыбнулась.

– Немало могучих королей думало, что они могут покорить Чарн,

– сказала она. – Все они пали, и их имена покрыты тьмой забвения. Глупый детеныш! Разве не видишь ты, что с моей красотой и с моими чарами весь ваш мир через год уже будет у моих ног? Приготовься вымолвить свои заклинания и немедленно доставь меня туда.

– Ужас какой-то, – шепнул Дигори девочке.

341

– Возможно, ты страшишься своего родича, – сказала Джадис. – Но если он выскажет мне должное почтение, я сохраню ему и жизнь, и трон. Я прихожу не для схватки с ним. Должно быть, он великий чародей, если сумел послать вас сюда. Правит ли он всем твоим миром или только частью?

– Он вообще никакой не король, – ответил Дигори.

343

– Ты лжешь. Чародейство требует королевской крови. Кто слышал о чародеях-простолюдинах? Но сквозь твои слова я различаю истину. Твой дядя – великий властелин и волшебник твоего мира. Призвав свое искусство, он увидел тень моего лица в некоем волшебном зеркале или заколдованном водоеме и, возлюбив мою красоту, произнес могучее заклинание, до основания потрясшее ваш мир, чтобы вы сумели преодолеть пропасть между мирами и испросить моего благосклонного согласия прибыть к нему. Отвечай, так ли это было?

– Н-не совсем, – смутился Дигори.

– Не совсем? – передразнила Полли. – Да все это чушь собачья, от начала до конца!

346

– Негодяйка! – Королева повернулась к Полли и ухватила ее за волосы на макушке, там, где больнее всего. При этом она поневоле отпустила руки детей. «Давай!» – крикнул Дигори. «Вперед!» – подхватила Полли. И они засунули руки в карманы. Стоило им только коснуться колечек, и весь этот жуткий мир мгновенно исчез. Они понеслись вверх, где нарастало теплое зеленое сияние.

Глава шестая. КАК НАЧАЛИСЬ НЕСЧАСТЬЯ ДЯДИ ЭНДРЬЮ

– Пустите! Пустите! – кричала Полли.

– Да не трогаю я тебя, – отвечал Дигори.

350

И головы их вынырнули из пруда в солнечную тишину Леса Между Мирами, которая после того затхлого и разрушенного мира, что они оставили, показалась им еще глубже и теплее. Мне кажется, что они бы с удовольствием снова забыли, кто они такие и откуда явились, чтобы снова лечь на землю и погрузиться в радостный полусон, прислушиваясь к растущим деревьям. Но им было на этот раз не до сна. Едва выбравшись из пруда на траву, они обнаружили, что отнюдь не одиноки. Королева – или ведьма, выбирайте сами – перенеслась сюда вместе с ними, крепко ухватившись за волосы Полли. Вот почему девочка так отчаянно кричала свое «Пустите!»

Попутно, между прочим, выяснилось одно свойство колечек, о котором дядюшка Эндрью не знал, и потому не сказал о нем Дигори. Чтобы перенестись из одного мира в другой, достаточно было не надевать кольца или касаться его, а просто дотронуться до того, кто к нему притронулся. Колечки в этом смысле действовали вроде магнитов. Кто не знает, что уцепившаяся за магнит булавка притягивает и другие булавки тоже.

352

В Лесу Между Мирами королева изменилась. Она так побледнела, что от ее красоты осталось совсем мало. И дышала она с трудом, словно здешний воздух душил ее. Дети совсем перестали ее бояться.

353

– Отпустите! Отпустите мои волосы! – твердила Полли. – Чего вы за них ухватились?

– Ну-ка, – подхватил Дигори, – отпустите-ка ее. Сию секунду!

355

Пришлось детям заставить королеву силой – вдвоем они оказались сильнее своей противницы. Она отпрянула, задыхаясь, с ужасом в глазах.

– Быстро, Дигори, – сказала Полли, – смени кольца и давай нырять в наш пруд.

357

– Помогите! Помогите! – закричала ведьма слабым голосом, ковыляя за ними. – Будьте милосердны, возьмите меня с собой, я погибну в этом страшном месте!

– А интересы государства? – съязвила Полли. Помните, как вы прикончили всех жителей своего мира? Торопись, Дигори!

Они уже надели зеленые колечки, когда Дигори вдруг охватил приступ жалости.

– Слушай, что же мы делаем?

– Не будь идиотом, – отвечала Полли. – Зуб даю, что она притворяется. Давай, давай же!

И дети прыгнули в отмеченный заранее пруд. «Здорово, что мы его не потеряли», – подумала Полли. Но во время прыжка Дигори вдруг почувствовал, что кто-то ухватил его холодными пальцами за ухо. Покуда они спускались все глубже, и в воздухе начали появляться смазанные очертания нашего мира, хватка этих пальцев становилась все крепче. К ведьме явно возвращалась ее былая сила. Дигори вырывался, брыкался, но все без малейшего толку. Спустя мгновение они уже были в кабинете дядюшки Эндрью, и сам хозяин этого кабинета в изумлении смотрел на невиданное существо, принесенное Дигори из другого мира.

Его можно было понять. Полли и Дигори тоже замерли, пораженные. Ведьма, без сомнения, оправилась от своей слабости, и от ее вида в нашем мире, в окружении обыкновенных вещей, попросту захватывало дух. Она и в Чарне-то вызывала тревогу, а в Лондоне – просто ужас. Во-первых, дети только сейчас поняли, какая она огромная. «Верно, она и не человек вовсе?» – подумал Дигори. Между прочим, он, возможно, был прав. Мне доводилось слышать, что короли Чарна ведут свой род от племени гигантов. Но главное было даже не в росте королевы, а в ее красоте, неистовстве и дикости. Дядя Эндрью то кланялся, то потирал ручки, и, по правде сказать, выглядел насмерть перепуганным. Рядом с ведьмой он казался сущей букашкой. И все же, как говорила потом Полли, был он выражением лица чем-то похож на королеву. Тем самым выражением, той меткой злых чародеев, которой королева не увидала на лице Дигори. Одно хорошо: дети теперь не боялись дядюшки Эндрью, как не испугается гусеницы тот, кто видел гремучую змею, а коровы – видевший разъяренного быка.

361

Дядя знай потирал ручки да кланялся, пытаясь выдавить что-то очень вежливое из своего пересохшего рта. Его эксперимент с колечками прошел успешнее, чем ему бы хотелось, потому что хоть он и занимался чародейством долгие годы, но опасностям предпочитал подвергать других. Ничего даже отдаленно похожего никогда с ним раньше не случалось.

362

И тут Джадис заговорила. В ее негромком голосе было нечто, от чего задрожала вся комната.

363

– Где чародей, что перенес меня в этот мир?

– Э… э… мадам, – пролепетал дядюшка, – чрезвычайно польщен… премного обязан… такая нежданная честь… и если бы я смог подготовиться к вашему визиту, я бы…

365

– Где чародей, глупец?

– Э… это, собственно, я и есть, мадам… надеюсь, вы простите ту вольность, с которой с вами обращались эти испорченные дети… уверяю вас, что со своей стороны…

– Ты? – Голос королевы стал еще грознее.

Одним скачком она пересекла комнату, схватила старика за седые космы и откинула его голову назад, вглядываясь ему в лицо точно так же, как в лицо Дигори в своем королевском дворце. Дядя только моргал и беспокойно облизывал губы. Она отпустила его так неожиданно, что он стукнулся спиной о стену.

368

– Вижу, – сказала она с презрением, – какой ты чародей. Стой прямо, пес, не вольничай, словно говоришь с равными! Кто научил тебя колдовать? Готова поклясться, что в тебе нет ни капли королевской крови.

– Ну… в строгом смысле слова, – заикался дядя, не совсем королевской, мадам, но мы, Кеттерли, знаете ли, весьма древний род… из Дорсетшира…

– Умолкни, – сказала ведьма. – Вижу, кто ты такой. Ты мелкий чародей-любитель, колдующий по книгам и чужим правилам. Подлинного чародейства нет в твоей крови и сердце. Такие, как ты, перевелись в моем королевстве уже тысячу лет назад. Но здесь я позволю тебе быть моим рабом.

– Буду исключительно счастлив… рад оказать вам любую услугу… любую, уверяю вас…

– Умолкни! Твой язык невоздержан. Выслушай мой первый приказ. Я вижу, что мы прибыли в большой город. Немедленно добудь мне колесницу, или ковер-самолет, или хорошо объезженного дракона, или то, что по обычаям ваших краев подходит для королей и благородных вельмож. Затем доставь меня в те места, где я смогу взять одежду, драгоценности и рабов, подобающих мне по моему званию. Завтра я начну завоевание этого мира.

– Я … я пойду закажу кэб, – выговорил дядя.

374

– Стой, – приказала ведьма, когда он направился к двери. – Не вздумай предать меня. Глаза мои видят сквозь стены, я умею читать людские мысли. Я повсюду буду следить за тобой, и при первом знаке ослушания наведу на тебя такие чары, что где бы ты ни присел, ты сядешь на раскаленное железо, и где бы ни лег – в ногах у тебя будут невидимые глыбы льда. Теперь ступай.

375

Старик вышел, напоминая собаку с поджатым хвостом.

Теперь дети боялись, что Джадис отомстит им за случившееся в лесу. Но она, похоже, совсем забыла об этом. Лично я полагаю, – и Дигори со мной согласен, – что в ее голову просто не могло уместиться такое мирное место, сколько бы раз она там ни бывала. Оставшись наедине с детьми, королева не обращала на них ни малейшего внимания. Неудивительно! В Чарне она до самого конца не замечала Полли, потому что пользы ждала только от Дигори. А теперь, когда у нее имелся дядюшка Эндрью, ей и Дигори был не нужен. Я думаю, все ведьмы такие. Им интересно только то, что может пригодиться; это ужасно практичный народ. Так что в комнате одну-две минуты царило молчание, только Джадис нетерпеливо постукивала об пол ногой.

– Куда же пропал этот скудоумный старик? Надо было взять с собой хлыст! – И она кинулась из комнаты на поиски дядюшки, так и не бросив ни единого взгляда на детей.

378

– Ух! – Полли вздохнула с облегчением. – Мне домой пора. Страшно поздно, еще от родителей влетит.

379

– Ладно, только, пожалуйста, возвращайся поскорее, – сказал Дигори. – Ну и гадина! Слушай, надо что-то придумать.

– Пускай твой дядюшка думает, – ответила Полли. – Не мы же с тобой затевали все эти чародейские штучки.

381

– Но ты все-таки возвращайся, а? Ты же видишь, что происходит…

382

– Я отправлюсь домой через наш проход, – сказала Полли с холодком, – так быстрее. А если ты хочешь, чтобы я вернулась, то не мешало бы извиниться.

– За что? – воскликнул Дигори. – Ох уж эти девчонки! Да что я такого сделал?

– Ничего особенного, разумеется, – ехидно сказала Полли. – Только руку мне чуть не оторвал в этом зале с восковыми фигурами. И в колокол ударил, как последний идиот. И в лесу замешкался, чтобы эта ведьма успела тебя ухватить перед тем, как мы прыгнули в пруд. Вот и все.

385

– Хм, – удивился Дигори, – ладно, прошу прощения. В зале с фигурами я правда вел себя по-дурацки. А ты уж не вредничай, возвращайся. Не то мои дела плохи будут.

– Да что с тобой может случиться? Это ведь не тебе, а дядюшке твоему сидеть на раскаленном железе и спать на льду, так?

387

– Это здесь ни при чем, – сказал Дигори. – Я насчет мамы своей беспокоюсь. Если эта ведьма к ней зайдет в комнату, она ее до смерти перепугает.

– Ладно, – голос Полли переменился. – Хорошо. Перемирие. Я вернусь, если смогу. А покуда мне пора. – И она протиснулась сквозь дверцу туннеля. Это темное место среди балок, которое казалось ей таким заманчивым всего несколько часов назад, теперь выглядело будничным и неприглядным.

389

А теперь вернемся к дядюшке Эндрью. Когда он спускался с чердака, сердце у него колотилось, как бешеное, а с морщинистого лба катились крупные капли пота, которые он утирал платком. Войдя в свою спальню, расположенную этажом ниже, он закрыл дверь на ключ и первым делом полез в комод, где прятал от тетушки Летти бутылку и бокал. Налив себе полный бокал какого-то противного взрослого зелья, он выпил его одним махом, а затем глубоко вздохнул.

390

«Честное слово, – сказал он самому себе, – я жутко взволнован. Страшно расстроен. И это в моем-то возрасте!»

Налив второй бокал, он осушил и его, а потом принялся переодеваться. Вы такой одежды никогда не видели, а я их еще помню. Дядя надел высокий-высокий блестящий белый воротничок, жесткий, из тех, что заставляют вас все время держать подбородок кверху. Следующим на очереди был вышитый белый жилет, на который дядя выпустил золотую змейку цепочки от часов. Затем он облачился в свой наилучший фрак, который приберегал для свадеб и похорон. После этого он вынул и почистил свой парадный цилиндр, а в петлицу фрака вставил цветок из букета, который тетя Летти поставила в вазу на его комод. Достав из маленького ящика комода белоснежный носовой платок, из тех, каких теперь уже не купить, он покапал на него одеколоном. Напоследок дядюшка Эндрью вставил в глаз монокль на толстом черном шнурке и взглянул на себя в зеркало.

Дети, как вы хорошо знаете, делают глупости по-своему, а взрослые по-своему. Дядя Эндрью в тот момент как раз был готов на всякие взрослые глупости. Теперь, когда ведьмы рядом не было, он позабыл о том, как она его перепугала, и думал только о ее небывалой красоте. «Да, скажу я вам, поразительная женщина, – твердил он про себя, – дивная женщина! Чудное создание!» Он как-то ухитрился позабыть и то, что привели это «чудное создание» дети – ему казалось, что сделал это он сам, своими заклинаниями.

393

«Эндрью, мой мальчик, – сказал он про себя, вглядываясь в зеркало, – для своих лет ты чертовски хорошо сохранился! Ты господин весьма достойной внешности!»

394

Видите ли, старый дурень искренне начинал верить в то, что ведьма может в него влюбиться. То ли два бокала были виноваты в таких мыслях, то ли его лучшее платье, а может, и его павлинье тщеславие, из-за которого, собственно, он и стал чародеем.

Он отпер дверь, спустился, послал служанку за кэбом (тогда у всех были слуги) и заглянул в гостиную, где, как и следовало ожидать, увидал тетушку Летти. Стоя у окошка на коленях, она чинила старый матрас.

– Летиция, дорогуша, начал он, видишь ли, мне, как бы выразиться, надо выйти. Одолжи-ка мне фунтов пять… будь умницей…

397

– Нет, Энди, – сказала тетя Летти твердым голосом, не отрываясь от своей работы – я сто раз говорила тебе, что денег взаймы ты от меня никогда не получишь.

– Прошу тебя, не дури, дорогуша, – настаивал дядюшка, – это чрезвычайно важное дело. Я могу из-за тебя оказаться в исключительно, крайне неудобном положении.

399

Эндрью, – тетя поглядела ему прямо в глаза, – как тебе не стыдно просить денег у меня?

400

За этими словами скрывалась длинная и скучная взрослая история. Вам о ней достаточно знать только то, что дядюшка Эндрью некогда «пекся о делах дражайшей Летти», при этом сам не работал, платил из ее денег за свои сигареты и коньяк, так что в конце концов тетя Летти теперь была куда беднее, чем тридцать лет назад.

– Дорогуша, – упрямился дядя, – ты не понимаешь. У меня сегодня будут непредвиденные расходы. Мне надо кое-кого немножко поразвлечь. Пожалуйста, не утомляй меня.

402

– Но кого, кого же, скажи на милость, ты собираешься развлекать? – спросила тетя Летти.

403

– Одного очень важного гостя… он только что прибыл…

404

– Важный гость! – передразнила тетя Летти. – К нам и в дверь-то никто не звонил за последний час.

405

Тут дверь внезапно распахнулась. Обернувшись, изумленная тетя Летти увидала в дверях огромную, роскошно одетую женщину с горящими глазами и обнаженными руками. Это была ведьма.

Глава седьмая. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПЕРЕД ДОМОМ

407

– Сколько еще мне ждать колесницы, раб? – прогремела ведьма. Дядя Эндрью чуть не лишился чувств от страха. В присутствии живой королевы из него мигом испарились все шаловливые мысли, которым он предавался перед зеркалом. Зато тетушка Летти сразу поднялась с колен и вышла на середину комнаты.

– Позволь осведомиться, Эндрью, кто эта молодая особа? – спросила она ледяным голосом.

– Знат-тная иност-транка… весьма важная гость-тья, – заикался он.

410

– Чушь! – отрубила тетя Летти и обернулась к ведьме. – Немедленно убирайся из этого дома, бесстыжая тварь, или я вызову полицию! – Она приняла ведьму за цирковую актрису. Особенно ее возмутили, между прочим, короткие рукава гостьи.

411

– Кто эта несчастная? – спросила королева. – На колени, ничтожество, или я сотру тебя в порошок!

412

– Потрудитесь в этом доме, девушка, обходиться без неприличных выражений, – сказала тетя Летти.

413

В ту же секунду, как показалось дяде Эндрью, королева стала еще выше ростом. Глаза ее засверкали. Она выбросила руку вперед тем же движением и с теми же словами, что недавно превратили в пыль ворота королевского дворца в Чарне. Но ничего не случилось. Только тетушка Летти, приняв ужасное заклинание за обыкновенные английские слова, сказала:

– Так и есть. Эта женщина пьяна. Да, пьяна! Даже говорить толком не может!

415

Должно быть, колдунья здорово перепугалась в тот миг, когда поняла, что в нашем мире ей не удастся превращать людей в пыль с такой же легкостью, как в своем. Но самообладания она не потеряла ни на секунду, и, не теряя времени, кинулась вперед, схватила тетю Летти, подняла ее над головой, словно тряпичную куклу, и бросила через комнату. Тетя еще не успела приземлиться, как в комнату заглянула служанка, (которой выпало на редкость интересное утро), чтобы сообщить, что приехал кэб.

– Веди меня, раб, – сказала ведьма.

Дядюшка Эндрью залепетал что-то насчет «прискорбного насилия», с которым он «не может примириться», но потерял дар речи от одного-единственного гневного взгляда королевы.

Она вытащила его из комнаты, а затем и из дома, так что сбежавший по лестнице Дигори успел увидеть захлопывающуюся переднюю дверь.

– Ой! – выдохнул он. – Теперь она по Лондону бегает. Вместе с дядей. Что они натворят?

– Ах, господин Дигори, – сказала в свою очередь служанка, которая от души наслаждалась происходящим, – по-моему, мисс Кеттерли ушиблась.

И оба они побежали в гостиную выяснить, что случилось с тетей.

419

Упади тетушка Летти на голый пол или даже на ковер, она бы, верно, переломала себе все кости, но упала она, по счастливой случайности, на матрас. Нервы у нее были крепкие, как у многих тетушек в те добрые старые времена, так что, понюхав нашатыря и посидев пару минут, она заявила, что с ней не произошло ровным счетом ничего страшного, разве что несколько синяков. Вскоре она уже начала действовать.

– Сарра, сказала она служанке (которая, заметим, не выглядела счастливой), – немедленно отправляйся в полицейский участок и сообщи, что в городе находится буйная сумасшедшая. Завтрак моей сестре я отнесу сама. (Ее сестра, как вы поняли, была мама Дигори).

421

Когда она управилась с этим делом, они с Дигори позавтракали тоже. После этого мальчик принялся за размышления.

422

Требовалось как можно скорее отправить ведьму обратно в ее мир, или уж, по крайней мере, выгнать из нашего. Никак нельзя ей позволить бесчинствовать в доме, а то ее могла увидеть мама.

И более того, нельзя было позволить ей бесчинствовать в Лондоне. Дигори не был в гостиной, когда ведьма пыталась «стереть в порошок» тетушку Летти, зато он видел, как она превратила в прах ворота дворца в Чарне. Так что о ее волшебных силах он знал, не знал только, что она их в нашем мире потеряла. А ведь она ясно говорила, что хочет завоевать наш мир. Вдруг она сейчас превращает в прах Букингемский дворец или Парламент? А полицейских сколько она уже успела в пыль превратить? С этим он, конечно, ничего поделать не мог. Ну, а с другой стороны, ведь действовали же кольца на манер магнитов. «Если бы мне только удалось до нее дотронуться, – думал Дигори, – а потом надеть мое желтое колечко, мы бы снова оказались с нею вместе в Лесу Между Мирами, а там, наверное, она снова ослабеет. Может, конечно, и нет, может, это просто потрясение на нее так тогда подействовало… Придется рискнуть в любом случае. Только как мне найти эту скотину? Тетя меня на улицу не пустит, если не сказать ей, куда я отправлюсь. И денег у меня всего два пенса. Ни на омнибус не хватит, ни на конку, а ведь надо будет пол-Лондона объехать. И где ее вообще начинать искать? И дядюшка – с ней он до сих пор или нет?»

424

Выходило, что ему ничего не оставалось, кроме как сидеть дома, надеясь, что дядюшка Эндрью вместе с ведьмой вернутся обратно. В таком случае Дигори должен был подбежать к королеве, дотронуться до нее и надеть желтое колечко еще до того, как та вошла бы в дом. Значит, ему следовало следить за парадной дверью, как кошке за мышиной норкой, ни на секунду не сходя с места. Дигори отправился в столовую и, что называется, прилип к оконному стеклу. Окно было старомодное, фонарное, из него хорошо были видны и ступеньки крыльца, и улица. Никто не проскользнул бы мимо него к парадной двери незамеченным. «Что-то сейчас Полли делает?» – думал Дигори.

Этим размышлениям он посвятил чуть не половину первого, самого медленного получаса ожидания. Но вам над судьбой Полли ломать голову не стоит, потому что я немедленно готов все о ней рассказать. Она опоздала к обеду, и кроме того явилась домой с мокрыми чулками и башмаками. А когда ее спросили, где она шаталась и чем занималась, она ответила, что гуляла с Дигори Керком, ноги же промочила в пруду, что пруд этот в лесу, а где лес – она не знает. «Может он был в парке?» – спросили ее. Она вполне честно ответила, что при желании это место можно назвать и парком. Так что мама Полли решила, что девочка убежала, никого не спросясь, в какую-то неизвестную часть Лондона, забрела в незнакомый парк, где и прыгала по лужам. В конце концов ее отчитали, пригрозив запретить играть «с этим мальчишкой Керком», если подобное повторится. За обедом ей не дали сладкого, а после обеда отправили на два часа в постель. Такие штуки в те годы случались с детьми сплошь и рядом.

Таким-то вот образом, покуда Дигори наблюдал из окна гостиной за крыльцом и улицей, Полли лежала в постели, и оба они думали о том, как страшно медленно тянется время. Лично я, наверное, предпочел бы быть на месте Полли. Ей-то было нужно всего-навсего дождаться, пока истекут положенные два часа наказания. А Дигори чуть не каждую минуту, услышав то стук колес тележки булочника, то случайную карету, то шаги мальчишки из мясной лавки, вздрагивал: «Ну, вот она!» А между этими ложными тревогами только безумно медленно тикали часы, да огромная муха билась о верхний край окна. Дом этот был из тех, где после полудня стоит мертвая тишина, скука и запах вареной баранины.

427

Покуда Дигори томился своим ожиданием, случилось одно мелкое происшествие, о котором я расскажу из-за его важных последствий в дальнейшем. Знакомая дама принесла винограду для мамы Дигори, и сквозь приоткрытую дверь гостиной Дигори услыхал обрывок разговора гостьи с тетушкой Летти.

«Какой чудный виноград! – говорила тетя. – Если и могло бы что-нибудь ей помочь, то эти ягоды – лучше всего. Ах, бедненькая моя Мейбл! Разве что плоды из краев вечной юности могли бы ее спасти, а в этом мире ей уже ничего… – Тут обе они понизили голос, и Дигори больше ничего не сумел услышать.

429

Край вечной юности! Еще вчера Дигори, услышав такое, подумал бы, что тетя Летти несет обычную взрослую чепуху, ничего не имея особенного в виду. Он и сейчас чуть было так не подумал, но вдруг сообразил, что ведь он-то достоверно знает – в отличие от тетушки Летти, – что другие миры есть, он даже был в одном из них! А если так, то и край вечной юности мог где-то существовать! Все, что хочешь, могло существовать. В каком-то из других миров Дигори мог бы найти плоды, которые и впрямь вылечили бы маму. И… и… ну, вы сами знаете, как возникает безумная надежда на что-то очень хорошее, и как вы чуть ли не боретесь с ней, чтобы в очередной раз не расстроиться. Именно так и чувствовал себя Дигори. Только побороть свою надежду ему не удавалось – а вдруг, продолжал думать он, а вдруг это правда. С ним уже успело случиться столько удивительного. И кольца волшебные у него были. Должно быть, каждый пруд в лесу вел в свой собственный мир. Дигори мог попробовать попасть в каждый из них, и потом – мама бы выздоровела. Все бы стало по-старому. Он совершенно забыл о том, что караулит ведьму, и рука его сама собой потянулась в карман с желтым кольцом, когда вдруг раздался цокот копыт.

430

«Это еще что? – подумал он. – Пожарники? Интересно, где горит. Ой, все ближе… ого, да это Она!»

Вам можно не объяснять, кого он имел в виду.

432

Сначала Дигори увидел кэб. Козлы кучера пустовали, зато на крыше коляски стояла – именно стояла, а не сидела – Джадис, королева королев и Страх Чарна. Она великолепно держала равновесие, покуда коляска на полной скорости вынеслась из-за угла, сильно покосившись набок. Королева сверкала белыми зубами, из глаз ее, казалось, вылетало пламя, а длинные волосы развевались сзади вроде хвоста кометы Она безжалостно хлестала лошадь кнутом, и бедное животное, раздувая ноздри и стряхивая с боков пену, во весь опор подлетело к передней двери, чуть не своротив фонарный столб, и встало на дыбы. Карете повезло меньше: она задела столб и развалилась на куски. Ничуть не растерявшись, королева вовремя спрыгнула с крыши и перескочила на спину лошади. Едва устроившись в седле, она склонилась к уху лошади, нашептывая ей слова, от которых та не успокоилась, а напротив, вновь встала на дыбы и испустила ржание, похожее на крик боли. Казалось, лошадь превратилась в комок копыт, зубов и развевающейся гривы – но и тут королева удержалась, как самый замечательный наездник.

Не успел Дигори и охнуть, как из-за угла выскочил второй кэб, из которого выпрыгнул толстый господин во фраке и полицейский. За вторым последовал третий, где полицейскими были оба седока, за ним же – человек двадцать на велосипедах, в основном мальчишки-разносчики. Все они вовсю звонили и орали. Завершила процессию толпа пеших, раскрасневшихся от бега, но явно получавших удовольствие от всех этих событий. В домах стали захлопываться окна, и на каждом крыльце появлялись либо служанка, либо дворецкий. Им тоже хотелось поразвлекаться.

434

Тем временем из развалин первой кареты принялся кое-как выкарабкиваться пожилой господин. На помощь ему бросился добрый десяток доброжелателей; правда, без их услуг он, пожалуй, справился бы лучше, потому что все они тянули его в разные стороны Дигори решил, что это дядюшка Эндрью, но лица его увидеть ие смог, потому что на него была с силой нахлобучена черная шляпа.

435

Дигори выбежал на улицу и присоединился к толпе.

– Вот она! Вот она! – кричал толстяк, тыча пальцем в королеву Джадис. – Арестуйте ее, констебль! Сколько она всего забрала в моем магазине, на сотни фунтов, на тысячи… жемчуг у нее на шее – это мое ожерелье… и синяк она мне поставила!

– И точно, начальник! – обрадовался кто-то из толпы. – Классный синячище! Не слабая бабенка!

438

– Приложите к нему сырого мяса, хозяин, – посоветовал мальчишка из мясной лавки.

– Ничего не пойму, – сказал старший по званию полицейский. – Что тут творится?

– Да говорю же я, она… – начал толстый господин, но тут его перебил голос из толпы:

441

– Эй! Не пускайте этого старого хрыча из кэба! Это он ее туда посадил!

442

Престарелый джентльмен, который несомненно был-таки дядюшкой Эндрью, только с трудом встал и теперь растирал свои синяки. «Ну, – обратился к нему полицейский, – так что же здесь происходит?»

– Умпф, пумф, шумпф, – раздался голос из-под шляпы.

– Бросьте шутить, – сказал полицейский сурово. – Вам скоро будет не до смеха. Ну-ка, снимите это немедленно.

Легко сказать! Дядя Эндрью возился со своим цилиндром без всякого успеха, покуда его не сдернули за поля двое полицейских.

– Благодарю вас, благодарю, – слабым голосом произнес дядюшка. – Благодарю вас. О, Господи, я потрясен. Если бы кто-нибудь принес мне крошечную рюмочку коньяку…

447

Минутку, сэр, – полицейский извлек откуда-то очень большой блокнот и совсем крошечный карандашик. – Кто отвечает за эту молодую особу? Вы?

– Берегись! – закричало сразу несколько голосов, и полицейский еле успел отскочить от рванувшейся прямо на него лошади. Тут ведьма развернула ее мордой к толпе, поставив задними ногами на тротуар, и принялась длинным сверкающим ножом разрезать постромки на шее животного, чтобы освободить его от обломков кареты

449

А Дигори все думал, как бы ему подобраться поближе к королеве и при случае дотронуться до нее. Задача была не из легких. С той стороны, где стоял мальчик, толпилось слишком много народу, а путь на другую сторону лежал через узкое пространство между заборчиком вокруг дома Кеттерли и конскими копытами. Если вы знаете лошадей, и если б вы видели, в каком состоянии находился этот несчастный конь, вы бы поняли весь страх Дигори. И все-таки, хоть он и знал лошадей, но решительно сжал зубы и выжидал момент для броска.

450

Сквозь толпу пробился краснолицый детина в шляпе-котелке.

– Знаешь, хозяин, – обратился он к полицейскому, – а ведь это моя лошадка, на которой она расселась, и карета моя, ты посмотри только, от нее одни щепки остались!

– По одному, пожалуйста, по одному, – отвечал полицейский.

– Куда там! – сказал извозчик. – Уж я-то свою лошадку знаю. У нее папаша в кавалерии служил. Ежели эта дамочка будет и дальше ее раззадоривать, она тут кому-нибудь все кости переломает. Пустите-ка, я разберусь.

Полицейский, нужно сказать, с облегчением пропустил его к лошади, и кэбмен не без сочувствия заговорил с ведьмой:

– Вот чего, барышня, дайте мне к ейной морде подойти, а сами слезайте. Вы барышня из благородных, ступайте домой, чайку испейте, отдохните в постельке, вот оно и лучше станет.

Он протянул руку к лошадиной морде, приговаривая: - Постой, Земляничка, не бузи… Тише, тише…

456

И тут впервые за все время заговорила ведьма.

457

– Пес! – Ее высокий холодный голос легко заглушил шум толпы.

– Пес, руки прочь от королевского скакуна! Перед тобой Императрица Джадис!

Глава восьмая. БИТВА У ФОНАРНОГО СТОЛБА

– Ого! – раздался голос из толпы. – Да неужто сама императрица? Ну и потеха!

– Ура императрице заднего двора! Ура!

Зардевшись, ведьма слегка наклонила голову – но тут крики превратились в хохот, она поняла, что над ней потешаются, и, изменившись в лице, переложила сверкающий нож из правой руки в левую. Дальше случилось что-то совсем жуткое. Легко и просто, будто в этом не было решительно ничего особенного, она протянула правую руку к столбу и отломала от него один из железных брусков. Да, волшебную силу она могла и утратить, но обыкновенная оставалась при ней, и железо она ломала, словно это была спичка.

Королева подкинула свое новое оружие в воздух, снова поймала, повертела в руке, как жезл, и направила лошадь вперед.

461

«Сейчас или никогда», – подумал Дигори. Пробежав между лошадью и заборчиком, он принялся медленно продвигаться вперед. Стоило коню на мгновение остановиться – и Дигори успел бы дотронуться до пятки ведьмы. Во время своего рывка он услыхал ужасающий звон и грохот. Ведьма опустила железный брусок на шлем полицейскому, и тот упал, как кегля.

462

– Быстрее, Дигори. Это невозможно! – сказал кто-то за его спиной. Это была Полли, убежавшая из дому сразу же после того, как ее выпустили из кровати.

– Молодчина, – шепнул Дигори. – Держись за меня покрепче. Тебе придется управляться с кольцом. Желтое, запомни. И не надевай его, пока я не крикну.

Раздался еще один звук удара, и свалился второй полицейский. Тут начала приходить в бешенство толпа. «Стащить ее! Булыжником по кумполу! Солдат, солдат вызвать!» И в то же время народ расступался все дальше. Только извозчик – явно самый храбрый и самый добросердечный из собравшихся – держался близко к лошади, и, увертываясь от железного бруска, пытался погладить свою Земляничку.

465

Толпа продолжала гудеть и бесноваться. Над головой у Дигори пролетел первый камень. Тут королева заговорила.

– Чернь! – Голос ее, похожий на звон огромного колокола, звучал почти радостно. – О, как дорого вы заплатите за это, когда я стану владычицей мира! Я не оставлю от вашего города камня на камне как случилось с Чарном, с Фелиндой, с Сорлойсом, с Брамандином!

И тут Дигори наконец поймал ее за ногу. Королева съездила ему каблуком прямо в зубы, разбила губу и раскровавила весь рот, так что мальчику пришлось отпустить ее. Где-то совсем рядом дядюшка Эндрью лепетал что-то вроде «Мадам… прелестница… нельзя же так… соберитесь с духом… « Дигори снова схватил ее за ногу, и снова его стряхнули. Железный брусок продолжал косить одного человека за другим. Дигори схватился в третий раз… сжал каблук мертвой хваткой… и выкрикнул:

– Полли! Давай!

Гневные и перепуганные лица мигом исчезли. Гневные, перепуганные голоса затихли. Только где-то в полутьме за спиной Дигори продолжал ныть дядюшка Эндрью. «Что это, белая горячка? Конец всему? Это невыносимо! Нечестно! Я никогда не хотел быть чародеем! Это недоразумение! Это моя крестная… должен протестовать… состояние здоровья… почтенный дорсетширский род… „ «Тьфу! – подумал Дигори. -Только его здесь не хватало. Ну и прогулочка! Ты тут, Полли?“ – добавил он вслух.

– Тут я. Не толкайся, пожалуйста.

– Я и не думал, – но не успел Дигори договорить, как их головы уже вынырнули в теплую солнечную зелень Леса Между Мирами.

– Смотри! – крикнула выходящая из воды Полли. – И лошадь тут, и мистер Кеттерли! И извозчик! Ну и компания!

470

Стоило ведьме увидеть лес, как она побледнела и склонилась к самой гриве лошади. Было видно, как она смертельно ослабела. Дядюшка Эндрью дрожал мелкой дрожью. Зато Земляничка радостно встряхнулась, испустила веселое ржание и успокоилась – впервые тех пор, как Дигори ее увидел. Прижатые уши выпрямились, жуткий огонь в глазах, наконец, погас.

– Вот и хорошо, лошадушка, – извозчик похлопал Земляничку по шее. – Молодчина. Так держать.

Тут лошадь сделала самую естественную вещь. Ей очень хотелось пить (и неудивительно), так что она добрела до ближайшего пруда и зашла в воду. Дигори все еще держал ведьму за пятку, а Полли сжимала руку Дигори. Кэбмен, в свою очередь, гладил Земляничку; что же до дядюшки, то он, продолжая дрожать, вцепился доброму извозчику в рукав.

– Быстро! – Полли взглянула на Дигори. – Зеленые!

Так и не пришлось Земляничке напиться. Вместо этого вся компания начала проваливаться во мглу. Лошадь заржала, дядюшка Эндрью взвизгнул. «Везет же нам», – сказал Дигори.

475

После нескольких минут молчания Полли удивленно спросила:

– Разве мы не должны уже где-то очутиться?

476

– Мы, по-моему, уже где-то очутились, – сказал Дигори. – Я, по крайней мере, стою на чем-то твердом.

– Хм, да и я, кажется, тоже, – отвечала Полли, – только почему же такая темень? Слушай, может, мы не в тот пруд забрались?

478

– Наверное, мы в Чарне, – предположил Дигори, – только здесь ночь.

– Это не Чарн, – раздался голос ведьмы, – это пустой мир, где царит Ничто.

480

И действительно, окружающее весьма напоминало именно Ничто. Звезд не было. Темнота царила такая, что нельзя было увидать друг друга, и все равно, открыты глаза, или закрыты. Под ногами дышало холодом нечто плоское – может быть, земля, но уж точно не трава и не дерево. В сухом прохладном воздухе не было ни малейшего ветерка.

481

– Судьба моя настигла меня, – сказала ведьма пугающе спокойным голосом.

482

– О, не надо так, моя дорогая, – залепетал дядюшка Эндрью. – Моя милая юная госпожа, умоляю вас воздержаться от подобных суждений! Неужели все на самом деле так плохо? Не верю! И… извозчик, любезный… нет ли у тебя случаем бутылочки, а? Капля спиртного – это именно то, что мне сейчас чертовски необходимо!

– Ну-ну, – раздался добрый, уверенный и спокойный голос извозчика. – Не падайте духом, ребята! Кости у всех целы? Отлично! За одно это стоит спасибо сказать – вон мы с какой высоты свалились. Скажем, мы в какой-то котлован свалились, может, на новую станцию метро, так ведь придут же, в конце концов, и вызволят нас всех, точно? Ну, а ежели мы уже отдали концы – что очень даже могло случиться – что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать. И чего, спрашивается, бояться, если за плечами честная жизнь, а? А покуда давайте-ка время скоротаем и споем песнопение. Хорошо?

И он тут же затянул церковное песнопение, благодарственный гимн в честь сбора урожая, который «весь лежал в амбарах». Гимн вряд ли подходил к месту, где никогда не выросло ни одного колоса, но извозчик помнил его лучше всех остальных. Голос у него был сильный и приятный. Подпевая, дети приободрились. Дядюшка и ведьма подпевать не стали.

485

На последнем куплете гимна Дигори почувствовал, как кто-то хватает его за локоть. По запаху коньяка, сигар и дорогого белья он понял, что это дядюшка Эндрью, пытающийся тайком отвести его в сторону. Когда они отошли на пару шагов от остальных, дядя склонился так близко к уху Дигори, что тому стало щекотно, и прошептал:

– Ну же, мальчик! Надевай свое кольцо! Давай отправляться.

Дядя недооценил хороший слух королевы.

– Глупец! – воскликнула она, спрыгивая с лошади. – Ты позабыл, что я умею читать людские мысли? Отпусти мальчишку. Если ты вздумаешь предать меня, то месть моя будет самой страшной со времен сотворения всех миров!

– Кроме того, – добавил Дигори, – ты очень даже зря принимаешь меня за такую жуткую свинью, которая могла бы оставить в таком месте Полли, извозчика и Земляничку.

– Ты весьма, весьма избалованный и неблаговоспитанный мальчик, – сказал дядя Эндрью.

– Тише! – сказал извозчик. И все они стали прислушиваться.

491

Что-то наконец начало происходить в темноте. Чей-то голос начал петь, так далеко, что Дигори даже не мог разобрать, откуда он доносится. Порою казалось, что он струится со всех сторон. Норою Дигори мерещилось, что голос исходит из земли у них под ногами. Самые низкие ноты этого голоса были так глубоки, что их могла бы вызвать сама земля. Слов не было. Даже мелодии почти не было. Но Дигори никогда не слышал таких несравненных звуков. Они пришлись по душе и лошади: Земляничка так радостно заржала, словно после долгих лет в упряжи кэба она вернулась на старый луг, где играла еще жеребенком, и словно кто-то, кого она помнила и любила, шел к ней через луг с куском сахара в руке.

– Господи! – воскликнул извозчик. – Ну и красота!

. – И тут в один миг случилось сразу два чуда. Во-первых, к поющему голосу присоединилось несчетное множество других голосов. Они пели в тон ему, только гораздо выше, в прохладных, звонких, серебристых тонах. Во-вторых, черная тьма над головой вдруг мгновенно осветилась мириадами звезд. Вы знаете, как звезды одна за другой мягко проступают в летний вечер; но здесь было не так, здесь в глухой тьме сразу засияли многие тысячи светлых точек – звезды, созвездия, планеты, и все они были ярче и крупнее, чем в нашем мире. Облаков не было. Новые звезды и новые голоса возникли в точности в одно и то же мгновение. И если бы вы были свидетелем этого чуда, как Дигори, то и вы бы подумали, что поют сами звезды и что Первый Голос, густой и глубокий, вызвал их к жизни и пению.

– Чудо-то какое дивное, – сказал извозчик, – знал бы я раньше, что такое бывает, другим бы был человеком.

Голос на земле звучал все громче, все торжественней, но небесные голоса уже кончили подпевать ему и затихли. И чудеса продолжились.

496

Далеко-далеко, у самого горизонта, небо стало сереть. Подул легкий, очень свежий ветерок. Небо над горизонтом становилось бледнее и бледнее, так что вскоре на его фоне начали проступать очертания гор. Голос все продолжал свое пение.

497

Вскоре стало так светло, что можно было различить лица друг друга. Извозчик и двое детей стояли, раскрыв рты, с сияющими глазами, впитывая в себя каждый звук и будто пытаясь что-то вспомнить. Разинул рот и дядюшка Эндрью, но не от радости. Выглядел он так, словно у него отвалилась челюсть. Колени у дядюшки дрожали, голову он спрятал в плечи. Голос очень не нравился старому чародею, и он охотно уполз бы от него куда угодно, хоть и в крысиную нору. А вот ведьма, казалось, понимала Голос лучше всех остальных, только по-своему. Стояла она, крепко стиснув зубы и сжав кулаки, словно с самого начала чувствовала, что весь этот мир исполняется волшебства, которое сильнее ее собственных чар, и совсем на них непохоже. Бешенство переполняло колдунью. Она бы с радостью разнесла на куски и этот мир, и все остальные, лишь бы только остановить пение. А у лошади подрагивали уши. Она то и дело весело ржала и била копытом по земле, словно была не заезженной лошадью извозчика, а достойной дочерью своего отца из кавалерии.

498

Небо на востоке стало из белого розовым, а потом золотым. Голос звучал все громче и громче, сотрясая воздух, и когда он достиг небывалой мощи, поднялось солнце.

499

Никогда в жизни не видал Дигори такого солнца. Над развалинами Чарна солнце казалось старше нашего, а это солнце выглядело моложе. Поднимаясь, оно словно смеялось от радости. В свете его лучей, пересекающих равнину, наши путешественники впервые увидели мир, в котором очутились. Они стояли на краю долины, посреди которой текла на восток, к солнцу, широкая стремительная река. На юге высились горы, на севере – холмы. В этой долине ничего не росло, и среди земли, воды и камней не было видно ни деревца, ни кустика, ни былинки, хотя разноцветные краски земли, живые и жаркие, веселили сердце. Но тут появился сам Певец – и пришельцы позабыли обо всем остальном.

500

Это был лев. Огромный, лохматый, золотисто-желтый лев стоял лицом к восходящему солнцу, метров за триста от них, широко раскрыл свою пасть в песне.

501

– Какой ужасный мир! – сказала ведьма. – Бежим немедленно! Где твое волшебство, раб?

502

– Совершенно согласен с вами, мадам, – отозвался дядя, – в высшей степени неприятное место. Абсолютно нецивилизованное. Будь я помоложе, и имейся бы у меня ружье…

503

– Это зачем? – удивился извозчик. – Вы же не думаете, что можно стрелять в него?

– Никто не подумает, – сказала Полли.

505

– Где твои чары, старый глупец? воскликнула Джадис.

506

– Сию минуту, мадам, – дядя явно хитрил. – Оба ребенка должны меня коснуться. Дигори, немедленно надень зеленое кольцо. – Он все еще надеялся сбежать без ведьмы.

507

– Ах, так это кольца! – воскликнула Джадис и кинулась к Дигори. Она запустила бы к нему руки в карманы быстрее, чем вы успели бы произнести слово «нож», но Дигори схватил Полли и закричал:

508

– Осторожно! Если кто-то из вас двоих ко мне шагнет, мы оба вмиг исчезнем, а вы тут застрянете навсегда. Точно, у меня в кармане кольцо, которое доставит нас с Полли домой. Видите, я готов коснуться кольца, так что держитесь в сторонке. Мне очень жалко и извозчика, и лошадку, но что поделать. А вам, господа чародеи, должно быть, будет совсем неплохо в компании друг друга.

509

– Ну-ка потише, ребята, – сказал извозчик. Я хочу послушать музыку.

510

Ибо песня успела перемениться.

Глава девятая. КАК БЫЛА ОСНОВАНА НАРНИЯ

512

Расхаживая взад и вперед по этой пустынной земле, лев пел свою новую песню, мягче и нежнее той, что вызвала к жизни звезды и солнце. Лев ходил и пел эту журчащую песню, и вся долина на глазах покрылась травой, растекавшейся, словно ручей, из-под лап зверя. Волной взбежав на ближние холмы, она вскоре уже заливала подножия дальних гор, и новорожденный мир с каждым мигом становился приветливей. Трава шелестела под ветерком, на холмах стали появляться пятна вереска, а в долине какие-то темно-зеленые лужайки. Что на них росло, Дигори разглядел только когда один из ростков пробился у самых его ног. Этот крошечный острый стебелек выбрасывал десятки отростков, тут же покрывавшихся зеленью, и каждую секунду увеличивался примерно на сантиметр. Вокруг Дигори росла уже чуть не сотня таких, и когда они достигли почти высоты его роста, он их узнал. «Деревья!» – воскликнул мальчик.

Беда в том, рассказывала потом Полли, что наслаждаться всем этим дивом им не давали. Стоило Дигори сказать свое «Деревья!», как ему пришлось отпрыгнуть в сторону от дядюшки Эндрью, который, подкравшись, совсем было запустил руку мальчику в карман. Правда, дядюшке нисколько бы не помог успех его предприятия, потому что он метил в правый карман. Он же до сих пор думал, что домой уносят желтые кольца. Но Дигори, разумеется, не хотел отдавать ему ни желтых, ни зеленых.

514

– Стой! – вскричала ведьма. – Назад! Еще дальше! Тому, кто подойдет ближе, чем на десять шагов, к детям, я размозжу голову! Она держала наготове железный брусок, отломанный от фонарного столба. Почему-то никто не сомневался, что она не промахнется.

515

– Значит так! – добавила она. – Ты намеревался бежать в свой собственный мир с мальчишкой, а меня оставить здесь!

Характер дядюшки Эндрью, наконец, помог ему превозмочь свои страхи.

– Да, мадам, я намеревался поступить именно так, – заявил он, – именно так! Я обладаю на это неотъемлемым правом. Вы обращались со мной самым постыдным и неприемлемым образом, мадам. Я постарался показать вам все самое привлекательное в нашем мире. И в чем же состояла моя награда? Вы ограбили – я повторяю, ограбили весьма уважаемого ювелира. Вы настаивали на том, чтобы я пригласил вас на исключительно дорогостоящий, чтобы не сказать, разорительный обед, несмотря на то, что с этой целью мне пришлось заложить свои часы и цепочку. Между тем, мадам, в нашем семействе никто не имел прискорбной привычки к знакомству с ростовщиками, кроме моего кузена Эдварда, служившего в армии. В течение этой предельно неприятной трапезы, о которой я вспоминаю с растущим отвращением, ваше поведение и манера разговора привлекли недоброжелательное внимание всех присутствующих! Мне кажется, что моей репутации нанесен непоправимый урон. Я никогда вновь не смогу появиться в этом ресторане. Вы совершили нападение на полицию. Вы похитили…

– Помолчали бы, хозяин, перебил извозчик. – Посмотрите, какие чудеса творятся. Право, помолчите. Послушайте лучше, полюбуйтесь.

В самом деле, им было что послушать и чем полюбоваться. То дерево, которое первым появилось у ног Дигори, успело превратиться в развесистый бук, мягко шелестевший ветвями над головой мальчика. Путники стояли на прохладной зеленой траве, испещренной лютиками и ромашками. Подальше, на берегу реки, склонялись ивы, а с другого берега к ним тянулись цветущие ветки сирени, смородины, шиповника, рододендронов. Лошадь за обе щеки уплетала свежую траву.

А лев все пел свою песню, все расхаживал взад и вперед величавой поступью. Тревожно было, правда, то, что с каждым своим поворотом он подходил чуть ближе. А Полли вся обратилась в слух. Ей казалось, что она уже улавливает связь между музыкой и происходящим в этом мире. Когда на откосе метрах в ста появилась темная полоска елей, Полли сообразила, что за миг до этого лев издал несколько глубоких, длинных нот. А когда ноты повыше стали быстро-быстро сменять друг друга, она не удивилась, увидав, как повсюду внезапно зацвели розы. В невыразимом восторге она поняла, что все вокруг создает именно лев, «придумывает», как она позже говорила. Прислушиваясь к песне, мы различали только звуки, издаваемые львом, но вглядываясь в окружающее – видели жизнь, которая рождалась от этих звуков. И все это было так замечательно и дивно, что у Полли просто не было времени предаваться страхам. А вот Дигори и извозчик не могли побороть беспокойства, растущего с каждым шагом льва. Что же до дядюшки Эндрью, то он и вовсе стучал зубами от ужаса, и не убегал только из-за дрожи в коленках.

520

Вдруг ведьма смело выступила навстречу льву, который распевал, медленно расхаживая тяжелым шагом, всего метрах в десяти. Она подняла руку и метнула в него железным бруском, целясь прямо в голову.

521

На таком расстоянии никто бы не промахнулся, а уж Джадис – тем более. Брусок ударил льва точно между глаз, отскочил и упал в траву. Лев приближался – не медленнее, и не быстрее, будто вовсе не заметил удара. Его лапы ступали мягко, но земля, казалось, подрагивала под их тяжестью.

522

Колдунья взвизгнула и бросилась бежать, быстро скрывшись среди деревьев. За ней бросился было дядя Эндрью, да сразу споткнулся и плюхнулся ничком в ручей, впадавший в речку. А дети двигаться не могли, и даже, наверное, не хотели. Лев не обращал на них никакого внимания. Его огромная алая пасть была раскрыта для песни, а не для рыка. Дети могли бы дотронуться до его гривы, так близко он прошествовал. Они вроде и боялись, что он обернется, но в то же время как-то странно этого хотели. А он прошел мимо, словно не видел их и не чувствовал их запаха. Сделал несколько шагов, повернул обратно, снова миновал людей и пошел дальше на восток.

523

Дядюшка Эндрью, кашляя и стряхивая с себя воду, кое-как поднялся.

– Вот что, Дигори, – заявил он, – от этой дикой женщины мы избавились, а зверюга, лев этот, сам ушел. Так что дай мне руку и немедленно надевай кольцо.

525

– А ну-ка! – крикнул Дигори, отступая от дядюшки. – Держись от него подальше, Полли. Подойди, стань со мной. Я вас предупреждаю, дядя, стоит вам подойти еще на один шаг, и мы с Полли исчезнем.

– Исполняй немедленно, что тебе приказано! Ты крайне недисциплинированный и неблаговоспитанный мальчишка!

527

– Я вас не боюсь, – отвечал Дигори. – Мы хотим задержаться тут и посмотреть. Вы же интересовались другими мирами. Разве не здорово очутиться в одном из них самому?

– Здорово? – воскликнул дядюшка. – Обрати внимание на мое состояние, юноша. Эти лохмотья еще недавно были моим лучшим плащом и лучшим фраком!

Вид у него и впрямь был кошмарный. Оно и неудивительно – ведь чем наряднее одежда, тем меньше смысла выползать из разломанного кэба, а потом падать в ручей с илистым дном. «Я отнюдь не утверждаю, – добавил он, – что эта местность лишена познавательного интереса. Будь я помоложе… и если б мне удалось прислать сюда какого-нибудь крепкого молодца, из охотников на крупную дичь, чтобы он, так сказать, расчистил эти места… из них можно было сделать нечто достойное внимания. Климат великолепен. Никогда не дышал таким воздухом. Он, несомненно, пошел бы мне на пользу… при более благоприятных обстоятельствах. Жаль, весьма жаль, что мы не располагаем ружьем.

– О каких это вы ружьях, хозяин? – с упреком сказал извозчик.

– Я, пожалуй, пойду искупать лошадку. Этот зверь, между прочим, умнее многих людей. И он направился к лошади, издавая особенные звуки, хорошо известные конюхам.

530

– Вы что, до сих пор думаете, что этого льва можно застрелить? – спросил Дигори. – Той железной штуковины он даже не заметил.

– При всех ее недостатках, – оживился дядюшка Эндрью, эта весьма сообразительная молодая особа поступила крайне правильно.

Он потер руки и похрустел суставами, снова начисто забыв, как ведьма его страшила, пока была рядом.

– А по-моему, отвратительно, – сказала Полли. – Что он ей сделал?

533

– Ой! А это что такое? – Дигори рванулся к какому-то небольшому предмету шагах в трех от себя. – Полли, Полли! Идика сюда, взгляни!

Дядюшка тоже увязался за девочкой, не из пустого интереса, а потому, что хотел держаться к детям поближе и при случае стянуть у них колечки. Но когда он увидал, в чем дело, его глазки загорелись. Перед ними стояла точнехонькая маленькая копия фонарного столба, длиной около метра, которая на глазах удлинялась и толстела, иными словами, росла на манер дерева.

– Примечательно, весьма примечательно, – пробормотал дядюшка.

– Даже я никогда и мечтать не смел о таких чарах. Мы находимся в мире, где растет и оживает все, включая фонарные столбы. Остается загадкой, из каких же семян произрастают эти последние?

536

– Вы что, не поняли? Здесь же упал тот брусок, который она сорвала с фонарного столба. Он в землю погрузился, а теперь из него из него вырастает молодой фонарный столб.

Столб, между прочим, был уже не такой молодой – он успел вырасти выше Дигори.

– Вот именно! Ошеломляющий феномен, – дядя еще сильнее потер руки. – Хо-хо! Над моей магией потешались. Моя глупая сестра считает меня сумасшедшим! Что вы теперь скажете, господа? Я открыл мир, переполненный жизнью и развитием! Отовсюду слышишь – Колумб, Колумб. А кто такой Колумб, и чего стоит его Америка по сравнению с этим миром! Коммерческие возможности этой страны воистину беспредельны. Достаточно привезти сюда железного лома, закопать его в землю, и он тут же превратится в новехонькие паровые машины, военные корабли, что угодно! Затрат никаких, а сбыть все это добро в Англии за полную цену – раз плюнуть. Я стану миллионером. А климат! Я уже чувствую себя на двадцать лет моложе. Здесь можно устроить курорт, вот что. Санаторий. И драть с пациентов тысяч по двадцать в год. Конечно, придется кое-кого посвятить в тайну… но главное, главное – пристрелить эту зверюгу!

– Вы совсем как та ведьма, – сказала Полли. – Вам бы только убивать.

– Что же касается лично меня, – продолжал мечтать Эндрью, – подумать только, до каких лет я тут могу дожить! В шестьдесят лет об этом приходится думать! Потрясающе! Край вечной юности!

– Ой! – вскрикнул Дигори. – Край вечной юности? Вы и вправду так думаете? – Конечно же, он вспомнил тетин разговор с гостьей, которая принесла виноград, и его снова охватила надежда.

– Дядя Эндрью, – сказал он, – а вдруг здесь действительно найдется что-то такое, чтобы мама выздоровела?

– О чем ты? – удивился дядя. Это же не аптека. Однако, как я только что сказал…

541

– Вам начихать на маму, – возмутился Дигори. – Я-то думал… я думал, она же вам сестра, она не только мне мама… Ладно. Раз так, то я пойду к самому льву. И спрошу его. – Повернувшись, он быстро зашагал прочь. Полли, чуть помешкав, отправилась вслед за мальчиком.

542

– Эй, стой! Вернись! Мальчишка сошел с ума, – заключил дядюшка. Подумав, он тоже пошел за детьми, хотя и на приличном расстоянии. Ведь кольца, как-никак, оставались у них.

Через несколько минут Дигори уже стоял на опушке леса. Лев все еще продолжал свою песню, но она снова изменилась. В ней появилось то, что можно бы назвать мелодией, но при этом сама песня стала куда безудержней, под нее хотелось бежать, прыгать, куда-то карабкаться, громко кричать. Дигори, слушая, разгорячился и покраснел – его одолевало желание бежать к людям, и не то обниматься с ними, не то драться. Песня подействовала даже на дядюшку Эндрью, потому что Дигори услыхал его бормотание: «Одухотворенная девица, да. Жаль, что столь невоздержанного нрава, но прекрасная женщина несмотря ни на что, прекрасная». Но куда сильнее, чем на двух людей, подействовала песня на новорожденный мир перед ними.

Можете ли вы представить, как покрытая травой поляна кипит, словно вода в котле? Пожалуй, лучше я не смогу описать происходившего. Повсюду, куда ни глянь, вспухали кочки самых разных размеров – одни с кротовый холмик, другие – с бочку, две – в целый домик. Кочки эти росли, покуда не лопнули, рассыпая землю во все стороны, и из них стали выходить животные. Кроты, например, вылезли точно так же, как где-нибудь в Англии. Собаки принимались лаять, едва на свет появлялась их голова, и тут же начинали яростно работать лапами и всем телом, словно пробираясь сквозь дыру в заборе. Забавней всего появлялись олени – рога у них высовывались прежде остального тела, и Дигори поначалу принял их за деревья. Лягушки, появившись близ реки, тут же с кваканьем принялись шлепаться в воду. Пантеры, леопарды и их родичи сразу же стряхивали землю с задних лап, а потом точили когти о деревья. С деревьев струились настоящие водопады птиц. Порхали бабочки. Пчелы поспешили к цветам, как будто у них не было ни одной лишней минуты. А удивительнее всего было, когда лопнул целый холм, произведя нечто вроде небольшого землетрясения, и на свет вылезла покатая спина, большая мудрая голова и четыре ноги в мешковатых штанах. Это был слон. Песню льва почти совсем заглушили мычанье, кряканье, блеянье, рев,рычание, лай, щебет и мяуканье.

Хотя Дигори больше не слышал льва, он не мог отвести глаз от его огромного яркого тела. Животные не боялись этого зверя. Процокав копытами, мимо Дигори пробежала его старая знакомая, лошадь извозчика. (Воздух этих мест, видимо, действовал на нее так же, как на дядюшку Эндрью. Земляничка бодро переставляла ноги, высоко подняла голову и ничем уже не напоминала заезженное, несчастное существо, которым она была в Лондоне.) И тут лев впервые затих. Теперь он расхаживал среди животных, то и дело подходя к какой-нибудь паре – всегда к паре – и трогая их носы своим. Он выбрал пару бобров, пару леопардов, оленя с оленихой. К некоторым зверям он не подходил вовсе. Но те, кого он выбрал, тут же оставляли своих сородичей и следовали за ним. Когда лев, наконец, остановился, они окружали его широким кругом. А остальные звери понемногу начали разбредаться, и голоса их замолкли в отдалении. Избранные же звери молча смотрели на льва. Никто не шевелился, только из породы кошачьих иногда поводили хвостами. Впервые за весь день наступила полная тишина, нарушаемая только плеском бегущей реки. Сердце Дигори сильно колотилось в ожидании чего-то очень торжественного. Он не забыл про свою маму, только знал, что даже ради нее он не может вмешаться в то, что перед ним совершалось.

Лев, не мигая, глядел на зверей так пристально, будто хотел испепелить их своим взором. И постепенно они начали меняться. Те, кто поменьше, – кролики, кроты и прочие – заметно подросли. Самые большие, особенно слоны, стали поскромнее в размерах. Многие звери встали на задние лапы. Многие склонили головы набок, будто пытаясь что-то лучше понять. Лев раскрыл пасть, но вместо звуков издал только долгое, теплое дыхание, которое, казалось, качнуло всех зверей, как ветер качает деревья. Далеко наверху, за пределом голубого неба, скрывавшего звезды, снова раздалось их чистое, холодное, замысловатое пение. А потом не то с неба, не то от самого льва вдруг метнулась никого не обжигая, стремительная огненная вспышка. Каждая капля крови в жилах Дигори и Полли вспыхнула, когда они услыхали небывало низкий и дикий голос: «Нарния, Нарния, Нарния, проснись. Люби. Мысли. Говори. Да будут твои деревья ходить.Да будут твои звери наделены даром речи. Да обретут душу твои потоки».

Глава десятая. ПЕРВАЯ ШУТКА И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ

Это, конечно, говорил лев. Дети давно уже подозревали, что говорить он умеет, и все-таки сильно разволновались, услыхав его слова.

Из лесу выступили дикие люди – боги и богини деревьев, а с ними фавны, сатиры и карлики. Из реки поднялся речной бог со своими дочерьми-наядами. И все они, вместе со зверями и птицами, отвечали – кто высоким голосом, кто низким, кто густым, кто совсем тоненьким:

«Да, Аслан! Мы слышим и повинуемся. Мы любим. Мы думаем. Мы говорим. Мы знаем».

– Только знаем мы совсем мало покуда, – раздался чей-то хрипловатый голос. Тут дети прямо подпрыгнули, потому что принадлежал он лошади извозчика.

– Молодец, Земляничка! – сказала Полли. – Как здорово, что ее тоже выбрали в говорящие звери.

И извозчик, стоявший теперь рядом с детьми, добавил:

– Чтоб мне пусто было! Но я всегда говорил, что этой лошадке не занимать мозгов.

– Создания, я дарю вам вас самих, – продолжал Аслан сильным, исполненным счастья голосом. – Я навеки отдаю вам землю этой страны, Нарнии. Я отдаю вам леса, плоды, реки. Я отдаю вам звезды и самого себя. Отдаю вам и обыкновенных зверей, на которых не пал мой выбор. Будьте к ним добры, но не подражайте им, чтобы остаться Говорящими Зверьми. Ибо от них я взял вас, и к ним вы можете вернуться. Избегайте этой участи.

– Конечно, Аслан, конечно, – зазвучало множество голосов. «Не бойся!» громко прокричала какая-то галка. Беда в том, что все уже кончили говорить ровно за секунду перед ней, так что слова бедной птицы раздались в полном молчании. А вы, наверное, знаете, как это бывает глупо – в гостях, например. Так что галка настолько засмущалась, что спрятала голову под крыло, словно собираясь заснуть. Что же до остальных зверей, то они принялись издавать всякие странные звуки, означавшие смех – у каждого свой. В нашем мире никто такого не слыхал. Сначала звери пытались унять смех, но Аслан сказал им:

555

– Смейтесь, создания, не бойтесь. Вы уже не прежние бессловесные неразумные твари, и никто вас не заставляет вечно быть серьезными. Шутки, как и справедливость, рождаются вместе с речью.

Смех зазвучал в полную силу, так, что даже галка снова собралась с духом, присела между ушами Землянички и захлопала крыльями.

– Аслан! Аслан! Получается, что я первая пошутила? И теперь все и всегда будут об этом знать? – Нет, подружка, – отвечал лев. – Не то что ты первая пошутила. Ты сама и есть первая в мире шутка.

Все засмеялись еще пуще, но галка нисколько не обиделась и веселилась вместе с остальными, покуда лошадь не тряхнула головой, заставив ее потерять равновесие и свалиться. Правда, галка, не успев долететь до земли, вспомнила, что у нее есть крылья, к которым она привыкнуть еще не успела.

– Нарния родилась, – сказал лев, – теперь мы должны беречь ее. Я хочу позвать кое-кого из вас на совет. Подойдите сюда, главный карлик, и ты, речной бог, и ты, дуб, и ты, филин, и вы, оба ворона, и ты, слон. Нам надо посовещаться. Ибо хотя этому миру еще нет пяти часов от роду, в него уже проникло зло.

560

Создания, которых позвал лев, подошли к нему, и все они побрели в сторону, на восток. А остальные принялись на все лады тараторить:

«Что это такое проникло в мир? Лазло? Кто это такой? Клозло? А это что такое?»

561

– Слушай, – сказал Дигори своей подружке, мне нужно к нему, в смысле, к Аслану, льву, Я должен с ним поговорить.

– Думаешь, можно? – отвечала Полли. Я бы побоялась.

563

– Я с тобой пойду, – сказал вдруг извозчик. – Мне этот зверь нравится, а остальных чего пугаться. И еще, хочу парой слов перемолвиться с Земляничкой.

И все трое, набравшись смелости, направились туда, где собрались звери. Создания так увлеченно говорили друг с другом и знакомились, что не замечали людей, покуда те не подошли совсем близко. Не слышали они и дядюшки Эндрью, который стоял в своих шнурованных сапогах на приличном расстоянии и умеренно громким голосом кричал:

565

– Дигори! Вернись! Вернись немедленно, тебе говорят! Я запрещаю тебе идти дальше!

Когда они, наконец, очутились в самой гуще звериной толпы, все создания сразу замолкли и уставились на них.

– Ну-с, сказал бобр, – во имя Аслана, это еще кто такие?

– Пожалуйста, – начал было Дигори сдавленным голосом, но его перебил кролик.

– Думаю, – заявил он, – что это огромные листья салата.

– Ой, что вы! – заторопилась Полли. – Мы совсем невкусные!

– Ага! – произнес крот. – Они умеют говорить. Лично я не слыхал о говорящем салате.

– Наверное, они – вторая шутка, – предположила галка.

– Даже если так, – пантера на мгновение прекратила умываться, – первая была куда смешнее. Во всяком случае, я в них не вижу ничего смешного. – Она зевнула и снова начала прихорашиваться.

573

– Пожалуйста, пропустите нас! – взмолился Дигори. – Я очень тороплюсь. Мне надо поговорить со львом.

Тем временем извозчик все пытался поймать взгляд своей Землянички.

– Слушай, лошадка, – он наконец посмотрел ей в глаза, ты меня знаешь, правда?

575

– Чего от тебя хочет эта Штука? – заговорило сразу несколько зверей.

– Честно говоря, – речь Землянички была очень медленной, – я и сама толком не понимаю. Но знаете, кажется, я что-то похожее раньше видела. Кажется, я раньше где-то жила или бывала перед тем, как Аслан нас разбудил несколько минут назад. Только все мои воспоминания такие смутные. Как сон. В этом сне были всякие штуки вроде этих троих.

– Чего? – возмутился извозчик. – Это ты-то меня не знаешь? А кто тебя распаренным овсом кормил, когда ты хворала? Кто тебя отмывал, как принцессу? Кто тебя никогда не забывал накрывать попоной на морозе? Ох, Земляничка, не ждал я от тебя такого!

– Я действительно что-то вспоминаю, – сказала лошадь вдумчиво. – Да. Дайте подумать. Точно, ты привязывал ко мне сзади какой-то жуткий черный ящик, что ли, а потом бил меня, чтобы я бежала, и эта черная штука всегда-всегда за мной волочилась и дребезжала…

– Ну, знаешь ли, нам обоим приходилось на хлеб зарабатывать,

– сказал извозчик. – И тебе, и мне. Не будь работы и кнута – не было б у тебя ни теплой конюшни, ни сена, ни овса. А у меня чуть деньги заводились, я тебе всегда овес покупал. Или нет?

– Овес? – Лошадь навострила уши. – Припоминаю. Ты всегда сидел где-то сзади, а я бежала спереди, тянула и тебя, и черную штуку. Это я всю работу делала, я помню.

– Летом-то да, – сказал извозчик. – Ты вкалывала, а я прохлаждался на облучке. А как насчет зимы, старушка? Тебе-то тепло было, ты бегала, а я там торчал – ноги, как ледышки, нос чуть не отваливается от мороза, руки, как деревянные, прямо вожжи вываливались.

– Плохая была страна, – продолжала Земляничка. – И травы никакой не росло, одни камни.

– Ох как точно, подружка, – вздохнул извозчик. – В том мире тяжело. Я всегда говорил, что для лошади ничего нет хорошего в этих мостовых. Лондон, понимаешь ли. Я его любил не больше твоего. Ты деревенская лошадка, а я ведь тоже оттуда, я в церковном хоре пел. Только жить там было не на что, в деревне.

– Ну пожалуйста, – заговорил Дигори, – пожалуйста, пустите нас, а то лев все дальше уходит, и я с ним поговорить не смогу. Мне ужасно нужно.

– Слушай-ка, Земляничка, – сказал извозчик, – этот молодой человек хочет со львом потолковать, и дело у него самое что ни на есть важное. Ты не могла бы позволить ему прокатиться у тебя на спине? Он тебе спасибо скажет. Отвези его к вашему Аслану, а мы с девочкой пойдем сзади пешочком.

– На спине? – откликнулась лошадь. – помню, помню! Когда-то давно один маленький двуногий вроде вас это со мной делал. У него были маленькие твердые кусочки чего-то белого для меня. И они были куда вкусней травы!

–А, сахар! – сказал извозчик.

– Пожалуйста, Земляничка, – упрашивал ее Дигори, – ну пожалуйста, отвези меня к Аслану!

– Ладно, я не против, – сказала лошадь. – Иногда можно. Залезай.

– Славная старая Земляничка, – сказал извозчик. – Давай, молодой человек, я тебя подсажу.

Вскоре Дигори уже не без удобства устроился на спине у Землянички. Ему и раньше приходилось кататься верхом без седла – на своем собственом пони.

591

– А теперь поторопись, Земляничка, – сказал он.

592

– У тебя случайно нет кусочка из тех белых? – спросила лошадь.

– Боюсь, что нет.

594

– Что ж, ничего не поделаешь, – вздохнула лошадь, и они тронулись в путь.

Тут один крупный бульдог, который все это время принюхивался и приглядывался, сказал:

596

– Смотрите! Вон там, за речкой, в тени деревьев, кажется, еще одно из этих смешных созданий.

Все звери увидели дядюшку Эндрью, стоявшего среди рододендронов в надежде, что его никто не заметит. «Пошли, пошли, – заговорили они на все голоса, – посмотрим, кто там такой». Так что покуда Земляничка с Дигори на спине бежали в одном направлении (Полли и извозчик шли сзади пешком), почти все звери заспешили к дядюшке Эндрью, выражая свой оживленный интерес рыком, лаем, блеяньем и другими разнообразными звуками.

598

Тут нам придется вернуться назад, чтобы описать все происходившее с точки зрения дядюшки Эндрью. Его одолевали совсем не те чувства, что детей и доброго извозчика. И в самом деле, дело тут не только в том, где он стоял, а в том, что он был за человек.

С первого появления зверей дядя Эндрью отступал все глубже и глубже в заросли кустарника. Разумеется, он пристально за ними наблюдал, только не из любопытства, а от страха. Как и ведьма, он был ужасно практичным. Например, он просто не заметил, что Аслан выбрал по одной паре из каждой породы зверей. Видел он только большое количество расхаживающих повсюду опасных диких зверей, и все удивлялся, почему остальные животные не пустились наутек от огромного льва.

Когда настал великий миг и звери заговорили, он совсем ничего не понял по одной довольно занятной причине. Дело в том, что при первых же звуках львиной песни, еще в темноте, он понял, что слышит музыку, и что музыка эта ему крайне не по душе. Она заставляла его думать и чувствовать не так, как он привык. Потом, когда взошло солнце, и он увидел, что поет, по его выражению, всего лишь какой-то лев, он стал изо всех сил уговаривать себя, что никакое это не пение, а обыкновенный рев, который в нашем мире может издать любой лев в зоопарке. «Нет-нет, – думал он, – ну как львы могут петь? Я это себе придумал. У меня нервы расстроились». И чем дольше лев пел, чем прекрасней становилась его песня, тем усерднее уговаривал себя дядюшка Эндрью. Есть одна неприятность, подстерегающая тех, кто пытается стать глупее, чем он есть на самом деле: это предприятие нередко завершается успехом. Дядюшке тоже это удалось, и вскоре он действительно ничего не слышал в песне Аслана, кроме рева. А еще через несколько минут уже ничего не различил бы в ней, даже если бы захотел. Так что даже при словах «Нарния, проснись!» до него долетело только рыкание. Речи заговоривших зверей казались ему лишь лаем, кваканьем, визжанием и блеяньем, а их смех тем более. Дядюшка Эндрью, в сущности, переживал худшие минуты в своей жизни. Никогда раньше не доводилось ему встречать такой ужасной и кровожадной своры голодных, злых животных. И когда он увидал, что дети с извозчиком направились к ним, его охватил ужас и негодование.

«Безумцы! – сказал он про себя. – Теперь эти зверюги сожрут кольца вместе с детьми, и я никогда не вернусь домой! Какой эгоистичный мальчик этот Дигори! И те двое тоже хороши. Не дорожить собственной жизнью – их личное дело, но как же насчет МЕНЯ? Обо мне и не вспомнили. Никто обо мне не думает».

602

В конце концов, увидав, как к нему бежит вся стая зверей, дядя повернулся и пустился наутек. Очевидно, воздух этого молодого мира и впрямь неплохо действовал на этого пожилого джентльмена. В Лондоне он не бегал из-за возраста, а в Нарнии мчался с такой скоростью, что первым прибежал бы к финишу на первенстве старшеклассников. Фалды его фрака крайне живописно развевались на ветру. Однако шансов у дядюшки имелось немного. Среди преследовавших его зверей было немало первоклассных бегунов, горящих желанием впервые испробовать мускулы. «Лови! Лови! – кричали они. – Это Казло! Вперед! За ним! Заходи! Держи!»

603

В считанные минуты кое-какие звери уже обогнали дядюшку, выстроились в шеренгу и перегородили ему дорогу. Остальные отрезали ему путь к отступлению. Вокруг себя старый волшебник видел ужасную картину. Над его головой встали рога огромных лосей и гигантская морда слона. Сзади топтались тяжелые, весьма серьезно настроенные медведи и кабаны. Леопарды и пантеры уставились на него, как ему казалось, хладнокровно-издевательскими взглядами. Больше всего дядюшку ужасали разинутые пасти зверей. На самом-то деле они просто переводили дух, но дядюшка полагал, что его собираются сожрать.

604

Дрожа, дядя Эндрью покачивался из стороны в сторону. Животных он всю жизнь в лучшем случае побаивался, а в худшем еще и ненавидел, хотя бы потому, что поставил на них сотни жестоких опытов.

– Ну, а теперь, сэр, скажите нам, – деловито произнес бульдог, вы животное, растение или минерал?

Вместо этих слов дядя Эндрью услыхал только «-р-р-р-ав!»

Глава одиннадцатая. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДИГОРИ И ЕГО ДЯДЮШКИ

Вам может показаться, что звери были очень глупы, раз они не сумели сразу понять, что дядюшка принадлежит к одной породе с извозчиком и двумя детьми. Но не забудьте, что об одежде они не имели никакого представления. Платьице Полли, котелок извозчика и костюмчик Дигори представлялись им такой же частью их обладателей, как на зверях – мех или перья. Если б не Земляничка, никто из них и в этих троих не признал бы одинаковых существ. Дядя же был куда длиннее детей и куда более тощим, чем извозчик. Носил он черное, за исключением белой манишки (несколько утратившей свою белизну), и седая грива его волос (порядком растрепавшаяся) была совсем не похожа на шевелюру остальных людей. Немудрено, что звери совсем запутались. К довершению всего, он вроде бы и говорить не умел.

Правда, он попытался произнести несколько слов. В ответ на речь бульдога, которая показалась дядюшке рычанием и лаем, он протянул вперед свою дрожащую руку и кое-как выдохнул: «Собачка, славненькая моя…» Но звери поняли его не лучше, чем он – их. Вместо слов они услыхали только слабое бульканье. Может, оно было и к лучшему. Мало кому из моих знакомых псов, и уж тем более говорящему бульдогу из Нарнии, нравилось, когда их называли «собачкой». Вам бы тоже не понравилось, если б вас называли «малышом».

609

И тут дядюшка Эндрью свалился в обморок.

610

– Ага! – сказал кабан. – Это просто дерево. Я с самого начала так подумал.

611

Не забудьте, этим зверям никогда не доводилось видеть не только обморока, но и просто падения.

– Это животное, – заключил бульдог, тщательно обнюхав упавшего. – Несомненно. И скорее всего, той же породы, что и те трое.

– Вряд ли, – возразил один из медведей. – Звери так не падают. Мы же – животные. Разве мы падаем? Мы стоим, вот так. – Он поднялся на задние лапы, сделал шаг назад, споткнулся о низкую ветку и повалился на спину.

613

– Третья шутка, третья шутка, третья шутка! – заверещала галка в полном восторге.

– Все равно я думаю, что это дерево, – настаивал кабан.

615

– Если это дерево, – предположил другоq медведь, – то в нем может быть пчелиное гнездо.

616

– Я уверен, что это не дерево, – сказал барсук. – По-моему, оно пыталось что-то сказать перед тем, как упало.

617

– Ни в коем случае, – упрямился кабан, – это ветер шелестел у него в ветках.

– Ты что, всерьез думаешь, что это – говорящий зверь? – спросила галка у барсука. – Он же ни слова толком не сказал!

– Все-таки мне кажется, что это зверь, – сказала слониха. – Ее мужа, если вы помните, вызвал к себе совещаться Аслан. Вот на этом конце белое пятно – вполне сойдет за морду. А эти дырки за глаза и рот. Носа, правда, нет. Но, с другой стороны, зачем же быть узколобыми? Многие ли из нас могут похвастаться настоящим носом? – И она с простительной гордостью прошлась глазами по всей длине своего хобота.

– Решительно возражаю против этого замечания, – рявкнул бульдог.

– Слониха права, – сказал тапир.

– Вот что я вам скажу, – вступил ослик, – наверное, это обычный зверь, который просто думает, что умеет разговаривать.

– А нельзя ли его поставить прямо? – вдумчиво спросила слониха. Она обвила обмякшее тело дядюшки Эндрью хоботом и поставила вертикально, к несчастью, вниз головой, так что из его карманов вывалились два полусоверена, три полукроны и монетка в шесть пенсов. Это ничуть не помогло дядюшке. Он снова повалился на землю.

– Ну вот! – закричали другие звери. – Никакое это не животное. Оно совсем неживое.

– А я говорю, животное, – твердил бульдог, – сами понюхайте.

– Запах – это еще не все, – заметила слониха.

– Чему же верить, если не чутью? – удивился бульдог.

– Мозгам, наверное, – застенчиво сказала она.

– Решительно возражаю против этого замечания! – рявкнул бульдог.

– В любом случае, надо делать что-то, – продолжала слониха. – А вдруг это Лазло? Тогда его надо Аслану показать. Пускай решает большинство. Что это такое, звери, – животное или растение?

– Дерево, дерево! – закричал десяток голосов.

– Отлично, – сказала слониха, – значит, надо его посадить в землю. Давайте-ка выкопаем ямку.

Два крота быстро справились с этой задачей. Звери, правда, долго не могли согласиться, каким же концом сажать дядюшку Эндрью, и его едва не запихали в яму вниз головой. Кое-кто из зверей считал, что его ноги – это ветки, а значит, серая пушистая штука на другом конце (то есть, голова) должна быть корнями. Но другие сумели убедить их, что его раздвоенный конец длиннее другого, как и полагается корням, и земли на нем больше. Так что в конце концов его посадили правильно. Когда яму засыпали землей и утрамбовали, он оказался погруженным в нее до колен.

– У него жутко вялый вид, – отметил ослик.

– Разумеется, оно требует поливки, – отвечала слониха. – Я никого не хочу обидеть, но мне кажется, что в данном случае именно нос вроде моего мог бы очень пригодиться.

– Решительно возражаю против этого замечания! – это опять отозвался бульдог. Но слониха знай себе шла к реке. Там она набрала в хобот воды и вернулась, чтобы позаботиться о дядюшке Эндрью. С завидным усердием слониха продолжала свои прогулки взад-вперед, покуда не вылила на дядюшку несколько десятков ведер воды, так что вода стекала по полам его фрака, будто дядюшка в одетом виде принимал душ. В конце концов он пришел в себя и очнулся. Что это было за пробуждение! Но мы должны отвлечься от дядюшки. Пускай подумает о своих гадостях, если может, а мы займемся вещами поважнее.

Земляничка с Дигори на спине скакала все дальше, покуда голоса других зверей совсем не стихли. Аслан и несколько его помощников были уже совсем рядом. Дигори не посмел бы прервать их торжественное совещание, но этого ему делать и не пришлось. Стоило Аслану что-то промолвить, как и слон, и вороны, и все остальные отошли в сторонку. Спрыгнув с лошади, Дигори оказался лицом к лицу с Асланом. Признаться, он не ожидал, что лев будет таким огромным, таким прекрасным, таким ярко-золотистым и таким страшным. Мальчик даже не решался взглянуть ему в глаза.

– Простите… господин Лев… Аслан… сэр, – заикался Дигори, – вы не могли бы.. то есть, вас можно попросить дать мне какой-нибудь волшебный плод из этой страны, чтобы моя мама выздоровела?

Мальчик отчаянно надеялся, что лев сразу же скажет «Да», и очень боялся, что тот ответит «Нет». Но слова Аслана оказались совсем неожиданными.

– Вот мальчик, – Аслан глядел не на Дигори, а на своих советников, – тот самый мальчик, который это сделал.

«Ой, – подумал Дигори, – что же я такого наделал?»

– Сын Адама, – продолжал лев, по моей новой стране, по Нарнии, бродит злая волшебница. Расскажи этим добрым зверям, как она очутилась здесь.

643

В голове у Дигори мелькнул целый десяток оправданий, но ему хватило сообразительности сказать чистую правду.

– Это я ее привел, Аслан, – тихо ответил он.

– С какой целью?

– Я хотел отправить ее из моего мира в ее собственный. Я думал, что мы попадем в ее мир.

– Как же она оказалась в твоем мире, сын Адама?

– Ч-чародейством.

Лев молчал, и Дигори понял, что надо говорить дальше.

– Это все мой дядя, Аслан. Он отправил нас в другой мир своими волшебными кольцами, то есть, мне пришлось туда отправиться, потому что сначала там оказалась Полли, и она прицепилась к нам до тех пор, пока…

– Вы ее встретили? – Аслан говорил низким, почти угрожающим голосом, сделав ударение на последнем слове.

– Она проснулась, -Дигори выглядел совсем несчастным и сильно побледнел. – Это я ее разбудил. Потому что хотел узнать, что будет, если зазвонить в колокол. Полли не хотела, это я виноват, я с ней даже подрался… Я знаю, что зря. Наверное, меня заколдовала эта надпись под колоколом.

– Ты так думаешь? – голос льва был таким же низким и глубоким.

– Н-нет, – отвечал Дигори, – не думаю… я и тогда притворялся только.

655

В наступившем долгом молчании Дигори подумал, что он все испортил, и никакого лекарства для своей мамы теперь ему не дадут.

Когда лев заговорил снова, он обращался не к мальчику.

– Вот, друзья мои, – сказал он, – этому новому и чистому миру, который я подарил вам, еще нет семи часов от роду, а силы зла уже вступили в него, разбуженные и принесенные сыном Адама.

– Все звери, даже Земляничка, уставились на Дигори так, что ему захотелось провалиться сквозь землю. – Но не падайте духом. Одно зло дает начало другому, но случится это не скоро, и я постараюсь, чтобы самое худшее коснулось лишь меня самого. А тем временем давайте решим, что еще на многие столетия Нарния будет радостной страной в радостном мире. И раз уж потомки Адама принесли нам зло, пусть они помогут его остановить. Подойдите сюда.

Свои последние слова он обратил к Полли и извозчику, которые уже успели подойти к звериному совету. Полли, вся обратившись в зрение и слух, крепко сжимала руку извозчика. А тот, едва взглянув на льва, снял свою шляпу-котелок, без которой никто его раньше никогда не видел, и стал куда моложе и симпатичней – настоящий крестьянин, а не лондонский извозчик.

– Сын мой, – обратился к нему Аслан, – я давно знаю тебя. Знаешь ли ты меня?

– Нет, сэр, – отвечал извозчик. – Не могу сказать, что знаю. Однако, извините за любопытство, похоже, что мы все-таки где-то встречались.

– Хорошо, – отвечал лев. – Ты знаешь куда больше, чем тебе кажется, и со временем узнаешь меня еще лучше. По душе ли тебе этот край?

– Чудные места, сэр, – отвечал извозчик.

– Хочешь остаться здесь навсегда?

– Понимаете ли, сэр, я ведь человек женатый. Если б моя женушка очутилась тут, она, я полагаю, тоже ни за какие коврижки не вернулась бы в Лондон. Мы с ней оба деревенские, на самом-то деле.

Встряхнув своей мохнатой головой, Аслан раскрыл пасть и издал долгий звук на одной ноте – не слишком громкий, но исполненный силы. Услыхав его, Полли вся затрепетала, поняв, что лев призывает кого-то, и услышавший его не только захочет подчиниться, но и сможет – сколько бы миров и веков ни лежало между ним и Асланом. И потому девочка, хоть и удивилась, но не была по-настоящему потрясена, когда с ней рядом вдруг неизвестно откуда появилась молодая женщина с милым и честным лицом. Полли сразу поняла, что это жена извозчика, которую перенесли из нашего мира не какие-то хитрые волшебные кольца, а быстрая, простая и добрая сила, из тех,которые есть у вылетающей из гнезда птицы. Молодая женщина, видимо, только что стирала, потому что на ней был фартук, а на руках, обнаженных до локтей, засыхала мыльная пена. Будь у нее время облачиться в свои лучшие наряды и надеть воскресную шляпку с искусственными вишенками, она выглядела бы ужасно, но будничная одежда ей была к лицу.

666

Конечно, она подумала, что видит сон, и потому не кинулась к мужу спросить его, что с ними обоими приключилось. При виде льва, который по неизвестной причине совсем не испугал ее, а заставил женщину засомневаться, сон ли это, она сделала зверю книксен – в те годы многие деревенские барышни еще это умели, – а потом подошла к мужу, взяла его за руку и застенчиво огляделась.

– Дети мои, – сказал Аслан, глядя то на извозчика, то на его жену, – вы будете первыми королем и королевой Нарнии.

Извозчик в изумлении раскрыл рот, а жена его сильно покраснела.

669

– Вы будете править этими созданиями. Вы дадите им имена. Вы будете вершить справедливость в этом мире. Вы защитите их от врагов, когда те появятся. А они появятся, ибо в этот мир уже проникла злая колдунья.

Извозчик два или три раза прокашлялся.

671

– Вы уж простите, сэр, – начал он, – и душевное вам спасибо, от меня и от половины моей тоже, но я не тот парень, чтобы потянуть такое дело. Неученые мы.

– Что ж, – сказал Аслан, – ты умеешь работать лопатой и плугом? Ты умеешь возделывать землю, чтобы она приносила тебе пищу?

– Да, сэр, это мы умеем, воспитание у нас было такое.

– Ты сумеешь быть добрым и справедливым к этим созданиям? Помнить, что они не рабы, как неразумные звери в твоем мире, а говорящие звери, свободные существа?

– Это я понимаю, сэр, – отвечал извозчик, – я постараюсь их не обидеть. Попробую.

– А сможешь ты воспитать своих детей и внуков, чтобы они поступали так же?

– Попробую, сэр, непременно. Попробуем, Нелли?

– Сумеешь ты сделать так, чтобы твои дети и эти звери не делились на любимых и нелюбимых? И чтобы никто из них не властвовал над другими и не обижал их?

679

– Мне такие штуки всегда были не по душе, сэр. Честное слово. И любому, кого я за этим поймаю, здорово влетит. – Голос извозчика становился все медлительнее и глубже. Наверное, так он говорил, когда был мальчишкой в деревне, и еще не перенял хриплой городской скороговорки.

– И если враги пойдут на эту землю, – а они еще появятся – и если будет война, будешь ли ты первым, кто встанет на ее защиту и последним, кто отступит?

681

– Трудно сказать, сэр, – неторопливо отвечал извозчик, – надо попробовать. А вдруг струшу? До сих пор мне приходилось драться только кулаками. Но я попробую, и постараюсь лицом в грязь не ударить.

– Значит, – заключил Аслан, – ты умеешь все, что требуется от короля. Твою коронацию мы устроим. И будут благословенны и вы, и ваши дети, и ваши внуки. Одни будут королями Нарнии, другие – королями Архенландии, которая лежит за Южным хребтом. А ты дочка, – обратился он к Полли, простила своему другу то, что он натворил в зале со статуями, в покинутом дворце несчастного Чарна?

– Да, Аслан, мы уже помирились, – ответила Полли.

– Хорошо. Теперь займемся самим мальчиком.

Глава двенадцатая. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗЕМЛЯНИЧКИ

Помалкивающий Дигори чувствовал себя неважно, и только надеялся, что в случае чего не разревется и вообще не опозорится.

– Сын Адама, – сказал Аслан, – готов ли ты искупить свою вину перед Нарнией, моей милой страной, перед которой ты согрешил в первый же день ее создания?

– Честно говоря, я не вижу способа как бы я мог это сделать, – сказал Дигори. – Королева-то сбежала, так что…

– Я спросил, готов ли ты, – перебил его лев.

– Да, – отвечал Дигори. – На мгновение его охватил соблазн сказать что-то вроде того, что он поможет льву, если тот пообещает помочь его маме, но мальчик вовремя понял: лев не из тех, с кем можно торговаться. И однако, произнося свое «да», Дигори, конечно же, думал о маме, о своих надеждах, и о том, как они понемногу исчезают, и в горле у него появился комок, а на глазах слезы, так что он все-таки добавил, еле выговаривая слова:

– Только… только вы не могли бы.. как-нибудь, если можно… вы не могли бы помочь маме?

Впервые за весь разговор мальчик посмотрел не на тяжелые передние лапы льва, украшенные грозными когтями, а на его морду – и в изумлении увидел, что лев успел наклониться к нему, и в глазах его стоят слезы – такие крупные и блестящие, что горе льва на миг показалось Дигори больше его собственного.

– Сынок, сынок, – сказал Аслан, – я же понимаю. Горе – могучая сила. Только мы с тобой в этой стране знаем, что это такое. Будем добры друг к другу. Но мне надо заботиться о сотнях грядущих лет для Нарнии. Злая колдунья, которую ты привел, еще вернется в эту страну. Может быть, это будет еще нескоро. Я хочу посадить в Нарнии дерево, к которому она не посмеет приблизиться. И дерево это будет долгие годы охранять Нарнию. Пусть земля эта узнает долгое солнечное утро перед тем, как над ней соберутся тучи. Ты должен достать мне семя, из которого вырастет это дерево.

– Хорошо, сэр. – Дигори не знал, как выполнить просьбу льва, но почему-то был уверен в своих силах. Аслан глубоко вздохнул, склонился еще ниже, поцеловал мальчика, и тот вдруг исполнился новой силы и отваги.

– Сынок, – сказал лев, я все тебе объясню. Повернись на запад и скажи мне, что ты видишь.

– Я вижу высокие горы, Аслан, – сказал Дигори, – и потоки, обрушивающиеся со скал. А за скалами я вижу зеленые лесистые холмы. А за холмами чернеет еще один горный хребет, а за ним – совсем далеко – громоздятся снежные горы, как на картинках про Альпы. А дальше уже нет ничего, кроме неба.

– Ты хорошо видишь, – сказал лев. – Нарния кончается там, где низвергается со скалы водопад. Миновав скалу, ты выйдешь из Нарнии и очутишься в диком Западном крае. Пройдя через горы, отыщи зеленую долину с голубым озером, окруженным ледяными пиками. В дальнем конце озера ты найдешь крутой зеленый холм, а на его вершине – сад, в середине которого растет дерево. Сорви с него яблоко и принеси мне.

– Хорошо, сэр, – снова сказал Дигори. У него не было ни малейшего понятия о том, как он заберется на скалу и пройдет через горы. Но говорить он об этом не стал, чтобы лев не подумал, что он пытается увильнуть от поручения. Впрочем, он все-таки добавил: – Я надеюсь, ты не слишком торопишься, Аслан. Я же не могу быстро обернуться.

698

– Юный сын Адама, я помогу тебе, – Аслан повернулся к лошади, которая все это время тихо стояла рядом, отгоняя хвостом мух и склонив голову набок, словно ей было не очень легко следить за разговором.

699

– Послушай, лошадка, хочешь стать крылатой? Вы бы видели, как Земляничка тряхнула гривой, как у нее расширились ноздри и как она топнула по земле задним копытом. Конечно, ей хотелось превратиться в крылатую лошадь! Но вслух она сказала только:

– Если хочешь, Аслан… если не шутишь…да и чем я заслужила? Я ведь лошадь не из самых умных.

– Будь крылатой, – проревел Аслан, – стань матерью всех крылатых коней и зовись отныне Стрелою.

Лошадь застеснялась, совсем как в те далекие жалкие годы, когда она таскала за собой карету. Потом, отступив назад, она отогнула шею назад, словно спину ей кусали мухи, и укушенное место чесалось. А потом – точь-в-точь как звери, появлявшиеся из земли – на спине у Стрелы прорезались крылья, которые росли и расправлялись, стали больше орлиных, шире лебединых, громаднее, чем крылья ангелов на церковных витражах. Перья на крыльях сияли медью и отливали красным деревом. Стрела широко взмахнула ими и взмыла в воздух. На высоте трехэтажного дома она ржала, трубила и всхрапывала, покуда, описав полный круг, не спустилась на землю сразу всеми четырьмя копытами. Вид у нее был удивленный, смущенный и празднично-радостный.

– Тебе нравится, Стрела?

– Очень нравится, Аслан, – отвечала лошадь.

– Ты отвезешь юного сына Адама в ту долину, о которой я говорил?

– Что? Прямо сейчас? – спросила Земляничка или, вернее, Стрела. – Ура! Усаживайся, мальчик! Я таких, как ты уже возила на спине. Давным-давно. На зеленых лугах, там, где был сахар.

– О чем вы там шепчетесь, дочери Евы? – Аслан внезапно обернулся к Полли и жене извозчика, которые, кажется, уже подружились.

– Простите, сэр, – сказала королева Елена (именно так теперь звали Нелли, жену доброго извозчика), по-моему, девочка тоже хочет полететь, если, конечно, это не слишком опасно.

– Что ты на это скажешь, Стрела? – спросил лев.

– Мне-то что, сэр, они оба совсем крошки, – отвечала лошадь.
– Лишь бы слон не захотел с ними покататься.

У слона такого желания не оказалось, так что новый король Нарнии помог детям усесться на лошадь: Дигори он бесцеремонно подтолкнул, а Полли поднял так бережно, будто она была фарфоровая. «Вот они, Земляничка, то есть, извини, Стрела. Можешь отправляться».

– Не залетай слишком высоко, – попросил Аслан. Не пытайся пролететь над вершинами ледяных гор. Лети лучше через долины, узнавай их сверху по зеленому цвету, и тогда отыщешь дорогу. А теперь благословляю вас в путь.

– Ой! -Дигори потянулся погладить лошадь по блестящей шее. – Ну и здорово, Стрелка! Держись за меня покрепче, Полли.

Вся Нарния вмиг провалилась куда-то вниз и закружилась, когда Стрела, словно гигантский голубь, принялась описывать круг перед тем, как отправиться в свой долгий полет на запад. Полли с трудом могла отыскать взглядом короля с королевой, и даже сам Аслан казался лишь ярко-желтым пятнышком на зеленой траве. Вскоре в лицо им ударил ветер и Стрела стала махать крыльями медленнее и равномерней.

Под ними расстилалась вся Нарния, в разноцветных пятнах лужаек, скал, вереска и деревьев. Река текла по этому краю, словно ртутная ленточка. Справа на севере, за вершинами холмов, дети уже различали огромную пустошь, полого поднимавшуюся до самого горизонта. А слева от них горы были куда выше, но там и сям между ними виднелись просветы, заросшие соснами, сквозь которые угадывались южные земли, далекие и голубые.

– Наверное, там и есть эта Архенландия, – сказала Полли.

– Наверно, – отвечал Дигори, – только ты посмотри вперед!

718

Перед ними выросла крутая стена горных утесов, и детей почти ослепил свет солнца, танцующий на водопаде. Это река, ревущая и блистающая, низвергалась здесь в Нарнию из далеких западных земель. Они летели уже так высоко, что грохот водопада казался им легким рокотом, а вершины скал все еще были выше Стрелы и ее седоков.

719

– Тут придется полавировать, – сказала лошадь. – Держитесь покрепче.

720

Стрела полетела зигзагами, с каждым поворотом забираясь выше и выше. Воздух становился все холоднее. Снизу доносился клекот орлов.

– Смотри, посмотри назад, Дигори! – воскликнула Полли.

722

Сзади расстилалась вся долина Нарнии, у горизонта на востоке достигая сверкающего моря. Они забрались уже так высоко, что видели за северной пустошью горы, казавшиеся совсем крошечными, а на юге, – равнину, похожую на песчаную пустыню.

– Хорошо бы узнать, что это за места, – сказал Дигори.

– Неоткуда и не от кого, – сказала Полли. – Там ни души нет, в этих местах, и не происходит ничего. Миру-то этому всего день от роду.

– Погоди, – сказал Дигори. – И люди туда еще попадут, и историю этих мест когда-нибудь напишут.

– Хорошо, что не сейчас, – хмыкнула Полли. – Кто бы ее учил, эту историю, со всеми датами и битвами.

7 27

Они уже пролетали над вершинами скал, и через несколько минут долина Нарнии уже исчезла из виду. Теперь под ними лежали крутые горы, темные леса, да струилась река, вдоль которой летела Стрела. Главные хребты все еще маячили впереди, где мало что можно было увидать из-за бьющего в глаза солнца. По мере того, как оно опускалось все ниже и ниже, все небо на западе превращалось в гигантскую печь, наполненную расплавленным золотом, – и горный пик, за которым солнце, наконец, село, так контрастно выделялся в этом свете, будто был сделан из картона.

– А здесь холодновато, – сказала Полли.

729

– И крылья у меня начинают уставать, – поддержала лошадь, а никакой долины с озером не видно. Давайте-ка спустимся и найдем приличный пятачок для ночлега, а? Нам уже никуда сегодня не добраться.

– Точно, сказал Дигори, – и поужинать бы тоже неплохо.

731

Стрела начала снижаться. Ближе к земле, в окружении холмов, воздух был куда теплее, и после многих часов тишины, нарушаемой лишь хлопанием лошадиных крыльев, Полли и Дигори с радостью услыхали знакомые земные звуки: бормотание речки на ее каменном ложе, да шелест ветвей под легким ветерком. До них донесся запах прогретой солнцем земли, травы, цветов – и, наконец, Стрела приземлилась. Дигори, спрыгнув вниз, подал руку Полли. Оба они с удовольствием разминали затекшие ноги.

732

Долина, в которую они спустились, лежала в самом сердце гор. Снежные вершины, розовеющие в отраженном закатном свете, громоздились со всех сторон.

– Я ужасно голодный, – сказал Дигори.

– Что ж, угощайся, – Стрела отправила в рот огромный пучок травы и, не переставая жевать, подняла голову. Стебли травы торчали по обеим сторонам ее морды, словно зеленые усы. – Давайте, ребята! Не стесняйтесь. Тут на всех хватит.

– Мы же не едим травы, – обиделся Дигори.

– Хм, хм, – отвечала лошадь, продолжая поглощать свой ужин. – Тогда… хм, честное слово, не знаю. И трава, между прочим, потрясающая.

Полли и Дигори с грустью друг на друга посмотрели.

– Между прочим, – сказал мальчик, – кое-кто мог бы и позаботиться о том, чтобы мы тут не сидели голодные.

– Аслан бы позаботился, надо было только попросить, – заметила лошадь.

– А сам он не мог догадаться? – спросила Полли.

– Без всякого сомнения, – согласилась сытая Стрела. – Мне только кажется, что он любит, когда его просят.

742

– И что же нам, спрашивается, теперь делать? – спросил Дигори.

– Откуда мне-то знать? – удивилась лошадь. – Лучше попробуйте травку. Она вкуснее, чем вы думаете.

– Что за глупости! – Полли притопнула ногой от возмущения. Будто тебе неизвестно, что люди не едят травы. Ты же не ешь бараньих котлет.

– Полли! Молчи про котлеты и все прочее, ладно? У меня от таких разговоров еще хуже живот сводит.

И он предложил девочке отправиться домой с помощью волшебных колец, чтобы там поужинать. Сам-то он не мог к ней присоединиться, потому что, во-первых, обещал Аслану выполнить поручение, а во-вторых, появившись дома, мог там застрять. Но Полли отказалась покидать его, и мальчик сказал, что это действительно по-товарищески.

– Слушай, – вспомнила девочка, – а ведь у меня в кармане до сих пор остатки от того пакета с ирисками. Все-таки лучше, чем ничего.

– Куда лучше. Только не дотронься до колечек, когда будешь шарить у себя в кармане, ладно?

С этой трудной и тонкой задачей Полли в конце концов справилась. Бумажный пакетик оказался размокшим и липким, так что детям пришлось скорее отдирать бумагу от ирисок, чем наоборот. Иные взрослые – вы же знаете, какие они в таких случаях бывают зануды – предпочли бы, верно, вовсе обойтись без ужина, чем есть эти ириски. Было их девять штук, и Дигори пришла в голову гениальная идея съесть по четыре, а оставшуюся посадить в землю, потому что «если уж обломок фонарного столба вырос тут в маленький фонарь, то почему бы из одной ириски не вырасти целому конфетному дереву?» Так что они выкопали в земле ямку и посадили туда ириску, а потом съели оставшиеся, пытаясь растянуть это удовольствие. Нет, неважная была трапеза, даже со всеми остатками пакета, которые они в конце концов съели тоже.

Покончив со своим замечательным ужином, Стрела легла на землю, а дети, подойдя к ней, уселись по сторонам, прислонившись к теплому лошадиному телу. Когда добрая лошадь укрыла Полли и Дигори своими крыльями, им стало совсем уютно. Под восходящими звездами этого молодого мира они говорили обо всем, и, конечно, о том, как Дигори надеялся получить лекарство для мамы, а взамен его послали в этот поход. И еще они повторили друг другу приметы, по которым должны были узнать место своего назначения – голубое озеро, и гору с садом на вершине. Голоса их мало-помалу становились тише, и дети уже почти засыпали, когда Полли вдруг привстала:

– Ой, слышите?

751

Все стали изо всех сил прислушиваться.

– Наверное, ветер шумит в деревьях, – сказал наконец Дигори.

– Я не очень уверена, – сказала лошадь. – Впрочем… погодите! Опять.

Клянусь Асланом, что это такое?

Стрела с большим шумом вскочила на ноги; что до Полли и Дигори, то они вскочили еще раньше. Все они принялись осматривать место своего ночлега, раздвигать ветки, залезать в кусты. Полли один раз совершенно точно померещилась чья-то высокая темная фигура, ускользающая в западном направлении. Но поймать им никого не удалось, и в конце концов Стрела улеглась обратно, а дети снова устроились у нее под крыльями и мгновенно заснули. Лошадь не не спала еще долго, шевеля ушами в темноте, и иногда вздрагивая, будто на нее садились мухи, но в конце концов заснула тоже.

Глава тринадцатая. НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

– Вставай, Дигори, вставай, Стрелка! – раздался голос Полли.

– Из нашей ириски правда выросло конфетное дерево! А погода какая!

757

Сквозь лес струились низкие лучи утреннего солнца, трава была вся серая от росы, а паутинки сияли, словно серебро. Прямо за ними росло небольшое дерево с очень темной корой, размером примерно с яблоню. Листья у него были серебристо-белые, как у ковыля, а между ними виднелись плоды, напоминавшие обыкновенные финики.

– Ура! – закричал Дигори. – Только я сначала попью.

Он пробежал через цветущую лужайку к реке. Вам когда-нибудь ????

Наконец Полли и Дигори принялись за работу. Плоды конфетного дерева были даже вкуснее, чем простые ириски, мягче и сочнее. Собственно, это были фрукты, которые напоминали ириски. Стрела тоже прекрасно позавтракала. Попробовав один из плодов, она заявила, что ей нравится, но все-таки в такой час она предпочитает траву. После этого дети не без труда забрались к ней на спину и продолжили свое путешествие.

Оно казалось им еще чудеснее, чем накануне. Все чувствовали себя свежее, солнце светило им не в глаза, а в спину, не мешая разглядывать лежащие внизу красоты. Повсюду вокруг лежали горы, с вершинами, покрытыми снегом. Далеко внизу зеленели долины, синели ручьи, стекавшие с ледников в главную реку, и все это было похоже на драгоценную корону. Эта часть полета оказалась, правда, куда короче, чем им бы хотелось. Вскоре до них донесся незнакомый запах."Что это?» – заговорили они. «Откуда? Чувствуете?» Так могли бы пахнуть самые замечательные плоды и цветы в мире. Запах этот, сильный и какой-то золотистый, доносился откуда-то спереди.

– Это из той долины с озером, – предположила Стрела.

– Точно, – отвечал Дигори, – смотрите! Вон зеленая гора в дальнем конце озера. И смотрите, какая вода голубая!

– Это и есть то самое место! – воскликнули все трое.

Стрела широкими кругами спускалась все ниже. Впереди высились снежные пики, а воздух теплел, становился таким нежным и сладостным, что хотелось плакать. Лошадь парила с распростертыми крыльями совсем близко к земле, вытянув ноги, чтобы приготовиться к приземлению.Вдруг на них резко надвинулся зеленый склон, и лошадь приземлилась – не вполне мягко, так что дети скатились у нее со спины и очутились на теплой траве. Никто не ушибся, только оба они слегка задыхались от волнения.

До вершины горы оставалась примерно четверть ее высоты, и дети сразу принялись карабкаться вверх по склону. (Между прочим, им это вряд ли удалось бы, если б Стрела со своими крыльями не приходила иногда на помощь – то подталкивая, то помогая удержать равновесие.) Вершину горы окружала земляная стена, а за ней росли раскидистые деревья. Листья на ветках, нависавших над стеною, под порывами ветерка отливали серебром и синью. Путникам пришлось обойти почти всю стену, покуда они не обнаружили в ней ворот; высокие золотые ворота были обращены на восток. Они были наглухо закрыты.

До этого момента, мне кажется, Полли и лошадь намеревались войти в сад вместе с Дигори. Но при виде ворот им сразу расхотелось. Место это выглядело удивительно негостеприимным. Только круглый дурак зашел бы туда просто так, без поручения. Дигори сразу же понял, что остальные и не захотят войти с ним в сад, и не смогут. Так что к воротам он подошел один.

Приблизившись к ним вплотную, мальчик увидал сделанную на золоте примерно такую надпись серебряными буквами:

768

Ты, что стоишь у золотых ворот, Пройди сквозь них, сорви заветный плод.

Но коль его другим не отнесешь, Страсть утолишь и муку обретешь.

– Но коль его другим не отнесешь, – повторил Дигори. – Именно с этим я сюда и явился. Надо полагать, что мне самому его есть не стоит. Не пойму, что за чушь в последней строчке. Пройди сквозь них, сквозь ворота, то есть. Естественно, не через стену же лезть, если ворота открыты. Только как же, спрашивается, их открыть? – Он прикоснулся к воротам и они тут же распахнулись внутрь, повернувшись на своих петлях совершенно бесшумно.

Теперь, когда Дигори увидел этот сад, он показался ему еще негостеприимнее. Озираясь, он весьма торжественно прошел сквозь ворота. Вокруг стояла тишина, даже фонтан, бьющий в центре сада, журчал совсем слабо. Дигори чувствовал все тот же дивный запах. Казалось, это было место, где жило счастье, но не было беззаботности.

771

Нужное дерево он сразу узнал: во-первых, оно росло в самой середине сада, а во-вторых, было сплошь увешано большими серебряными яблоками. Яблоки отбрасывали блики, игравшие на траве, особенно яркие там, куда не попадало солнце. Пройдя прямо к дереву, он сорвал яблоко и положил его в нагрудный карман своей школьной курточки. Однако он не удержался и сначала осмотрел яблоко, а потом и понюхал его.

Сделал он это совершенно напрасно. Ему немедленно показалось, что он умирает от голода и жажды, и жутко захотелось попробовать яблоко. Он быстро запихал его в карман, но на дереве сияли еще сотни других. Почему нельзя было попробовать хоть одно? В конце концов, думал он, надпись на воротах – не обязательно приказ. Наверное, это просто совет. А кто слушается советов? И даже если надпись – приказ, разве он нарушит его, если съест яблоко? Он ведь уже сорвал одно для других.

Размышляя таким образом, он поглядел наверх, сквозь ветки дерева. На ветке прямо у него над головой тихо сидела поразительной красоты птица, казавшаяся почти спящей. Во всяком случае, только один глаз у нее был приоткрыт, да и то слегка. Размером она была с крупного орла: желтогрудая, красноголовая, с фиолетовым хвостом.

«Вот каким осторожным надо быть в этих волшебных местах, – рассказывал потом Дигори. – Никогда не знаешь, кто за тобой может подсматривать». Впрочем, мне кажется, что Дигори все равно бы не сорвал яблока для себя. В те времена всякие истины вроде «не укради» вбивали в головы мальчикам куда настойчивей, чем сейчас. Хотя, кто знает…

Дигори уже поворачивался, чтобы вернуться к воротам, когда вдруг обнаружил, порядком перепугавшись, что он тут не один. В нескольких шагах от мальчика стояла ведьма-королева, только что швырнувшая на землю огрызок яблока. Губы у нее были перемазаны соком, почему-то очень темным. Дигори сразу сообразил, что колдунья, вероятно, перелезла через стену, и начал смутно понимать последнюю строчку, насчет утоленной страсти и обретенной муки. Дело в том, что ведьма стояла с гордым, сильным, даже торжествующим видом, но лицо ее было мертвенно белым, словно соль.

Эта мысль заняла всего один миг, и Дигори тут же рванулся к воротам, а ведьма кинулась вслед. Ворота сразу закрылись за ним, но он обогнал королеву не намного. Он еще не успел подбежать к своим товарищам, выкрикивая: «Полли, Стрелка, скорее!», – как колдунья, не то перемахнув через стену, не то перелетев, уже снова настигала его.

777

– Стойте! – крикнул Дигори, обернувшись к ней, – Ни шагу, а то мы все исчезнем!

– Глупый мальчишка, – сказала ведьма. – Куда ты бежишь? Я тебе зла не сделаю. Если ты не остановишься, чтобы выслушать меня, то сильно потом пожалеешь. От тебя ускользнет неслыханное счастье.

– Слушать не хочу, – отвечал Дигори, – благодарю покорно. Однако он все-таки остался стоять.

– Я о твоем поручении знаю, – продолжала ведьма. – Это я вчера пряталась в кустах и слышала все ваши разговоры. Ты сорвал яблоко, спрятал в карман и теперь отнесешь льву, чтобы он его съел. Простак, простак! Ты знаешь, что это за яблоко? Я тебе скажу. Это же яблоко молодости, плод вечной жизни! Я знаю, ибо я его отведала, и теперь чувствую, что никогда не состарюсь и не умру. Съешь его, мальчик, съешь, и мы оба будем жить вечно, и станем королем и королевой здешнего мира – а если захочешь вернуться в свой, – так твоего.

– Нет уж, спасибо, – сказал Дигори. – Вряд ли мне захочется жить, когда умрут все, кого я знаю. Уж лучше я проживу свой обычный срок, а потом отправлюсь на небо.

– А как же насчет твоей матери? Которую ты, по твоим словам, так обожаешь?

– При чем тут она? – сказал Дигори.

– Ты что, не понимаешь, что это яблоко ее мгновенно вылечит? Оно у тебя в кармане, мы с тобой тут одни, лев твой далеко. Призови свои чары, вернись домой, к постели матери, и дай ей откусить кусочек. Через пять минут лицо ее порозовеет. Она скажет тебе, что у нее больше ничего не болит. Потом – что к ней возвращаются силы. Потом она заснет. Ты подумай только, заснет, несколько часов проспит нормальным сном, без лекарств. А на следующий день все будут только и говорить о том, как она замечательно поправилась. Скоро она снова будет совершенно здорова. Все будет в порядке. Семья твоя снова станет счастливой. И ты будешь таким же, как твои сверстники.

785

Застонав, будто от боли, Дигори взялся рукой за голову. Он понял, что перед ним сейчас ужасный выбор.

– Ну что тебе, спрашивается, хорошего сделал этот лев? – сказала ведьма. – И что он сможет тебе сделать, когда ты вернешься в свой собственный мир? И что подумает твоя мать, если узнает, что ты мог ее спасти, мог утешить своего отца – и вместо этого выполнял поручения какого-то дикого зверя в чужом мире, до которого тебе нет никакого дела?

– Он… он не дикий зверь, – в горле у Дигори было совершенно сухо. – Он… я не знаю…

– Да он хуже зверя! – вскричала колдунья. – Смотри, во что он тебя превратил, какой ты стал бессердечный! Как все, кто его слушается. Жестокий, безжалостный мальчишка! Мать твоя умирает, а ты..

– Бросьте! – тем же голосом сказа Дигори. – Думаете, я сам не вижу? Но… я ему обещал.

– Ты сам не понимал, ,что ты ему обещал. И здесь некому тебе помешать.

– Маме бы самой это не понравилось, – Дигори с трудом подбирал слова, – она всегда меня учила, чтобы я держал слово и ничего не воровал… и вообще. Будь она здесь, она бы мне сама велела вас не слушаться.

– Так она же никогда не узнает! – Трудно было представить, что ведьма способна говорить таким сладким голосом. – Ты ей не обязан говорить, где достал яблоко. И папе не говори. Никто в вашем мире никогда ничего об этой истории не узнает. И девчонку ты с собой обратно брать не обязан.

Тут-то ведьма и сделала непоправимую ошибку. Конечно, Дигори знал, что Полли может вернуться и сама, но колдунье-то это было неизвестно. А сама мысль о том, чтобы бросить Полли здесь, была такой мерзкой, что и все остальные слова ведьмы сразу показались Дигори фальшивыми и гнусными. Как ни худо было Дигори, голова его вдруг прояснилась.

– Слушайте, а вам-то какое до всего этого дело? – сказал он гораздо громче и отчетливей, чем раньше. – С чего это вас так моя мама разволновала? Что вам вообще нужно?

– Отлично, Дигори! – прошептала Полли ему на ухо. – Скорей! Побежали! – Она не отважилась ничего сказать, пока ее друг разговаривал с колдуньей. Ведь это не у нее умирала мама.

– Ну, вперед! – Дигори помог девочке забраться на Стрелу и залез вслед за нею. Лошадь расправила крылья.

– Ну и бегите, глупцы! – крикнула колдунья. – Ты еще вспомнишь обо мне, несчастный, когда станешь умирающим стариком, когда вспомнишь, как отказался от вечной молодости! Другого яблока тебе никто не даст! Они были уже так высоко, что слов колдуньи почти не услыхали. А сама она, не тратя попусту времени, направилась по склону горы куда-то на север.

Они вышли в путь рано утром, а приключение в саду заняло не так много времени, так что и Стрела, и Полли надеялись засветло вернуться в Нарнию. Дигори всю дорогу молчал, а его друзья стеснялись заговорить с ним. Мальчик грустил, и порою сомневался, правильно ли поступил. Но стоило ему вспомнить слезы Аслана – и сомнения отступали прочь.

799

Весь день Стрела мерно махала своими неутомимыми крыльями. Они летели вдоль реки на восток, потом сквозь горы и над дикими лесистыми холмами, потом над величественным водопадом, покуда не начали спускаться туда, где на леса Нарнии падала тень могучей горной гряды, туда, где Стрела наконец увидела под алым закатным небом толпу созданий, собравшихся у реки, и среди них – Аслана. Спланировав вниз, лошадь расставила копыта, сложила крылья и мягко коснулась земли. Дети спрыгнули вниз, и Дигори увидел, как звери, карлики, сатиры, нимфы и другие создания расступаются перед ним. Он прошел прямо к Аслану, протянул ему яблоко и сказал:

800

– Я принес вам то, что вы просили, сэр.

Глава четырнадцатая. КАК САЖАЛИ ДЕРЕВО

– Хорошо, – сказал Аслан голосом, от которого содрогнулась земля. Дигори сразу понял, что все жители Нарнии слышали эти слова, и теперь будут передавать их своим детям век за веком, быть может даже – всегда. Но опасность зазнаться не грозила мальчику. Он совсем не думал о своих заслугах, когда стоял перед Асланом, и на этот раз мог глядеть ему прямо в глаза. О своих бедах он позабыл и ни о чем не тревожился.

– Хорошо, сын Адама, – повторил лев. – Ради этого плода ты алкал, и жаждал, и плакал. Ничья рука, кроме твоей, не может посадить семя дерева, которое будет защищать Нарнию. Брось яблоко к реке, туда, где мягкая почва.

Дигори послушался. Все стояли так тихо, что слышен был мягкий звук удара яблока о землю.

– И бросил ты хорошо, – сказал Аслан. – А теперь отправимся на коронацию Фрэнка, короля Нарнии, и королевы Елены.

Тут дети заметили извозчика и Нелли, одетых в причудливый и прекрасный наряд. Четыре карлика держали шлейф королевской мантии, и четыре феи – шлейф платья королевы. Головы их были обнажены, Елена распустила волосы и очень похорошела. Преобразила их, однако, не прическа и не одежда. Иными стали их лица, особенно у короля. Казалось, что вся хитрость, недоверчивость и сварливость, которых он набрался, когда был лондонским извозчиком, бесследно исчезли, уступив место его природной доброте и отваге. Может быть, это случилось благодаря воздуху юного мира, может быть – благодаря разговорам с Асланом, а вернее всего – по обеим причинам.

807

– Ну и ну! – шепнула Стрела Полли. – Хозяин-то мой изменился не меньше меня. Теперь он и вправду хозяин!

– Точно, – отвечала Полли, – только не жужжи мне в ухо, Стрелка. Щекотно!

– А теперь, – сказал Аслан, – давайте-ка разберемся с этими деревьями. Пусть кто-нибудь распутает им ветки.

810

Дигори увидел четыре близко растущих друг к другу дерева, ветки у которых были перепутаны, а кое-где и связаны, образуя нечто вроде клетки. Два слона пустили в дело хоботы, трое карликов – топорики, и вскоре зрителям явилось, во-первых, деревце, сделанное как бы из золота, во-вторых – похожее на него серебряное, а в-третьих – некий ужасно жалко выглядевший предмет, сгорбившийся между ними в своей перепачканной одежде.

– Ой! – прошептал Дигори. – Дядя Эндрью!

812

Чтобы все это объяснить, нам придется немножко вернуться назад. Как вы помните, звери пытались посадить дядю в землю и полить его. Когда вода привела его в чувство, он обнаружил, что по колени закопан в землю, совершенно мокр, и к тому же окружен чудовищной толпой диких зверей. Неудивительно, что он принялся кричать и стонать. С одной стороны, это было не так плохо, потому что все звери, не исключая даже и кабана, поняли, что имеют дело с живым существом, и выкопали его обратно. Брюки дядюшки к этому времени превратились в нечто неописуемое. Едва высвободив ноги, он попытался улизнуть, но слон тут же обхватил его хоботом и водворил на место. Звери хотели подождать Аслана, чтобы тот сказал, как распорядиться с дядюшкой. Так что они соорудили что-то вроде клетки вокруг него, а потом стали предлагать пленнику всевозможную еду.

813

Ослик просунул в клетку порядочный ворох чертополоха, однако дядюшке явно это блюдо не понравилось. Белки принялись обстреливать его пригоршнями орехов, но старый волшебник только прикрыл голову руками, уклоняясь от подарков. Целая стая птиц сновала взад-вперед, роняя в клетку дождевых червей. Особенно благородно поступил медведь, он принес дядюшке гнездо диких пчел, которое очень хотел бы съесть сам. Достойный зверь совершил большую ошибку. Когда он просовывал эту липкую массу, в которой еще были живые пчелы, сквозь отверстие в клетке, она ткнулась дядюшке Эндрью прямо в физиономию. Сам мишка вовсе бы не обиделся, если б кто-нибудь сунул ему под нос такой подарок, и потому несказанно удивился, когда дядя дернулся назад, поскользнулся и сел на землю. «Ничего, – сказал кабан, – ему в рот все-таки попало медку, это ему непременно пойдет на пользу». Звери начали привязываться к своему странному питомцу, и надеялись, что Аслан позволит им держать его у себя. Самые умные уже понимали, что не все звуки, издаваемые зверьком, бессмысленны. Они назвали его Брэнди, потому что это сочетание звуков он издавал особенно часто.

814

В конце концов им пришлось на всю ночь оставить его в покое. Аслан весь день беседовал с королем и королевой, занимался и другими делами; потому не смог заняться «бедным старым Брэнди». На ужин ему хватило набросанных в клетку орехов, груш, яблок и бананов, но нельзя утверждать, что он провел приятную ночь.

815

– Приведите это создание, – велел Аслан. Подняв дядю Эндрью хоботом, один из слонов положил дядюшку у самых ног льва. Дядя не мог шевельнуться от страха.

– Пожалуйста, Аслан, – сказала Полли, – успокойте его как-нибудь, чтобы он перестал пугаться! И скажите ему что-нибудь такое, чтобы ему расхотелось сюда снова попадать, ладно?

817

– Думаешь, ему хочется? – спросил лев.

– Может, и нет, – отвечала Полли, – но он может кого-нибудь сюда послать. Он так взбудоражился, когда увидел столб, выросший из той железки, что теперь думает…

– Он заблуждается, дитя, – сказал лев. – Этот мир кипит сейчас жизнью, потому что песня, которой я вызвал его к жизни, еще висит в воздухе и отзывается в земле. Скоро это кончится. Но я не могу поговорить с этим старым грешником, не могу утешить его – ибо он не хочет понимать моих слов, а вместо них слышит только рев и рычание. О дети Адама! как умеете вы защищаться от всего, что может принести вам добро! Но я поднесу ему тот единственный дар, который он еще может принять.

820

Печально опустив свою огромную голову, лев дунул в лицо перепуганному чародею.

– Спи, – сказал он. – Спи, отгородись на несколько часов от всех бед, которые ты накликал на свою голову.

Дядя Эндрью тут же закрыл глаза и повернулся набок, а дыхание его стало ровным.

– Отнесите его в сторонку, – сказал Аслан. – А теперь пускай карлики покажут нам, какие они кузнецы. Сделайте короны для короля и королевы!

822

Невообразимая толпа карликов ринулась к золотому деревцу, во мгновение ока оборвала с него все листья и даже обломала некоторые ветки. Дети увидели, что деревце и впрямь было из самого настоящего золота. Конечно, оно выросло из тех полусоверенов, которые вывалились из карманов дядюшки Эндрью, когда его перевернули вверх ногами. Точно так же и серебряное деревце выросло из монеток по полкроны. Невесть откуда карлики притащили валежник для костра, маленькую наковальню, кузнечные меха, молоточки и щипцы. Через минуту – карлики любили свое ремесло! – уже пылал огонь, рычали меха, плавилось золото, стрекотали молоточки. Два крота, – Аслан отрядил их еще с утра на поиски – положили на траву кучу драгоценных камней. Под умными пальцами маленьких кузнецов быстро возникли короны – не уродливые, тяжелые головные уборы европейских монархов, а легкие, изящные, дивно изогнутые обручи, которые можно было бы носить просто для красоты. Фрэнку предназначалась корона с рубинами, а Елене – с изумрудами.

823

Когда короны остудили в речке, Фрэнк и Елена встали перед львом на колени, и он возложил их им на головы

– Встаньте, король и королева Нарнии, отец и мать многих королей, что будут править Нарнией, и Островами, и Архенландией! Будьте справедливы, милосердны и отважны. Благословляю вас.

Поднялся радостный крик. Кто трубил, кто ржал, кто блеял, кто хлопал крыльями – а королевская чета стояла торжественно, в благородной застенчивости. Дигори еще кричал «Ура!», когда услыхал рядом глубокий голос Аслана.

– Смотрите!

825

Обернувшись, все в толпе издали вздох удивления и восхищения. Чуть поодаль, возвышаясь над их головами, стояло дерево, которого только что там не было. Оно выросло беззвучно и стремительно, как поднимается флаг на мачте, покуда народ был поглощен коронацией. От его развесистых ветвей, казалось, исходит не тень, а свет, и под каждым листом сияли, словно звезды серебряные яблоки. Но еще прекрасней, чем вид дерева, был струящийся от него аромат, заставлявший забыть обо всем на свете.

– Сын Адама, – сказал Аслан, – ты хорошо сделал свое дело. А вы, нарнийцы, как зеницу ока берегите это дерево, ибо оно будет охранять вас. Колдунья, о которой я рассказал вам, бежала далеко, на север вашего мира, и будет там совершенствовать свое черное волшебство. Но пока растет это дерево, она не сможет явиться в Нарнию. Ибо благоухание его, дарующее вам радость, здоровье и жизнь, сулит ей гибель, ужас и отчаяние.

827

Все торжественно глядели на дерево, когда вдруг Аслан, сверкнув золотой гривой, повернулся к детям, застав их за перешептыванием и переглядыванием.

– В чем дело, дети?

828

– Ой… Аслан… сэр.., – Дигори густо покраснел. – Я забыл вам сказать. Ведьма съела одно такое яблоко. Такое же, как я посадил. – Он замялся, и Полли договорила за него, потому что меньше, чем Дигори, боялась показаться глупой.

– Мы подумали, Аслан, что она, наверное, теперь не испугается запаха дерева.

– Почему ты так думаешь, дочь Евы?

831

– Она же одно съела.

– Дитя, – отвечал лев, вот почему она и будет теперь страшиться остальных плодов этого дерева. Так случается с каждым, кто срывает плоды в неположенное время и не так, как следует. Плод кажется им вкусным, но потом они всю жизнь жалеют.

– Вот как, – сказала Полли. – Наверно, раз она его как-то не так сорвала, то оно на нее и не подействует. В смысле, она не будет вечно молодой и все такое?

– Увы, – покачал головой Аслан, – будет. Любая вещь поступает согласно своей природе. Она утолила желание сердца, ваша ведьма. Словно богиня, она будет обладать неистощимой силой и вечной жизнью. Но что есть вечная жизнь для этого сердца? Это лишь вечные беды, и она уже чувствует это. Каждый получает, что хочет, но не каждый радуется этому.

– Я… я сам чуть не съел одно, – сказал Дигори. – Я бы тогда тоже…

– Да, дитя мое. Плод непременно дает бессмертие и силу, но никогда не дает счастья, если его сорвали по собственной воле. Если б кто-то из нарнийцев сам посадил бы тут украденное яблоко, из него тоже выросло бы дерево, защищающее страну – но она просто стала бы жестокой и сильной державой, как Чарн, а не добрым краем, каким я ее создал. Ведь колдунья еще что-то уговаривала тебя сделать, правда?

– Да, Аслан. Она подбивала меня взять яблоко для мамы.

– И оно бы исцелило ее, только ни ты, ни она не были бы этому рады. Пришел бы день, когда вы оба вспомнили бы об этом яблоке и сказали, что лучше бы твоей маме было умереть, чем получить такое исцеление.

Дигори молчал. Его душили слезы. Он думал, что ему уже не спасти маму, однако верил льву, и знал теперь, что есть на свете вещи пострашнее смерти. Но Аслан заговорил снова, на этот раз – почти шепотом.

840

– Вот что случилось бы, дитя, если бы ты украл яблоко. Но ты устоял, и теперь случится другое. То, что я дам тебе, принесет вам радость. В твоем мире оно не даст вечной жизни, но исцелит твою маму. Ступай, сорви яблоко.

841

Дигори на секунду остолбенел, словно весь мир на его глазах перевернулся. Медленно, как во сне, он направился к дереву, под одобрительные возгласы королевской четы и всех созданий. Сорвав яблоко, он сунул его в карман и вернулся к Аслану.

842

– Можно, мы пойдем домой? – спросил он, забыв сказать спасибо. Но Аслан его понял.

843

Глава пятнадцатая. КАК КОНЧИЛАСЬ ЭТА ПОВЕСТЬ И НАЧАЛИСЬ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

– Когда рядом я, вам не нужны кольца, – услыхали дети голос Аслана. Замерев, они огляделись и увидали, что снова стоят в Лесу Между Мирами. Дядя дремал на траве, а рядом с ними стоял лев.

– Вам пора домой, – сказал он, – только сначала я должен вам кое-что сказать. Одна вещь будет предупреждением, а другая – приказом. Смотрите. Они увидели в земле заросшую травой ямку, теплую и сухую.

846

– В прошлый раз, когда вы здесь были, тут был пруд, через который вы попали в мир, где умирающее солнце сияло над развалинами Чарна. Пруда больше нет. Нет и того мира, словно никогда не было. Да помнит об этом племя Адама и Евы

– Хорошо, Аслан, – хором ответили дети, а Полли добавила: – Мы ведь не такие скверные, как они, правда?

– Еще не такие, дочь Евы, – сказал лев, – пока еще нет. Но вы становитесь все хуже. Кто знает, не найдет ли кто-то из вашего мира такой же ужасной тайны, как Недоброе Слово, чтобы уничтожить все живое на земле. Скоро, очень скоро, до того, как вы состаритесь, тираны встанут у власти великих держав вашего мира, – тираны, которым радость, милосердие и справедливость будут так же безразличны, как императрице Джадис. Помните об этом и берегитесь. Вот мое предупреждение. Теперь приказ. Как можно скорее отберите у вашего дяди волшебные кольца и заройте их поглубже, чтобы никто больше не смог ими воспользоваться.

Покуда лев говорил, дети глядели ему прямо в лицо, и вдруг – ни Полли, ни Дигори так и не поняли, как это случилось, – оно превратилось в сияющее золотое море, в которое они погрузились, окруженные любовью и могучей силой, и они почувствовали такое блаженство, словно никогда до этого не знали ни счастья, ни мудрости, ни доброты, ни вообще жизни и пробуждения. Память об этом мгновении навсегда остались с ними, и до конца своих дней в минуты грусти, страха или гнева они вспоминали это золотое блаженство, и казалось, что оно и сейчас недалеко, чуть ли не за углом, – и душу их наполняла спокойная уверенность. А еще через минуту все трое – дядя Эндрью успел проснуться – уже оказались в шумном и душном Лондоне.

850

Они стояли на мостовой перед домом Кеттерли, и если бы не исчезли колдунья, извозчик и лошадь, все было бы точно так же, как перед путешествием. Все так же стоял фонарный столб без одной перекладины, все так же лежали на мостовой обломки кэба, и все так же вокруг них сгрудилась толпа. Все говорили по-прежнему; кое-кто склонился к оглушенному полисмену, и то и дело слышалось «Вроде очнулся!..», или «Ну как, старина, получше тебе?», или «Скорая помощь мигом приедет».

851

– Ничего себе! – поразился Дигори. – Здесь, кажется, и секунды не прошло!

852

Большинство зевак озиралось в поисках Джадис и лошади. Детей никто даже не заметил – ни тогда, ни сейчас. Что же до дядюшки Эндрью, то одежда его была в столь плачевном состоянии, а физиономия так основательно вымазана медом, что узнать его было просто невозможно. К счастью, дверь в дом была открыта, и служанка наблюдала из дверного проема за всей комедией – какой все-таки славный выдался ей денек! – так что дети без труда затащили дядюшку внутрь еще до того, как его успели бы заметить.

853

Когда он помчался вверх по лестнице, Полли и Дигори испугались, не торопится ли он припрятать оставшиеся кольца. Но беспокоились они зря. На уме у дядюшки была исключительно бутылка, стоявшая у него в гардеробе, так что он мгновенно исчез у себя в спальне и заперся на ключ, а когда вскоре появился снова, то уже надел халат и направился прямо в ванную.

– Ты достанешь остальные кольца, Полли? Я хочу к маме.

– Конечно. Пока, – Полли побежала на чердак.

856

Дигори остановился перевести дыхание, а потом тихо пошел в спальню к маме. Как всегда, она лежала на подушках с таким исхудалым бледным лицом, что при виде ее хотелось плакать. Дигори достал из кармана свое Яблоко Жизни.

857

Точно так же, как ведьма Джадис выглядела в нашем мире не так, как в своем собственном, изменило свой вид и яблоко из горного сада. В спальне, конечно же, было немало разноцветных вещей – покрывало на постели, обои, солнечный свет из окна, красивая голубая пижама матери Дигори. Но когда он достал яблоко, все эти цвета вдруг побледнели, и даже солнечный свет стал казаться выцветшим. Оно было такое яркое, что отбрасывало странные блики на потолок, и все, кроме яблока, теперь не стоило в этой комнате и взгляда. А запах от Яблока Молодости шел такой, словно кто-то приоткрыл окошко прямо на небеса.

– Ой, милый мой, какая прелесть, – сказала больная.

859

– Ты ведь съешь его, правда? Пожалуйста.

– Уж не знаю, что скажет доктор, – отвечала она, – но… кажется, я могла бы попробовать.

Дигори почистил яблоко, нарезал его и по кусочкам отдал ей. Не успела мама доесть, как улыбнулась и, откинув голову на подушку, заснула самым настоящим глубоким сном, без этих мерзких таблеток, без которых, как знал Дигори, она не могла прожить и дня. И он ясно увидел, что лицо ее переменилось. Наклонившись, Дигори поцеловал маму и украдкой выскользнул из комнаты. Сердце его колотилось, а в руке он сжимал сердцевинку яблока. До самого вечера, глядя на окружавшие его обыкновенные, ничуть не волшебные вещи, он то и дело терял надежду, но вдруг вспомнил лицо Аслана – и ободрился духом.

862

Вечером он зарыл сердцевинку на заднем дворе.

863

Наутро, когда со своим обычным визитом явился доктор, Дигори стал подслушивать его разговор с тетушкой Летти в гостиной.

– Мисс Кеттерли, – это самый поразительный случай за всю мою медицинскую практику. Это… это какое-то чудо. Я бы ничего не стал говорить мальчику, чтобы не будить в нем ложных надежд, однако, по моему мнению… – тут он перешел на шепот, Дигори ничего больше не услыхал.

865

После обеда он вышел в садик на заднем дворе и просвистел условный сигнал для Полли. Вчера ей так и не удалось выбраться из дома.

– Ну как? – Полли выглянула из-за стены – Как она?

– Я думаю… мне кажется, все в порядке, – сказал Дигори. – Только ты прости, я пока не хочу об этом говорить. А как кольца?

868

– Все у меня. Ты не бойся, я в перчатках. Давай их закопаем теперь.

869

– Давай. Я отметил место, где вчера закопал сердцевинку яблока.

Через неделю уже не было никаких сомнений в том, что мама Дигори пошла на поправку. Еще недели через две она смогла сидеть в саду, а через месяц весь дом Кеттерли неузнаваемо переменился. Тетушка Летти открывала окна, поднимала шторы, чтобы по просьбе сестры впустить в комнаты больше света, ставила всюду цветы, готовила вкусные блюда и даже позвала настройщика привести в порядок старое пианино, и мама пела под него, и так веселилась с Полли и Дигори, что тетушка твердила ей: «Мэйбл! Ты у нас самый главный ребенок!»

Вы знаете, что беда не приходит одна. Но и радости иногда приходят сразу друг за другом. Недель через шесть этой замечательной жизни пришло письмо от папы, из Индии. Скончался его двоюродный дед, старый мистер Керк, и папа вдруг разбогател. Теперь он мог бросить службу и навсегда вернуться в Англию. А огромное поместье, о котором Дигори всю жизнь слышал, но никогда не видел, станет теперь их домом, со всеми доспехами, конюшнями, теплицами, парком, виноградниками, лесами и даже горами. Дигори был совершенно уверен, что больше ему в жизни ничего не потребуется. Вот счастливый конец нашей истории. Но на прощание я расскажу вам кое-что еще, совсем немного.

Полли и Дигори навсегда подружились, и почти на каждые каникулы она приезжала к нему в поместье. Там она научилась кататься верхом, доить коров, плавать, печь хлеб и лазить по горам.

Звери в Нарнии жили мирно и радостно, и многие сотни лет их не тревожила ни ведьма Джадис, ни другие враги. Счастливо правили Нарнией король Фрэнк и королева Елена, и второй их сын стал королем Архенландии. Сыновья их женились на нимфах, дочери выходили замуж за речных и лесных богов. Фонарь, случайно посаженный ведьмой, день и ночь светился в нарнийском лесу, и место, где он стоял, стали звать Фонарным Пустырем. Когда много лет спустя в Нарнию из нашего мира пришла в снежную ночь другая девочка, она увидела этот свет. Между прочим, ее приключение связано с той историей, которую вы только что узнали.

Переезжая в поместье, семья Керков захватила с собой и дядюшку Эндрью. «Старика надо держать в узде, – сказал папа Дигори, – и хватит ему висеть на шее у бедной Летти». Дядя навсегда забросил чародейство. Урок пошел ему на пользу, и к старости он стал куда приятней и добрее, чем раньше. Но одно он любил: уводить гостей поодиночке в бильярдную и рассказывать им о даме королевского рода, которую он некогда возил по Лондону. «Вспыльчива она была невыносимо, – говаривал он, – но какая женщина, сэр, какая потрясающая женщина!»